

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

И.Б. МОЩАНСКИЙ

ПРЕВРАТНОСТИ СТРАТЕГИИ

И.Б. Мощанский

Превратности стратегии

Москва
«Вече»
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.1
М74

Мощанский, И.Б.

М74 Превратности стратегии / И.Б. Мощанский. — М. : Вече, 2009. — 160 с., ил. — (Забытые страницы Второй мировой).

ISBN 978-5-9533-4190-5

Эта книга повествует о сложных и драматичных событиях на южном фланге советско-германского фронта в феврале—марте 1943 года. Два фронтовых объединения — Юго-Западный фронт, под командованием Ватутина, и Воронежский, под командованием Голикова, — как бы соревновались между собой за освобождение большей площади советской территории. Однако даже после Сталинграда немецкие войска были еще боеспособны, а германское командование, перегруппировав силы, в марте нанесло Красной армии поражение под Харьковом и снова завладело городом.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.1**

ISBN 978-5-9533-4190-5

© Мощанский И.Б., 2009
© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

ОТ ВОРОНЕЖА ДО ХАРЬКОВА (13 января — 3 марта 1943 года)

В результате наступательных операций, проведенных советскими войсками к середине января 1943 года, Красная армия добилась крупных успехов. Оборона вермахта была сокрушена на огромном протяжении фронта от населенного пункта Ливны на юге России до Моздока на Кавказе. Советские войска на южном крыле советско-германского фронта продвинулись в среднем на 200—400 км, а на отдельных направлениях — до 650 км.

Войска Воронежского, Брянского и Юго-Западного фронтов в течение января вышли на фронт Новосиль, Старый Оскол, Покровское, Лисичанск. На огромном фронте, протяжением до 400 км (от населенного пункта Ливны до Боровского), германское командование имело лишь остатки разбитых соединений группы армий «Б». Для создания обороны на этом участке советско-германского фронта оно спешно перебрасывало с запада и из группы армий «Центр» свои соединения. В районе Горшечное, Старый Оскол до 10 немецких дивизий вели ожесточенные бои, стремясь выйти из окружения.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов, нанеся поражение группе армий «Дон», вышли на подступы к Донбассу. При этом войска Юго-Западного фронта форсировали реку Северный Донец восточнее Ворошиловграда и захватили выгодный плацдарм на его правом берегу. И лишь на левом берегу Дона в районе Батайска войска вермахта удерживали небольшое предместное укрепление.

В создавшейся обстановке Ставка ВГК решила продолжать наступление на южном крыле советско-германского фронта с конечной целью освобождения Левобережной Украины. Особое значение придавалось освобождению Донбасса — крупного экономического района страны. Эту задачу намечалось решить силами Юго-Западного и Южного фронтов. Войска Воронежского фронта должны были развивать наступление на курско-рыльском и харьковско-полтавском направлениях.

Несмотря на тяжелые бои конца 1942 года, на советско-германском фронте произошел окончательный перелом морально-психологического порядка. Подавляющее большинство бойцов Красной армии уже не сомневалось в возможности разгрома немецкой военной машины и жаждало как можно скорее освободить свою Родину от нашествия новых варваров. Подъем в войсках был всеобщий.

Понимая всю серьезность сложившегося положения, германское командование предпринимало немалые усилия, чтобы изменить ход борьбы в свою пользу. Прежде всего, было принято решение о повсеместном переходе к жесткой обороне. Группам армий «Север» и «Центр» предписывалось удерживать занятые к тому времени рубежи. Поскольку над группой армий «А» висела угроза окружения на южном крыле стратегического фронта, ей предстояло оставить юго-восточную часть Северного Кавказа. На юго-западном направлении группам армий «Б» и «Дон» требовалось подготовить прочную оборону на подступах к Курску, Харькову, Донбассу и Ростову. Одновременно создавались ударные группировки для перехода в контрнаступление. Целью развернувшейся в начале 1943 года острой борьбы на советско-германском фронте было завоевание стратегической инициативы.

Обстановка на воронежско-харьковском направлении. Соотношение сил и планы сторон. Разгром немецких войск на Верхнем Дону, а значит, и освобождение всего Харьков-

ского промышленного района, предусматривались Ставкой ВГК в ходе Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции. В рамках ее в 1943 году войсками Красной армии были проведены три наступательные операции: Острогожско-Россошанская (13—27 января), Воронежско-Касторненская (24 января — 2 февраля) и Харьковская (2 февраля — 3 марта).

Наступать на Верхнем Дону должны были войска Воронежского фронта (командующий — генерал-лейтенант, с 19 января 1943 года генерал-полковник Ф.И. Голиков, член Военного совета — генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов, начальник штаба — генерал-майор, с 19 января 1943 года генерал-лейтенант М.И. Казаков) в составе 38, 60, 40-й армий, 18-й отдельного стрелкового корпуса, 2-й воздушной армии, а также 13-я армия Брянского и 6-я армия Юго-Западного фронтов. Вся эта группировка насчитывала 36 дивизий, 2 танковых корпуса, 14 танковых и 11 стрелковых бригад.

Ей противостояли основные силы германской группы армий «Б» (командующий — генерал-полковник, с 1 февраля 1943 года генерал-фельдмаршал М. Вейхс): 2-я немецкая, 2-я венгерская и часть сил 8-й итальянской армии, всего около 30 дивизий.

Накануне операции Ставка ВГК усилила войска Воронежского фронта 3-й танковой армией, 4-м танковым и 7-м кавалерийским корпусами, вследствие чего превосходство фронта над противником стало более внушительным. К тому же имевшиеся в резерве Ставки две армии (69-я и 64-я), танковый и кавалерийский корпуса, 9 дивизий и 5 бригад позволяли своевременно наращивать силу удара, а также отражать возможные контрудары на различных направлениях.

Противостоявшие Воронежскому фронту войска в это время находились в двух крупных боевых группировках. Южная — острогожско-россошанская — включала 21 ди-

визию, в том числе 6 немецких, 10 венгерских и 5 итальянских; северная — воронежско-касторненская — 7 немецких дивизий. Средняя оперативная плотность составляла 17—20 км на одну дивизию, а самая высокая — в районе Воронежа — до 10 км на одну дивизию. Пехотные дивизии насчитывали: немецкие — более 11 тыс. человек, а венгерские и итальянские — от 12 до 16 тыс. человек.

К созданию обороны по правому берегу Дона и севернее Воронежа войска вермахта приступили еще летом 1942 года. Однако в инженерном отношении ее успели оборудовать лишь на тактическую глубину. В оперативной глубине заблаговременно подготовленных рубежей и позиций германское командование не имело. Наиболее прочную оборону оно подготовило в районах сторожевского и щучьенского плацдармов, особо укрепив высоты и населенные пункты, большое количество огневых средств было сосредоточено в главной полосе обороны. Намного слабее оказалась она к югу от Кантемировка, в полосе предстоявшего наступления 6-й армии Юго-Западного фронта. Выгодное оперативное положение, которое занимали советские войска на этом направлении, отсутствие заблаговременно подготовленных позиций и рубежей, сплошных сильных противотанковых заграждений, равномерное расположение сил противника по фронту, незначительная глубина полос, а главное — низкая устойчивость находившихся здесь венгерских и итальянских войск позволяли советскому командованию рассчитывать на быстрый прорыв обороны и развитие наступления в северо-западном направлении, в тыл основных сил группы армий «Б».

Исходя из оценки соотношения сил и средств, Ставка ВГК приняла решение разгромить противника по частям: сначала его войска в районе Острогжска в Россоши, а затем группировку, действовавшую в районе Воронежа и Касторное. В дальнейшем планировалось развивать на-

ступление непосредственно на Курск и Харьков. Выбор острогожско-россошанской группировки вермахта в качестве объекта первоначального воздействия был обусловлен тем, что она по сравнению с другими была менее боеспособной. После ее уничтожения войска Воронежского фронта должны были охватить с юга воронежско-касторненскую группировку и тем самым создать благоприятные условия для ее окружения и разгрома. В дальнейшем это давало возможность развивать наступление непосредственно на Харьков.

**Соотношение сил и средств сторон
(воронежско-харьковское направление
на 13 января 1943 года)**

Силы и средства	Советские войска	Войска Германии и ее союзников	Соотношение
Личный состав, тыс. чел.	502,4	430	1,1:1
Орудия и минометы, шт.	6160	3350	1,8:1
Танки и САУ (штурмовые орудия), шт.	1060	360	2,9:1
Боевые самолеты, ед.	208	300	1:1,4

**ОСТРОГОЖСКО-РОССОШАНСКАЯ
НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
(13—27 января 1943 года)**

Подготовка к операции началась еще 23 ноября 1942 года, в день завершения окружения армии Паулюса под Сталинградом, когда командующий 40-й армией генерал К.С. Москаленко (принял армию в октябре от генерал-майора Ф.Ф. Жмаченко, который в связи с этим возвратился к исполнению своих прямых обязанностей заместителя командующего армией) обратился к Верховному главнокомандующему с просьбой разрешить начать

боевые действия на Верхнем Дону. Сталина это предложение очень заинтересовало. Несколько дней спустя он направил в 40-ю армию представителя Ставки ВГК генерала армии Г.К. Жукова, который вначале был настроен весьма скептически. Но, побывав на командном пункте армии, а затем и на сторожевском плацдарме в расположении 25-й гвардейской и 107-й стрелковых дивизий, в конце концов заявил: «Обо всем увиденном и услышанном во время пребывания в 40-й армии доложу Верховному Главнокомандующему. Предложение о проведении наступательной операции поддержку».

К тому времени в 40-ю армию входили четыре стрелковые дивизии — 100, 159, 206, 141-я, одна танковая бригада (14-я), две истребительные бригады и ряд артиллерийских и минометных полков усиления. При таком составе армии ее оборона на 60-километровом фронте, естественно, была вытянута в одну линию, не имела глубины. Однако уже в начале ноября 1942 года в положении армии произошли некоторые перемены. По приказанию нового командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова (он сменил Н.Ф. Ватутина на этом посту 22 октября) участок фронта от северо-восточной окраины Воронежа до населенного пункта Кременчуг был передан соседу справа — 60-й армии вместе с оборонявшими этот участок войсками — 100, 159-й и 206-й стрелковыми дивизиями. 40-й же армии слева была прирезана часть полосы 6-й армии, в том числе и так называемый сторожевский плацдарм, который сыграл впоследствии важную роль при нанесении главного удара в Острогжско-Росошанской операции.

Сторожевский плацдарм находился на западном берегу Дона в 25 км севернее города Коротояк и представлял собою территорию размером 13 км по фронту и 8 км в глубину. Здесь были расположены населенные

пункты Титчиха, Селявное, восточная часть села Сторожевое 1-е и Урыво-Покровское. Их освободили при захвате плацдарма еще в конце июля 25-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П.М. Шафаренко и другие войска 6-й армии. С передачей К.С. Москаленко сторожевского и — южнее — урывского плацдармов в 40-ю армию вошли и оборонявшие его войска, в том числе и гвардейцы генерала П.М. Шафаренко, а также 107-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П.М. Бежко.

В полосе обороны 40-й армии имелись и другие плацдармы, например в районе Александровки, Архангельского, хутора Черпецкого. Но они были незначительны по площади и давали лишь небольшое позиционное преимущество. Сторожевский же плацдарм, находясь в руках советских частей, представлял для немецкого командования оперативно-тактическую угрозу. Поэтому после многократных бесплодных попыток ликвидировать его германское командование вынуждено было держать здесь в обороне более двух пехотных дивизий.

Большую часть противостоявших 40-й армии войск составляла 2-я венгерская армия (6, 7, 9, 10, 12, 13, 19, 20, 23-я пехотные дивизии, лыжные батальоны 8-й и 22-й кавалерийских дивизий и 1-й бронетанковой венгерской дивизии), а в ее рядах было много солдат и офицеров, не желавших воевать за интересы Германии, и это в известной мере облегчало решение задачи.

К тому времени Венгрия, втянутая своим правительством в войну на стороне Германии, уже понесла тяжелые потери на советско-германском фронте. Только в период с октября 1941 года по сентябрь 1942 года были почти полностью уничтожены 102, 108-я и 109-я венгерские пехотные дивизии, а четыре другие — 6, 7, 9-я и 20-я — потеряли около половины личного состава.

В сентябре хортистские венгерские войска, противостоявшие 40-й армии, получили крупное пополнение. Но, несмотря на затишье, продолжавшееся здесь всю осень и часть зимы, они продолжали нести большие потери, в особенности от советских снайперов. Это усиливало деморализацию венгерских солдат, их гнетущее настроение. Противостоящие 40-й армии войска располагались так: в первом эшелоне — венгерские, во втором — немецкие, причем последние находились там не столько для совместных действий и оказания помощи союзнику, сколько для устрашения не особенно желавших воевать венгерских солдат.

В состав 24-го германского танкового корпуса входили 5 пехотных дивизий (19, 213, 298, 385, 387-я), 27-я танковая дивизия вермахта, а также несколько отдельных пехотных полков. В декабре 1942 года этот корпус понес значительные потери и, по существу, к началу 1943 года не успел создать сплошного фронта обороны. Справа от 2-й венгерской армии находился итальянский Альпийский корпус (всего 57 тыс. человек), а также 24-й танковый корпус вермахта, прикрывавший участок фронта, оставленный итальянскими дивизиями в ходе декабрьского отступления.

Противостоявшие 40-й армии венгерские и в отдельных местах немецкие войска вышли на западный берег Дона в начале июля 1942 года и с тех пор, в течение более пяти месяцев, создавали и совершенствовали оборону. Ее передний край проходил по правому берегу Дона, который почти на сотню метров возвышается над левым. Это позволяло противнику просматривать расположение советских войск на большую глубину и создать систему фланкирующего огня вдоль русла реки и на скатах крутого берега.

На переднем крае командование противника сосредоточило основную массу автоматического оружия. Для

пулеметов была построена система ДЗОТов, соединенных между собой траншеями со стрелковыми ячейками. От траншей в глубину обороны ответвлялись ходы сообщения. Интервалы между ДЗОТами, как и расстояние от них до находившихся позади блиндажей пулеметных расчетов, не превышали 75—100 м. Все это дополнялось устроенными перед передним краем проволочными заграждениями в три ряда, а на отдельных участках — спиралями Бруно и ежами. Когда же темнело, к проволочным заграждениям выставлялись группы охранения из 5—6 человек с ручным или станковым пулеметом. Между ними передвигались патрули в составе 2—4 человек. И те и другие были довольно хорошо видны, так как наблюдатели, снабженные сигнальными пистолетами и ракетами, каждые 1—2 минуты освещали подступы к своему переднему краю.

По данным советской разведки, вторая линия обороны противника представляла собой систему опорных пунктов, расположенных на высотах, в населенных пунктах и отдельных рощах. В каждом из них, в зависимости от его размера и тактической значимости, имелся гарнизон в составе взвода, роты или батальона. Местность в глубине вражеской обороны была пересечена оврагами, руслами малых рек, перелесками. Эти естественные препятствия были использованы для укрепления обороны.

Наиболее прочные опорные пункты были оборудованы в селениях Сторожевое 1-е и Уриво-Покровское, а также в так называемой Ореховой роще. Ореховая роща была расположена на высоте 185 недалеко от переднего края противника. Созданный там опорный пункт был узловым, и его захват подорвал бы всю оборону противостоявших 40-й армии на сторожевском плацдарме войск. Существенным являлось и то обстоятельство, что в Ореховой роще

и в Урыво-Покровском оборонялись части одного соединения, а в соседнем Сторожевом 1-м — другого. Именно Ореховая роща, таким образом, находилась на стыке двух соединений, что до некоторой степени облегчало прорыв их обороны. Расположенный на высоте 185 опорный пункт являлся ключевой позицией.

21 декабря, когда вокруг окруженной группировки противника под Сталинградом было создано довольно плотное кольцо, а попытка деблокировать ее закончилась провалом, Ставка ВГК вновь вернулась к плану разгрома вражеских войск в районе Острогожска и Россоши. Начало наступления намечалось на 12 января 1943 года. Для его проведения привлекались две общевойсковые (6, 40) и 3-я танковая армии, а также 18-й отдельный стрелковый корпус. К началу операции в ударной группировке советских войск насчитывалось 210 тыс. солдат и офицеров, 3155 орудий и минометов, 797 танков и 208 самолетов. Неприятельская острогожско-россошанская группировка, имевшая в своем составе более 21 дивизии — шесть немецких, десять венгерских и пять итальянских, насчитывала не менее 260 тыс. солдат и офицеров и имела свыше 300 танков, 900 орудий, около 8400 пулеметов и более 800 минометов¹.

Придавая большое значение этой операции, Ставка в начале января 1943 года вновь направила на Воронежский фронт Г.К. Жукова и А.М. Василевского. Вместе с командованием фронта они уточнили ее план и оказали помощь в подготовке. Замыслом операции предусматривалось нанесение главного удара по сходящимся на Алексеевку направлениям силами 40-й армии генерала К.С. Москаленко и 3-й танковой армии генерала П.С. Рыбалко, к исходу четвертого-пятого дня — окружение войск противника в районе Острогожска, Россоши и в короткие сроки завершение их разгрома. Вспомогательный фронтальный удар

со щучьенского плацдарма в направлении Щучье, Карпенково должны были нанести дивизии 18-го отдельного стрелкового корпуса генерала П.М. Зыкова. Предполагалось, что действия 40-й армии на флангах будет обеспечивать 4-й танковый корпус, а наступление 3-й танковой армии — 6-я армия Юго-Западного фронта. Планировалось создать внутренний и внешний фронты окружения. К концу операции намечалось захватить рубеж Репьевка, Валуйки, Покровское.

Такой план в наибольшей мере отвечал складывавшейся обстановке, позволял наилучшим образом использовать оперативное преимущество войск Воронежского фронта — плацдарм на Дону, охватывающее положение по отношению к противнику, а также его слабость. При этом учитывался и опыт Сталинградской операции, но в отличие от последней удар по сходящимся направлениям здесь должны были наносить не фронтовые, а армейские объединения. Нельзя не упомянуть о таком достоинстве этого плана, как проведение одновременно с действиями по окружению фронтального рассекающего удара силами 18-го стрелкового корпуса, что создавало благоприятные предпосылки для быстрого разгрома крупной группировки врага.

При подготовке операции предусматривалось немало сложных оперативных мероприятий. Прежде всего, это перегруппировка из глубины и вдоль фронта восьми стрелковых дивизий и шести танковых бригад, затем вывод в исходные районы наступления прибывших кавалерийского и трех танковых корпусов, пяти стрелковых дивизий, танковой и трех лыжно-стрелковых бригад, а также трех артиллерийских дивизий. При этом сосредоточение и перегруппировка проводились в сложных условиях: до 40 % соединений и частей совершали длительные ночные марши в пургу и метели, по труднопро-

ходимым дорогам на расстояние от 100 до 175, а иногда — до 350 км. Из-за бесконечных поломок много танков не дошло до переднего края. Так, в 3-й танковой армии от станции выгрузки в назначенный район прибыло только 306 танков из 428. Отдельные соединения, как, например, 4-й танковый корпус, вообще не смогли подойти к началу боевых действий.

Учитывая, что наступление противника в полосе фронта было маловероятным, командование смело пошло на ослабление второстепенных направлений и за счет этого создало ударные группировки, которые по своим боевым возможностям могли взломать оборону и развить успех в оперативную глубину. Всего на трех участках прорыва шириной 34 км (12 % общего фронта наступления) было сконцентрировано 12 стрелковых дивизий и 2 танковых корпуса. Это позволило достичь превосходства над противником по личному составу в 2,7—3,2 раза, по артиллерии — в 5—8, по танкам — в 1,3—2 раза. Рубежи и позиции на второстепенных участках наступления занимали лишь отдельные части и подразделения. Плотность здесь составляла один батальон на 10 км фронта.

В предстоящем наступлении важная роль отводилась артиллерии. Массированным огнем она должна была обеспечить прорыв вражеской обороны на всю тактическую глубину, не допустить контратак противника на флангах, в особенности на правом, всячески содействовать разгрому его резервов, а затем рассечению и уничтожению всей группировки. В 40-й армии и 18-м отдельном стрелковом корпусе, в полосах наступления которых, по данным разведки, построение обороны противника было самым глубоким, создавались армейская и корпусная артиллерийские группы. На артиллерийскую подготовку атаки отводилось 120 минут. Большое количество орудий планировалось использовать для стрельбы прямой наводкой.

Решающая роль в проведении Острогожско-Россошанской наступательной операции отводилась 3-й танковой армии под командованием старого кавалериста генерала П.С. Рыбалко. Она состояла из 12-го (30, 97, 106 тбр; 13-я мотострелковая бригада, 13-я инженерно-минная рота, 6-й разведбатальон, 88-я и 93-я подвижные рембазы) и 15-го (88, 113, 195 тбр; 52-я мотострелковая бригада, 5-й разведбатальон, 71-я и 96-я подвижные рембазы) танковых корпусов и 39-го разведывательного бронепатальона. Перед наступлением дополнительно в состав армии были включены 7-й кавалерийский корпус с 201-й танковой бригадой, 180-я и 184-я стрелковые дивизии, 173-я отдельная танковая бригада, 8-я артиллерийская дивизия, 15-я и 16-я гвардейские минометные бригады, 97-й гвардейский минометный полк, 46-й и 47-й инженерные батальоны резерва Ставки ВГК.

По штату в тяжелой танковой бригаде танковой армии насчитывалось 24 тяжелых танка КВ и 27 легких танков Т-60/Т-70 (на 3 января 1943 года в 3-й танковой армии была только одна 97-я тяжелая танковая бригада 12-го танкового корпуса. — *Примеч. авт.*), а в остальных — по 20 средних танков Т-34 и 26 легких танков Т-70/Т-60. В 201-й танковой бригаде на 12 января 1943 года числилось 49 танков английского производства: 6 МК II «Матильда» и 43 МК III «Валентайн». В 173-й танковой бригаде на 15 января 1943 года было 5 КВ, 21 Т-34 и 20 Т-70/Т-60².

Армия имела задачу, наступая в 30-километровой полосе (от Пасеково до Ясиноватой), ударом главных сил из района северо-западнее Кантемировка прорвать на 10-километровом участке оборону 24-го танкового корпуса противника и развивать наступление в северо-западном направлении. К исходу четвертого дня наступления армия должна была танковыми корпусами выйти на рубеж Каменка, Алексеевка, где соединиться с войсками 40-й армии и

18-го стрелкового корпуса, наступающих с северо-востока, окружить и уничтожить острогожско-россопанскую группировку противника, а 7-м кавалерийским корпусом развить успех в западном направлении, овладеть Валуйками и Уразово и перерезать железную дорогу Касторная — Купянск. Глубина задачи армии составляла 150 км, среднесуточный темп наступления танковых корпусов — 40 км, а стрелковых дивизий — 20 км³.

Для поддержки боевых действий армии выделялись 227-я штурмовая и 205-я истребительная авиационные дивизии, 646-й и 715-й ночные авиационные полки (У-2) 2-й воздушной армии.

В течение 5 января командарм П.С. Рыбалко с командирами танковых корпусов, стрелковых дивизий, начальниками родов войск и офицерами штаба армии производил рекогносцировку местности. Командарм решил прорвать оборону противника тремя стрелковыми дивизиями и стрелковой бригадой, усиленной танками непосредственной поддержки и артиллерией, а танковые корпуса и кавалерийский корпус использовать для развития успеха. Учитывая, что в полосе наступления армии оборона противника была недостаточно развитой и ее глубина не превышала 4 км, танковые корпуса планировалось ввести в сражение после продвижения стрелковых дивизий на глубину до 3 км.

В центре наступали 180-я и 48-я гвардейская стрелковые дивизии, а на флангах — 37-я стрелковая бригада и 184-я стрелковая дивизия со средствами усиления. При этом 180-я дивизия получила на усиление 173-ю отдельную танковую бригаду, а 48-я гвардейская стрелковая дивизия — 97-ю танковую бригаду 12-го танкового корпуса.

12-й танковый корпус, усиленный 1172-м истребительно-противотанковым артиллерийским и 319-м зенитно-артиллерийским полками, а также 40-м инженерным

батальоном, получил задачу войти в прорыв на стыке 48-й гвардейской и 180-й стрелковых дивизий, к исходу дня овладеть Россошью и Лизиновкой и в дальнейшем наступать на Каменку. 15-й танковый корпус, усиленный 368-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком, 71-м зенитно-артиллерийским полком и 47-м инженерным батальоном, должен был пойти в прорыв на стыке 48-й и 184-й дивизий, к исходу дня овладеть Екатериновкой и в дальнейшем наступать на Варваровку и Алексеевку.

В армейской артиллерийской группе (тогда она называлась «группа дальнего действия») находились 38-й и 129-й пушечные полки 8-й артиллерийской дивизии прорыва, а в минометной группе — 15-я и 16-я гвардейские минометные бригады.

К моменту прибытия танковой армии на станции разгрузки в ее составе (с приданными ей 173-й и 201-й танковыми бригадами) насчитывалось 493 танка, а в район Кантемировки к исходу 13 января прибыл только 371 танк. Остальные же 122 танка остались в пути из-за технических неисправностей. Большая часть из них была из 15-го танкового корпуса, и в первую очередь из 113-й и 195-й танковых бригад. Объяснялось это тем, что, планируя наступление Воронежского фронта, Ставка ВГК вначале решила усилить его только 12-м танковым корпусом армии, приказав командующему танковой армией полностью укомплектовать его личным составом и боевой техникой до штата за счет 15-го танкового корпуса. При этом было приказано все танки 12-го танкового корпуса, имевшие наименьший запас моточасов, передать 15-му танковому корпусу, а из 15-го корпуса передать 12-му танковому корпусу новые танки. Это и было сделано за счет 113-й и 195-й танковых бригад. Но вскоре было принято решение привлечь к проведению операции всю танковую армию. Поэтому перегруппировка 15-го танкового корпуса началась зна-

чительно позже 12-го танкового корпуса и он имел значительно меньше времени для подготовки к наступлению. Причем 113-я и 195-я танковые бригады прибыли в район сосредоточения только к исходу 12 января, имея в строю по 10—12 танков, остальные стояли в пути из-за технических неисправностей. По приказу командующего армией все исправные танки этих бригад были переданы 88-й танковой бригаде корпуса, а бригады выведены в армейский резерв с задачей организовать сбор и ремонт отставших танков. Таким образом, 15-й танковый корпус вынужден был начинать боевые действия без двух танковых бригад, имея в строю только 74 танка. Из-за задержки перегруппировки тылов не хватало горючего и боеприпасов.

В течение 7—13 января во всех войсковых звеньях шла работа по подготовке к наступлению. 8 января стрелковые дивизии армии приступили к разведке боем обороны противника, выделив для этого по одному усиленному стрелковому батальону. Для достижения скрытности наступления им была присвоена нумерация батальонов оборонявшейся здесь 350-й стрелковой дивизии 6-й армии, которая прикрывала сосредоточение танковой армии.

К исходу 13 января войска армии заняли исходное положение для наступления и были готовы к нанесению удара по врагу. К этому времени армия имела в строю 371 танк (с 201-й танковой бригадой, приданной 7-му кавалерийскому корпусу), 1588 орудий и минометов (без зенитной артиллерии), из них 355 противотанковых орудий калибра 45 мм, 47 установок РС БМ-8 и БМ-13⁴. С целью создания необходимых артиллерийских плотностей для артиллерийской подготовки привлекалась и противотанковая артиллерия.

Другой особенностью применения танков в этой операции было то, что для непосредственной поддержки пехоты

стрелковым соединениям первого эшелона были приданы 7 отдельных танковых бригад и танковый полк. Это позволило создать тактические плотности в 10—15 танков на 1 км фронта, что давало возможность нанести сильный удар по противнику. Причем танковые бригады не распределялись по стрелковым полкам и батальонам, а использовались централизованно. Танковые корпуса 3-й танковой армии намечалось ввести в сражение в первый же день для завершения прорыва главной полосы обороны, а в последующем они должны были развивать наступление с целью окружения вражеской группировки.

Авиацию 2-й воздушной армии (командующий — генерал К.Н. Смирнов) планировалось использовать двумя группами по направлениям. Северная группа поддерживала боевые действия 40-й армии и 18-го отдельного стрелкового корпуса, а южная — наступление 3-й танковой армии и 7-го кавалерийского корпуса. Задачи авиации — поддержка пехоты и танков при прорыве ими обороны, прикрытие подвижных войск, нанесение ударов по резервам врага, его аэродромам и железным дорогам.

В отношении достижения внезапности наступления А.М. Василевский впоследствии вспоминал: «Мы разработали и провели в жизнь целую систему мероприятий по маскировке и сохранению в тайне всех перегруппировок войск и подготовительных работ. Уделено было также большое внимание мероприятиям по дезинформации противника». Проводились ложные перегруппировки войск, скрытное размещение макетов техники, расчистка дорог от снежных заносов на второстепенных направлениях. В полосах 38-й и 60-й армий имитировалось сосредоточение артиллерии путем оборудования огневых позиций, пристрелки отдельных орудий и т.д. Правда, скрытное развертывание ударных группировок осложнялось ограниченной площадью плацдармов, с которых переходили

в наступление 40-я армия и 18-й отдельный стрелковый корпус. Поэтому почти все соединения днем двигались по тем дорогам, что выводили к пассивным участкам фронта, а затем, уже в ночное время, — в действительные районные сосредоточения.

В целом оперативная маскировка дала положительный эффект. Как показал потом попавший в плен командир 3-го венгерского армейского корпуса генерал Штом, венгерское командование, хотя и предвидело наступление советских войск, но в значительно меньших масштабах. Это и понятно: ведь состав советских войск в районе сторожевского плацдарма оно определило только на треть. А командование 24-го немецкого танкового корпуса на направлении главного удара 3-й танковой армии в районе Кантемировки вообще не выявило двух танковых и кавалерийского корпусов. В свою очередь, командование группы армий «Б» ожидало перехода советских войск в наступление из районов Лиски и Павловска, а потому сосредоточило свой резерв на направлении вспомогательного, а не главного удара Воронежского фронта.

Из-за большой удаленности ударных группировок друг от друга командование фронта особое место отводило организации управления войсками и тесного взаимодействия между ними. Для этого в армии и корпусе направлялись офицеры штаба фронта, при штабах армий создавались вспомогательные пункты управления боевыми авиационными группами. Поскольку командование фронта находилось в 180 км от южного участка прорыва, в 3-й танковой армии был также развернут вспомогательный пункт управления фронта. Командные пункты армий и корпусов были приближены к соединениям первого эшелона.

Не остались без внимания и вопросы материального обеспечения операции. Согласно решению командующего войсками Воронежского фронта, предусматривалось на-

копить 3—3,5 боекомплекта боеприпасов и 5 заправок горюче-смазочных материалов. При всем желании достигнуть этого к началу операции не удалось, особенно в 3-й танковой армии. Ведь для подвоза материальных средств она имела в общей сложности около 270 автомашин и 88 автоцистерн, а гужевого транспорт вообще отсутствовал. Командующему пришлось использовать для этого часть боевого автотранспорта, что влекло за собой спешивание мотопехоты и могло привести к отставанию ее в бою от танковых бригад. К началу наступления в армии удалось накопить всего-навсего 1—2 боекомплекта боеприпасов.

Принимались также меры для повышения подвижности войск в условиях снежной зимы. На каждую дивизию было заготовлено по 400—500 саней для транспортировки солдат с тяжелым вооружением. Части обеспечивались лыжами, автомашины — комплектами цепей.

Особое внимание в ходе подготовки к наступлению уделялось усилению 40-й армии генерала К.С. Москаленко. Армия в составе пяти стрелковых дивизий, одной стрелковой, трех танковых и двух истребительных бригад, артиллерийской и минометной дивизий представляла собой северную ударную группировку фронта и не имела на всем своем фронте численного превосходства над противником ни в силах, ни в средствах. Однако на сторожевом плацдарме соотношение числа батальонов составляло 2,7: 1, орудий и минометов — 5: 1, танков — 1,3: 1 в пользу советских войск. Это был результат решительного массирования основных сил и средств на участке прорыва.

Части усиления, обещанные Верховным главнокомандующим, начали прибывать в армию уже в декабре. Ставка придала армии 10-ю артиллерийскую дивизию, возглавляемую полковником В.Б. Хусидом, 4-ю гвардей-

скую минометную дивизию полковника С.А. Бордина и 5-ю зенитную артиллерийскую дивизию полковника В.М. Шевелева. Такого усиления артиллерией армия еще не получала даже в августе и сентябре под Сталинградом. Теперь же только в трех дивизиях было восемь артиллерийских полков, две гвардейские минометные бригады, два гвардейских минометных полка и четыре зенитных артиллерийских полка.

Благодаря этому, а также сосредоточению войсковой артиллерии командование армии смогло накануне Острогожско-Россошанской наступательной операции осуществить массирование артиллерийских средств на участке прорыва. Здесь оно имело по 108 орудий и минометов на 1 км фронта, причем армейская артиллерийская группа дальнего действия состояла из одиннадцати дивизионов, имевших по шесть орудий калибра 122 мм и выше. Кроме вышеупомянутой дивизии реактивной артиллерии (4-й) в распоряжении К.С. Москаленко имелись также четыре отдельных полка и один отдельный дивизион реактивной артиллерии.

Вместе с тем танков в армии оказалось меньше, чем намечалось по плану. Это было связано с тем, что 4-й танковый корпус не смог своевременно прибыть в полосу 40-й армии и не принимал участия в Острогожско-Россошанской операции. В распоряжении К.С. Москаленко оказались лишь три отдельные танковые бригады (86, 116, 150 тбр). Они имели по списку 133 боевые машины (в реальности — 89), которые использовались для непосредственной поддержки пехоты. Из-за опоздания 4-го танкового корпуса в армии оказалось танков ненамного больше, чем у противника, имевшего во втором эшелоне, северо-западнее сторожевского плацдарма, 700-й сводный танковый батальон, насчитывавший 10 средних танков Pz.Kpfw.38(t), 10 САУ StuGIII Ausf.F/F8 из 201-го дивизиона штурмо-

вых орудий и 40 легких танков чешского производства Pz.Kpfw.38(t)⁵.

**Боевой состав танковых войск Красной армии
в Острогожско-Россошанской операции*
(13—27 января 1943 года)**

Наименование соединений	Тип танка	По списку	Примечание
40-я общевойсковая армия			
116-я танковая бригада (на 13.01.1943 года)	КВ	23	Танки КВ и Т-70 оборудованы сиренами- свистками для проведения пси- хических атак
	Т-70	5	
150-я танковая бригада (на 13.01.1943 года)	Т-34	29	2 танка обору- дованы про- тивоминными трапами
	Т-70	10	
	Т-60	4	
86-я танковая бригада (на 13.01.1943 года)	КВ	6	
	Т-34	12	
26-й и 34-й отдельные дивизионы бронепоездов	В каждом дивизионе было по 2 бронепоезда		
18-й отдельный стрелковый корпус			
96-я танковая бригада (на 14.01.1943 года)	Т-34	15	На танках бригады было нанесено наи- менованние: «Челябинский комсомолец»
	Т-60	6	
	БА-10	4	
192-я танковая бригада (на 14.01.1943 года)	МЗ средний	34	Состояла из 416-го и 417-го танковых бата- льонов
	МЗ легкий	16	
262-й танковый полк (на 12.01.1943 года)	КВ-1С	21	

* Без учета бронетанковых соединений 3-й танковой армии, а также частей оперативно ей подчиненных на время операций (173-й и 201-й, а также, возможно, 179-й отдельной танковой бригады).

Начало Острогожско-Россошанской фронтовой наступательной операции. В первых числах января 1943 года представители Ставки ВГК, штабы фронта и армий про-

вели непосредственно в соединениях и частях проверку готовности к наступлению. Выяснилось, что не все намеченное удалось завершить к установленному сверху сроку. В донесении Верховному главнокомандующему от 7 января Г.К. Жуков и А.М. Василевский докладывали: «Сосредоточение войск, несмотря на заверения тов. Хрулева, идет исключительно плохо: от 4-й минометной дивизии до сих пор не прибыло ни одного эшелона, от 3 ТА в пути все еще находится 15 эшелонов, от 7 КК сегодня все еще не прибыли 10 эшелонов, из трех стрелковых дивизий, данных фронту на усиление, прибыло всего лишь 5 эшелонов. Подача снабженческих транспортов (боеприпасы, горючее) идет еще хуже. Учитывая срыв железнодорожных перевозок, мы вынуждены были к известному Вам сроку прибавить плюс два». Итак, начало операции перенесли на 14 января. Но за два дня до намеченного срока было решено провести разведку боем силами передовых отрядов.

12 января в 11.00 на передний край оборонявшихся против группировки войск на сторожевом плацдарме обрушился огненный шквал. Вслед за залпом реактивных установок раздались оглушительные взрывы 33 удлиненных зарядов, заложенных саперами под проволочные заграждения врага. Вслед за этим в бой сразу вступили передовые батальоны: им предстояло выявить истинное начертание переднего края его обороны.

Наибольшего успеха разведка боем достигла в полосе 40-й армии, командующий которой пошел на определенный риск.

Надо сказать, что еще в начале декабря Верховный главнокомандующий в распоряжении, касавшемся подготовки наступательных операций Юго-Западного и Воронежского фронтов, указывал: «... Так как немцы знают о наших "М-30", взрывающих весь передний край обороны,

они усвоили поэтому тактику следующую: — оставляют на переднем крае только охранение, а сам передний край обороны относят в глубину на 4—10 км. Этой тактике немцев мы должны противопоставлять свою контртактику, а она заключается в том, что нам нужно раньше, чем перейти в наступление, делать боевую разведку с целью вскрытия переднего края обороны, и надо во что бы то ни стало добраться до переднего края обороны противника. Провести ряд активных разведок, взять пленных и через них все узнать, с тем, чтобы напрасно не израсходовать боеприпасы. Разведку провести боем, отдельными батальонами за два дня до начала операции».

К.С. Москаленко было известно содержание этого распоряжения, и он вполне понимал его обоснованность. В то же время было ясно, что оно касается тех участков, где передний край обороны противника не вскрыт, следовательно, это распоряжение не могло распространяться на полосу предстоящего прорыва 40-й армии, так как здесь передний край вражеской обороны был тщательно изучен. Командование армии знало организационную структуру каждой немецкой, венгерской или итальянской дивизии, ее вооружение, боевой и численный состав, места расположения командных и наблюдательных пунктов дивизий, полков и батальонов, расположение огневых позиций артиллерии и минометов. Разведке армии были известны даже фамилии командиров частей и соединений противника.

Но сколько К.С. Москаленко ни доказывал это командующему фронтом генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову и его штабу, ничего не помогло. Разговор был короткий:

— Выполняйте распоряжение.

Пришлось, разумеется, выполнять. Но командующий 40-й армией решил сделать это так, чтобы противник, если даже он разгадает планы наступающих, не успел подтянуть резервы.

Поскольку наступление главных сил намечалось на 14 января, значит, разведку боем силами передовых батальонов нужно было провести 12-го. Не посвящая командуящего и штаб фронта в свои намерения, К.С. Москаленко распорядился — конечно, устно: к 12 января произвести смену войск на плацдарме, с тем чтобы дивизии первого эшелона заняли исходные районы для наступления; главным силам быть готовыми в случае успешного продвижения передовых батальонов немедленно перейти в наступление.

Решение было рискованное. Противник мог случайно обнаружить появление на переднем крае новых советских дивизий. Однако этот риск не шел ни в какое сравнение с серьезной угрозой, которая могла возникнуть, если бы командование армии, проведя разведку боем, предоставило затем противнику двое суток для организации отпора наступлению.

Соответственно этому намерению и ставилась задача передовым батальонам, выделенным всеми четырьмя стрелковыми дивизиями первого эшелона — 141, 25-й гвардейской, 3, 40-й и 107-й. Им было приказано наряду с выявлением действительного начертания переднего края захватить наиболее важные опорные пункты противника. Речь шла в первую очередь об Ореховой роще, высоте 185, а также населенных пунктах Урыво-Покровском и Голдаевке.

Атаке передовых батальонов 12 января предшествовала часовая артиллерийская подготовка. Она началась в 11.00. На передний край противника обрушился огненный шквал. Он завершился мощным залпом двух дивизионов реактивной артиллерии БМ-13. В течение этого часа позиции противника обрабатывали бомбардировщики 291-й штурмовой авиационной дивизии.

Ровно в 12.00 выступили передовые батальоны 107-й стрелковой дивизии совместно с частями 86-й танковой бригады подполковника В.Г. Засеева (6 КВ, 12 Т-34). Стрелковые части полковника П.М. Бежко пошли в атаку на направлении главного удара. Они быстро преодолели расстояние до первых траншей ошеломленного противника. Завязался короткий бой за Голдаевку и находящуюся в полукилометре к западу от нее господствующую высоту. Схватка окончилась взятием населенного пункта и высоты.

Сопrotивление оказывалось лишь местами. Что касается венгерских солдат, то они предпочитали целыми подразделениями складывать оружие. Спустя два часа после начала атаки двум передовым батальонам 107-й стрелковой дивизии сдались в плен больше тысячи солдат и 32 офицера. Среди захваченных трофеев были 20 артиллерийских орудий, 75 пулеметов, свыше тысячи винтовок и автоматов. Потери 40-й армии на этом участке составили 5 убитых и 42 раненых.

Успешной была и атака двух передовых батальонов 25-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора П.М. Шафаренко. При поддержке артиллерийского и минометного огня они совместно со 116-й танковой бригадой подполковника А.Ю. Новака (5 Т-70, 23 КВ, оборудованные сиренами-свистками для проведения психических атак) после двухчасового боя овладели Ореховой рощей, разгромив опорный пункт противника.

В этот день разведка боем была также проведена в полосах наступления 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии. Но так как там передовым батальонам ставились только задачи выявить истинный передний край обороны и вскрыть огневую систему противника, то, достигнув этой цели, они отошли на свои исходные позиции.

Перед сторожевским же плацдармом, в полосе наступления 40-й армии, сложилась иная обстановка. В результате действий передовых батальонов неприятельская оборона была основательно дезорганизована. Правда, обеспокоенный противник срочно перебросил сюда из Острогожска свой 700-й сводный танковый батальон. Тем не менее войска, вклинившиеся на 6 км по фронту и более чем на 3 км в глубину, прочно закрепились на достигнутых рубежах. Более того, атака пехоты с танками в сочетании с предшествовавшим им огневым ударом артиллерии и минометов привела к такому развитию событий, которого наши и сами не ожидали, а именно: неприятельская пехотная дивизия, к которой на выручку поспешил 700-й сводный танковый батальон, несмотря на это, не выдержала натиска и уже к исходу дня 12 января начала откатываться на запад.

Таким образом, риск оказался более чем оправданным, и К.С. Москаленко тогда же принял решение использовать сложившуюся ситуацию для быстрейшего ввода в бой главных сил первого эшелона армии. В течение ночи войска были подтянуты вперед, на новые исходные позиции. Одновременно командование армии внесло поправки в план артиллерийского наступления: так как опорные пункты на переднем крае были уже захвачены войсками армии, артиллерия получила новые цели, находившиеся в глубине немецкой обороны.

Поздно вечером К.С. Москаленко доложил командующему фронтом обстановку в полосе армии. Генерал-лейтенант Ф.И. Голиков одобрил решение начать наступление главными силами на следующее утро.

На рассвете 13 января была проведена артиллерийская подготовка — еще более мощная, чем накануне.

Важную роль в ее успехе сыграло распределение задач и всех целей между артиллерийскими группами. Напри-

мер, армейская артиллерийская группа, которую возглавлял командир 10-й артиллерийской дивизии полковник В.Б. Хусид, сначала наносила огневые удары по штабам и узлам связи. Нарушив таким образом управление войсками, она перенесла огонь на позиции артиллерии и минометов противника. Основная масса огневых средств немецких частей не имела возможности отвечать, так как перестала получать данные наводки для стрельбы.

Артиллеристы нашли возможности еще больше усилить мощь огневого удара по противнику путем применения различных новшеств. Так, 120-мм минометы, которых было около 50, обычно действовали отдельными дивизионами (по 12—18 минометов в каждом). В этот же день все они были объединены в одну группу. Ее огонь сметал проволочные заграждения вместе с кольями, взрывал целиком минные поля, разрушал перекрытия землянок, блиндажей, траншей, буквально выметая из них противника.

Один из пленных рассказал о гибели двух третей своей роты в течение 2—3 минут, пока она находилась под огнем советских минометов. Необычайный эффект произвели также 40 орудий, которые вели стрельбу прямой наводкой на полукилометровом фронте в полосе наступления 107-й стрелковой дивизии.

Результаты артподготовки, выявленные после прорыва обороны противника, подтвердили ее высокую эффективность. На переднем крае и в глубине было разрушено множество ДЗОТов, блиндажей, наблюдательных пунктов, узлов связи, стыков траншей и ходов сообщения, огневых позиций минометов и артиллерии.

О меткости артиллеристов и минометчиков можно судить по тому, что они достигли таких высоких результатов и при этом полностью уложились в установленную норму расхода боеприпасов. Хотя, кстати сказать, снарядами и

минами армию обеспечили так хорошо, что ее артиллерия могла позволить себе в случае необходимости и перерасходовать их. Наконец, о результатах артиллерийской подготовки на рассвете 13 января многое говорит тот факт, что после ее окончания советская пехота смогла пойти в атаку во весь рост.

Войска первого эшелона армии перешли в наступление с рубежей, достигнутых передовыми батальонами. Это позволило идти в атаку по ровному месту, а не из низины, где раньше находились исходные районы для наступления. Кроме того, вступив в сражение с нового рубежа, советские части избежали необходимости с боем преодолевать глубокий овраг севернее населенного пункта Урыво-Покровского.

Таким образом, хорошие результаты действий передовых батальонов и высокоэффективная артиллерийская подготовка в немалой степени способствовали успеху наступления главных сил.

Здесь необходимо сказать о задачах, которые им ставились. В соответствии с директивами Ставки и фронта было принято решение построить боевые порядки армии в два эшелона. В состав первого из них вошли 141-я, 25-я гвардейская, 340-я и 107-я стрелковые дивизии, 116, 150-я и 86-я танковые бригады. Им было приказано прорвать оборону противника на 10-километровом фронте и к исходу первого дня наступления выйти на рубеж населенных пунктов Сторожевое 1-е — Болдыревка — Девица.

Второй эшелон — 305-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада — должен был войти в сражение на утро второго дня операции. Первой из них предписывалось наступать в направлении селений Красное, Алексеевка, второй — на северо-запад с целью обеспечения правого фланга ударной группировки армии.

Проблема обеспечения правого фланга приобрела первостепенное значение. Дело в том, что справа от полосы прорыва, на 47-километровом пассивном участке, 40-я армия удерживала занимаемый рубеж силами всего лишь одного стрелкового полка, учебного и пулеметного батальонов. А противостоял им армейский корпус противника. Кроме того, севернее и северо-западнее, в районе Воронежа и Касторного, располагалась 2-я немецкая армия. Указанные выше стрелковый полк и два батальона продолжали демонстрацию сосредоточения войск для перехода в наступление. Но противник мог принимать это на веру до поры до времени; и следовало ожидать, что именно там он попытается действовать в ответ на удар со сторожевского плацдарма.

Угроза с этой стороны была более чем реальной, так как К.С. Москаленко начинал наступательную операцию без 4-го танкового корпуса, который по плану должен был наносить удар как раз на правом фланге ударной группы. Поэтому командование армии решило оставить одну из двух истребительных бригад, усиленную армейским батальоном противотанковых ружей и учебным батальоном стрелковой дивизии, в обороне восточнее села Сторожевое 1-е, к югу от которого находился участок прорыва. Кроме того, на правом фланге армии наступала сильная ударная группа в составе 141, 25-й гвардейской стрелковых дивизий, 253-й стрелковой и 116-й танковой бригад. Причем достигнутый ими в ходе операции рубеж должна была закрепить вторая истребительная бригада.

Наконец, сверх всего этого командующий фронтом по просьбе К.С. Москаленко направил в район восточнее сторожевского плацдарма из своего резерва 322-ю стрелковую дивизию, с тем чтобы она участвовала в парировании возможного контрудара справа.

Угрозу левому флангу, где на 28-километровом фронте остались только несколько боевых подразделений и два учебных батальона, предупредили действиями 107-й стрелковой дивизии и 86-й танковой бригады. После прорыва обороны они должны были, прикрывшись заслоном со стороны Коротояка, нанести удар на юг, на Острогожск. Этот город им предстояло освободить и тем самым рассеять окружаемую группировку противника уже до взаимодействия с наступающими левее частями 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии.

Ранее уже говорилось о намеченных мерах по рассечению всей острогожско-россошанской группировки противника, в осуществлении которых принимали участие 107-я стрелковая дивизия и 86-я танковая бригада. Одновременно наступавшие справа от них войска армии должны были к исходу четвертого-пятого дня выйти на рубеж Сторожевое 1-е — Касьянов — Новая Солдатка — Прудки — Иловское. Там, у города Алексеевка, им предстояло соединиться с 15-м танковым корпусом 3-й танковой армии и тем самым замкнуть кольцо окружения вокруг острогожско-россошанской группировки противника.

Таковы были задачи войск 40-й армии в операции по окружению и рассечению этой группировки. Осуществление их, как уже показано, началось успешно. Однако поскольку 13 января в наступление перешла только 40-я армия, то против нее и направил противник свои контрмеры.

Кроме 700-го сводного танкового батальона он в тот же день перебросил сюда два пехотных полка немецкой 168-й пехотной дивизии из полосы 18-го стрелкового корпуса. Это облегчило последнему начатые им на следующий день, 14 января, наступательные действия со щучьенского плацдарма. На участке 40-й армии прибытие подкреплений противника замедлило темп прорыва обороны.

В первые часы боя резко обозначился успех наступления в центре и на левом фланге. Там действовали соответственно 340-я стрелковая дивизия генерал-майора С.С. Мартиросяна совместно со 150-й танковой бригадой подполковника И.В. Сафронова (4 Т-60, 10 Т-70, 29 Т-34) и 107-я стрелковая дивизия полковника П.М. Бежко с 86-й танковой бригадой подполковника В.Г. Засеева. При мощной поддержке артиллерии, непрерывным огнем обеспечивавшей атаку пехоты и танков, наступающие быстро продвигались вперед.

Примерно треть артиллерии, находясь в боевых порядках позади пехотных цепей, сопровождала атаку пехоты и танков. Она уничтожала противотанковые средства противника и огневые точки, мешавшие продвижению пехоты. Другая треть огнем с закрытых позиций расчищала дальнейший путь пехоте и танкам, а последняя, меняя огневые позиции, приближалась к атакующим.

Управление артиллерией было централизовано, сосредоточено в руках командующего артиллерией армии. В его распоряжении была хорошо налаженная связь — проводная и радио. Благодаря этому имелась возможность в нужный момент организовать массированный огонь по местам сосредоточения противника как на переднем крае, так и в глубине обороны. Создавая таким образом перевес мощных огневых средств, командование армии могло влиять на исход боя, обеспечивать войскам армии непрерывное продвижение вперед.

Части 340-й стрелковой дивизии, овладев Уриво-Покровским, наступали на Болдыревку. В этом районе 150-я танковая бригада столкнулась с контратакующими частями немецкого 700-го сводного танкового батальона. Завязался ожесточенный бой. Потеряв 14 танков и около 200 пленных, противник оставил Болдыревку.

Среди пленных оказался один из офицеров 700-го батальона, чей танк таранила наша «тридцатьчетверка». Он сообщил, что его часть имела около 60 танков и 10 штурмовых орудий. От него советское командование также узнало, что в упомянутом бою участвовал первый эшелон в составе 30 танков, имевший задачу восстановить положение в районе сторожевого плацдарма. Из этого следовало, что германское командование все еще не составило себе ясного представления о масштабах советского наступления. Далее из показаний пленного явствовало, что частям Красной армии предстоит еще иметь дело со вторым эшелоном 700-го батальона противника, находившимся в 5 км к западу от Болдыревки. Освобождение этого населенного пункта и расположенной недалеко высоты 177 означало, кроме всего прочего, что рокадная дорога Воронеж — Острогожск перерезана и тем самым стеснен маневр немецких войск вдоль фронта.

107-я стрелковая дивизия к этому времени овладела опорным пунктом противника в селе Девица. Здесь было захвачено около 200 пленных.

Части 25-й гвардейской стрелковой дивизии начали продвигаться вперед лишь во второй половине дня. Используя успешное наступление 340-й стрелковой дивизии, они обошли правый фланг противостоящего соединения противника и завязали бой за Довгалевку. Там они и встретились с одним из двух пехотных полков 168-й немецкой пехотной дивизии, прибывших в качестве подкрепления. Ожесточенное сопротивление противника удалось сломить лишь к утру 14 января.

В целом войска армии в течение 13 января достигли значительного успеха. Ее ударная группировка прорвала главную полосу немецкой обороны на 10 км по фронту и в глубину, освободила населенные пункты Довгалевка, Болдыревка, Девица. Задача первого дня операции была

почти полностью выполнена. 18-й стрелковый корпус и 3-я танковая армия 14 января также начали прорыв обороны противника.

40-я же армия в этот день продолжала наступление. Дальнейшая ее задача состояла в том, чтобы углубить прорыв и овладеть второй полосой немецкой обороны, на которую накануне войска армии вышли на отдельных направлениях. Тем самым предполагалось помешать противнику закрепиться на ней своими отступающими войсками и перебрасываемыми сюда резервами, довершить разгром противостоящей группировки. Эта задача осложнялась тем, что некоторые участки второй полосы обороны противника уже оказались занятыми частями трех немецких пехотных дивизий — упоминавшейся 168-й, а также 68-й и 88-й, успевшими подтянуться к фронту прорыва.

Для усиления натиска и увеличения темпов наступления с утра 14 января командованием 40-й армии были введены в бой 305-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада из второго эшелона.

253-я стрелковая бригада, которой командовал подполковник М.Н. Красин, была укомплектована курсантами военных училищ. Она являлась одним из лучших соединений в составе 40-й армии и блестяще оправдала возлагаемые на нее надежды. Бригада была введена в бой в стыке между 141-й и 25-й гвардейской стрелковыми дивизиями, составлявшими как бы группу, в которую входила также 116-я танковая бригада. Два батальона последней тесно взаимодействовали со 141-й, а два других — с 25-й гвардейской стрелковыми дивизиями.

Эта группа действовала весьма успешно. Части 141-й стрелковой дивизии, обойдя главные силы противостоящей немецкой дивизии, нанесли ей с запада удар во фланг и в тыл. К исходу дня они овладели сильным узлом сопро-

тивления в Сторожевом 1-м и завязали бой за село Архангельское. Наступавшая левее 253-я стрелковая бригада, ломая сопротивление противника, с боями продвинулась на 8 км. В результате успешных действий этих двух соединений прорыв был расширен вправо, а действия главных сил армии надежно обеспечены с севера.

Тем временем и 25-я гвардейская стрелковая дивизия продвинулась в западном направлении на 5 км и овладела населенным пунктом Мастюгино.

Между действовавшими левее 340-й и 107-й стрелковыми дивизиями, которые наступали в юго-западном направлении, вступила в бой 305-я стрелковая дивизия под командованием полковника И.А. Даниловича. Она оказалась, таким образом, на направлении главного удара армии, где обозначился наибольший успех. Части этой дивизии действовали умело и способствовали его дальнейшему развитию. К исходу дня они продвинулись на 5 км и вышли ко второй полосе обороны противника в районе населенного пункта Прилеп. 107-я стрелковая дивизия к югу от этого района овладела населенными пунктами Солдатское, Песковатка, Калинин, а также господствующим берегом реки Потудань.

Таким образом, за два дня наступления армия расширила прорыв до 50 км по фронту и углубила его до 17 км, выйдя ко второй полосе обороны противника. Так как захватить ее с ходу не удалось, дальнейшие атаки были перенесены на следующее утро.

Начавшееся наступление советских войск, как свидетельствует ряд документов, явилось полной неожиданностью для германского командования. «Мы думали, что это наступление небольшого масштаба, с целью улучшения позиций и чтобы расширить прорыв итальянского фронта. Полагали, что это наступление будет только на юге. Удара севернее не ожидали. К моменту пленения это была дезор-

ганизованная масса пехотинцев и артиллеристов. Из всего корпуса осталось до 3 тыс. человек, остальные разошлись мелкими группами неизвестно куда», — показал взятый в плен начальник артиллерии 3-го венгерского корпуса генерал Деже, который в довоенные годы в течение четырех лет был военным атташе в Москве.

Развитие наступления и окружение острогожско-россошанской группировки. 14 января в наступление перешли остальные силы фронта, а также 6-я армия Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова. Но на направлениях их ударов немцы оказали сильное сопротивление. Так, 184-я стрелковая дивизия 3-й танковой армии осталась без приданных ей танков, которые при выдвигении на исходные позиции застряли в занесенном сугробами овраге, понесла большие потери и была остановлена перед передним краем вражеской обороны. Столь же безуспешно атаквали противника и соседние дивизии. После трехчасового боя соединения армии вклинились в главную полосу обороны только на 1—3 км. Когда командующий 3-й танковой армией генерал П.С. Рыбалко ввел в сражение части 12-го и 15-го танковых корпусов, обстановка резко изменилась. К исходу дня корпуса продвинулись на глубину до 25 км, разгромив в районе Жилина штаб 24-го немецкого танкового корпуса. Продвижению танковых соединений способствовало наступление 6-й армии Юго-Западного фронта. В результате его германское командование не только не смогло перегруппировать свои резервы с юга к участку прорыва танковой армии, но и вынуждено было ввести в бой против 6-й армии генерала Ф.М. Харитонова резервные 27-ю танковую и 320-ю пехотную дивизии.

Не менее сложно прорывалась оборона и в полосе наступления 18-го отдельного стрелкового корпуса. Не только

из-за глубокого снега, но и вследствие плохой организации взаимодействия, артиллерийские орудия сопровождения, а частично и танки непосредственной поддержки, отстали от пехоты. К исходу дня корпус так и не выполнил поставленной задачи. Утром на этом направлении в сражение были введены 26-я пехотная немецкая и 1-я танковая венгерская дивизии (20 Pz.Kpfw.IV Ausf.F1, Pz.Kpfw.38(t), 19 легких танков «Toldi I/Па», 18 броневедомостей «Csaba»). Эти оперативные резервы на три дня задержали части корпуса перед второй полосой обороны.

15 января наиболее успешно действовали 141-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада 40-й армии. Они продвинулись еще на 10 км, достигли рубежа Маслов Лог — Яблочное и создали реальную угрозу выхода на тылы 2-й немецкой армии в районе Воронежа. В результате этого германское командование спешно начало снимать свои дивизии, располагавшиеся вдоль Дона, намереваясь бросить их против наступающих войск 40-й армии.

25-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии прорвали вторую полосу обороны противника в направлении населенных пунктов Репьевка, Красное, продвинулись на 20 км и овладели рубежом Скорицкое — Фабрицкое — Комсомолец — Свистовка — Богословка. Противник в беспорядке отступал, бросая оружие и технику. Только одной 25-й гвардейской стрелковой дивизии в этот день сдались в плен 620 солдат и офицеров венгерских частей. Дивизия также захватила 75 орудий разного калибра, 120 тракторов, 37 автомашин, 49 пулеметов, 37 минометов, 1123 винтовки, 120 повозок, 54 противотанковых ружья и три склада.

В этот день самое сильное сопротивление противник оказывал на участке 107-й стрелковой дивизии. Вследствие этого она продвигалась медленнее, чем в предшествующие

дни. Для усиления натиска в юго-западном направлении генерал К.С. Москаленко перебросил сюда и 340-ю стрелковую дивизию, оставив прикрытие на ее прежнем участке. К концу дня части этой дивизии освободили населенный пункт Терновая. По-прежнему действовавшая совместно с ними 150-я танковая бригада одновременно прорвалась через боевые порядки противника и овладела деревней Лесное Уколово.

К исходу 15 января войсками армии была прорвана оборона противника на всю тактическую глубину. На правом фланге войска армии продвинулись вперед на 20 км, на левом — на 16, в центре — на 35. Тем самым были созданы условия для развития наступления на окружение и расчленение группировки противника во взаимодействии с 18-м стрелковым корпусом и 3-й танковой армией. Оперативная обстановка для решения этой задачи была вполне благоприятной, ибо все свои резервы германское командование ввело в сражение, а подготовленных в глубине оборонительных рубежей на этих направлениях оно не имело. Используя преимущества обстановки, 107-я стрелковая дивизия 17 января прорвалась к Острогожску, где, соединившись с частями 18-го стрелкового корпуса, окружила 10-ю венгерскую пехотную дивизию. Одновременно 88-я танковая бригада 15-го танкового корпуса 3-й танковой армии под командованием полковника И.И. Сергеева, не ввязываясь в затяжные бои за отдельные опорные пункты и узлы сопротивления, в 18.00 17 января ворвалась в Алексеевку. Через день с ней установила огневую связь 309-я стрелковая дивизия полковника А.П. Крутихина. В окружение попали части 8-й итальянской армии, 7-го венгерского армейского и 24-го немецкого танкового корпусов.

В это же время 12-й танковый корпус устремился на город Россошь. В завязавшихся уличных боях личный

состав 106-й танковой бригады полковника И.Е. Алексеева действовал дерзко, стремительно и мужественно. Танковый взвод лейтенанта Д.С. Фоломеева, высланный для ведения разведки, разгромил западнее города штаб 156-й итальянской пехотной дивизии и захватил ее знамя. С подходом стрелковых соединений город Россось был освобожден. Развивая наступление, части корпуса 19 января овладели населенным пунктом Карпенково, но при этом и сами понесли большие потери: в 12-м танковом корпусе осталось всего 44 исправных танка. Поэтому он вынужден был перейти к обороне, отражая атаки противника, стремившегося прорваться на запад. Утром 20 января к Карпенково подошли части 18-го отдельного стрелкового корпуса генерала П.М. Зыкова. В итоге вся острогожско-россошанская группировка вермахта оказалась рассеченной на две части. Часть немецких и венгерских соединений, а также весь Альпийский итальянский корпус (4 дивизии), попали в окружение.

Ликвидация острогожско-россошанской группировки. Итоги операции. К 18 января войска Воронежского фронта не только завершили окружение и рассечение острогожско-россошанской группировки, но и создали внутренний фронт окружения. Общая площадь района окружения, где находились 13 дивизий противника, составляла около 2,5 тыс. кв. км. К моменту образования внутреннего фронта советскому командованию удалось создать и внешний фронт окружения силами стрелковых соединений и 7-го кавалерийского корпуса. Введенный в прорыв с утра 15 января, этот корпус прошел с боями более 100 км. 19 января он овладел населенным пунктом Валуйки, где взял в плен свыше 3000 немецких и итальянских солдат и офицеров, захватил крупные склады продовольствия и другие военные трофеи. Сам корпус потерял 203 человека убитыми. В тот же день за отличные

боевые действия в глубоком оперативном тылу противника, за смелость и доблесть личного состава корпус получил почетное звание гвардейского. В освобождении Валуек немалую роль сыграли партизаны. По заданию командира кавалерийского корпуса С.В. Соколова они взорвали железнодорожные пути на участках Валуйки—Уразово и Валуйки—Волоконовка, что не позволило противнику вывезти из города продовольствие и другие материальные ценности.

Следует отметить, что как внутренний, так и внешний фронты окружения не были сплошными. Советские войска занимали лишь узлы дорог и населенные пункты на наиболее вероятных путях прорыва, причем 75 % сил фронта, принимавших участие в операции, было сосредоточено на внутреннем фронте окружения. Это создавало предпосылки для разгрома войск противника в короткие сроки. Но надо было спешить, так как нарастала угроза, что окруженные немецкие войска попытаются прорвать кольцо.

Во избежание напрасного кровопролития Военный совет фронта выпустил листовку с обращением к окруженным войскам противника от имени офицера, попавшего в плен. «Я, Натале Антонио, полковник Королевских вооруженных сил Италии, награжденный за боевые заслуги во время мировой войны 1914—1918 гг., участник войны 1911—1914 гг. в Ливии и войны 1935—1936 гг. в Албании, командир 27-го пехотного полка 156-й дивизии “Винченца”, нынче нахожусь в плену у русских и призываю вас прекратить сражаться... Солдаты, спасайте Вашу жизнь и честь Италии. Сдавайтесь в плен. Я заверяю вас, что русские будут обращаться с вами хорошо»⁶. Но командование окруженных войск не вняло этим благоразумным призывам. Была предпринята отчаянная попытка вырваться из окружения.

Тогда командующий войсками фронта отдал приказ на разгром противника. С утра 19 января начались бои по ликвидации группировок в Острогожске и в лесу, что северо-западнее Алексеевки. Впоследствии командир полка из дивизии «Винченца» показал: «17-го утром в Подгорном (севернее Россоши) царил хаос. Пожары, грабежи, беспорядочное и лихорадочное движение автомашин... Понемногу ручейки частей, отходящих с фронта, сливаются в одну реку, образуя одну огромную колонну; это увеличивает опасность и затрудняет марш... Сколько стычек, сколько яростных схваток, чтобы заставить слабого уступить! Все лихорадочно спешат, стараются уйти от опасности».

Зажатые в лесном массиве итальянские и немецкие войска предпринимали отчаянные, но безуспешные попытки прорваться на Новый Оскол. К 24 января был завершен разгром основных сил противника. Только небольшая их часть отошла к реке Оскол. Начальник штаба 2-й венгерской армии доносил об общей обстановке в Будапешт: «Бесспорно, положение ужасное... То, что я видел, было наибольшим разочарованием в моей жизни... Часть высших командиров вела себя безобразно, отходила, бросала ведущие бои подразделения». 21 января командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал М. Вейхс докладывал Гитлеру: «Вследствие потерь в живой силе и технике этот участок фронта больше невозможно прочно удерживать в своих руках».

Ликвидация росошанской группировки осуществлялась последовательно. Вначале была отсечена, а к 20 января уничтожена ее южная часть в составе почти четырех дивизий. Через неделю завершилась ликвидация войск, вырвавшихся из котла и отошедших в район восточнее Валуек. В плен попали командиры итальянских дивизий Альпийского корпуса «Кунеэнзе», «Юлия» и

«Винченца» вместе со штабами. Из итальянского Альпийского корпуса только 6200 человек вырвались из окружения.

15 дней продолжалась Острогожско-Россошанская операция. За эти полмесяца немецкая оборона была прорвана на 250-километровом участке. Советские войска продвинулись на 140 км, освободив территорию в 22,5 тыс. кв. км. Создались благоприятные условия для дальнейшего наступления частей Красной армии на харьковском направлении и в Донбассе. В ходе операции было разгромлено более 15 из 21 дивизии противника, а 6 дивизиям нанесено тяжелое поражение. С 13 по 27 января безвозвратные потери войск вермахта превысили 123 тыс. человек, из них только пленных — 97 тыс. (с учетом около 11 тыс. человек, сдавшихся в плен в полосе наступления 6-й армии). Советские войска захватили 160 танков, 3160 орудий и минометов, 11 424 автомашины. Значительное количество военной техники и имущества противника было уничтожено в ходе боев. В то же время потери советских войск оказались сравнительно небольшими. Например, 3-я танковая армия потеряла менее 12 тыс. человек, а 40-я армия — 4500 солдат и офицеров.

Вместе с тем, несмотря на то, что операция проводилась в выгодных для советских войск условиях, не все имевшиеся возможности были использованы в полной мере. Уничтожение окруженной группировки в районе Острогожска и Россоши продолжалось до 27 января, то есть 9 суток. Связано это было главным образом с тем, что к моменту образования внутреннего фронта окружения на его западном участке оказалось недостаточно сил, чтобы перерезать противнику пути отхода. В итоге некоторым немецким частям удалось вырваться из кольца и избежать

пленения. Тем не менее в результате операции были созданы предпосылки для нанесения по противнику еще более мощных ударов.

ВОРОНЕЖСКО-КАСТОРНЕНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (24 января — 2 февраля 1943 года)

Подготовка Воронежско-Касторненской наступательной операции. 18 января 1943 года, в день завершения операции в районе Острогожска и Россоши, представитель Ставки ВГК генерал армии А.М. Василевский (только что получивший новое звание. — *Примеч. авт.*) доложил в Москву свои соображения по поводу новой операции, на этот раз в районе Воронежа и Касторного. Ее целью было: окружить и разгромить немецкую группировку в образовавшемся воронежском выступе, овладеть железнодорожной магистралью Елец-Касторное-Валуйки и создать условия для развертывания наступления, причем без длительной паузы, в направлении Курска и Харькова. Для проведения Воронежско-Касторненской операции складывалась выгодная оперативная обстановка. С выходом 40-й армии на рубеж Семидесятское, Казачек противник оказался охваченным с юга, а с севера ему угрожали войска Брянского фронта.

В воронежском выступе оборонялось до 12 дивизий группы армий «Б». Из них на северном участке действовали 8 дивизий 2-й немецкой армии, а на южном — отошедшие 4 дивизии группы «Зиберт», из них две венгерские (6-я и 9-я). Все дивизии была развернуты в первом эшелоне. В районе образовавшегося выступа германское командование оперативных резервов не имело. Общая численность его войск на этом участке фронта составила 125 тыс. солдат и офицеров, 2100 орудий и минометов, 65 танков. Авиационная группировка насчитывала около 300 самолетов.

Германскому командованию не удалось создать сильно укрепленные полосы и рубежи на всех направлениях. На северном участке выступа, который оборудовался в течение шести месяцев, имелось большое количество опорных пунктов, соединенных между собой траншеями. Передний край прикрывали проволочные заграждения и минные поля. Главная полоса обороны была 4—8 км глубиной. Южный участок выступа был подготовлен слабее. К обороне здесь были приспособлены только населенные пункты, узлы дорог и отдельные высоты. В глубине, по реке Олым, железной дороге Касторное—Старый Оскол и по берегам рек Тим и Оскол, готовились промежуточные рубежи.

Советское командование планировало привлечь к операции войска правого крыла Воронежского и левого крыла Брянского фронтов: 4 общевойсковые армии, всего 27 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса, 7 стрелковых и 8 танковых бригад. Их поддерживали 2 воздушные армии. Общая численность группировки — около 250 тыс. человек, более 4000 орудий и минометов, свыше 700 танков и 527 самолетов.

Исходя из соотношения сил и средств сторон, их оперативного положения и состояния обороны противника, замыслом операции предусматривалось ударом по сходящимся на Касторное направлениям окружить и разгромить основную группировку 2-й немецкой полевой армии и освободить важный в оперативном отношении район Воронеж, Касторное. Для выполнения этой задачи привлекались 13-я армия Брянского и 40-я армия Воронежского фронтов. Они же выдвиганием вторых эшелонов на реку Тим создавали и внешний фронт окружения. Вспомогательные удары, имевшие целью рассечение окруженной группировки, должны были нанести 38-я и 60-я армии Воронежского фронта.

Наступление планировалось начать в разное время: для 40-й армии — 24 января, для 60-й — 25, а для 38-й и 13-й — 26 января. Это было связано с тем, что южной группировке не надо было прорывать укрепленные позиции противника, а 40-й армии при ее наступлении на Касторное требовалось преодолеть расстояние почти в два раза большее, чем наносившей в этом же направлении удар 13-й армии.

Для активизации действий 60-й армии она получила от 40-й армии 22-километровый участок фронта на правом берегу Дона от села Костенки до населенного пункта Семидесятское. Вместе с ним в состав 60-й армии были переданы и находившиеся на этом рубеже несколько соединений 40-й армии. Это были 141-я стрелковая и 10-я артиллерийская дивизии, 253-я стрелковая, 86-я (5 КВ и 6 Т-34 на 16.01.1943 года) и 150-я танковые бригады (7 танков Т-34 на 24.01.1943 года) и переданная из резерва фронта 322-я стрелковая дивизия. В свою очередь, состав 40-й армии был пополнен 183, 309-й стрелковыми дивизиями и 129-й стрелковой бригадой. Кроме того, наконец-то прибыл поступивший в оперативное подчинение 40-й армии 4-й танковый корпус генерал-майора А.Г. Кравченко.

На направлениях ударов армий было сосредоточено 72 % стрелковых войск, 90 % артиллерийских средств и все имевшиеся танковые соединения. На северном участке прорыва шириной в 18 км в первом эшелоне 13-й армии развертывались четыре стрелковые дивизии, 118-я танковая бригада и три танковых полка: 42, 43, 193-й, во втором эшелоне — три стрелковые дивизии и 129-я танковая бригада. 118-я танковая бригада (на 26 января имела 7 КВ, 21 Т-34, 18 Т-70) придавалась 307-й стрелковой дивизии, 42-й танковый полк (на 26 января имел 15 Т-34, 10 Т-70) — 148-й стрелковой дивизии, 43-й танковый полк — 8-й стрелковой дивизии, 193-й танковый

полк (5 Т-34) — 132-й стрелковой дивизии. Рядом находился резерв фронта — две стрелковые дивизии и танковый корпус. Это позволило добиться превосходства в силах и средствах над противником по личному составу в 4,7 раза, а по артиллерии — в 9 раз.

В полосе 40-й армии предполагалось продолжать наступление на широком фронте, концентрируя основные усилия на 30-километровом участке. В первом эшелоне планировалось использовать пять стрелковых дивизий, стрелковую и две танковые бригады, а также приданный армии 4-й танковый (впоследствии — 5-й гвардейский) корпус генерала А.Г. Кравченко. Соединения первого эшелона имели полосы наступления шириной от 6 до 12 км. Самыми узкими — 6 и 8 км — они были у 309-й и 107-й стрелковых дивизий, действовавших в центре оперативного построения армии. Это и было направление главного удара.

Следует отметить, что, несмотря на это, ни 309-я, ни 107-я стрелковые дивизии не были усилены танками. Зато на их участках наступал 4-й танковый корпус. Он действовал совместно со стрелковыми соединениями первого эшелона, так как оборона противника в полосе армии была слабо развита. Так или иначе, на 1 км фронта прорыва 40-я армия имела очень мало танков — в среднем по 8,2. Недостаточной была сначала и артиллерийская плотность — около 40 орудий (и минометов) на 1 км фронта. Но затем она значительно возросла, так как из 60-й армии в ходе операции возвратилась 10-я артиллерийская дивизия.

Второй эшелон составляли 305-я стрелковая дивизия, только что завершившая ликвидацию окруженных войск противника в районе Алексеевки и выведенная после этого в резерв армии, 4, 6-я и 8-я лыжные бригады. Две последние должны были с утра второго дня операции совместно с 340-й стрелковой дивизией наступать на Старый Оскол.

В создании внутреннего фронта окружения в районе населенного пункта Касторное предстояло участвовать 183-й стрелковой дивизии и 129-й стрелковой бригаде, действующим, соответственно, с 16-й истребительной и 192-й танковой бригадами (после ожесточенных боев на 21.01.1943 года бригада имела в своем распоряжении 25 танков М3 средних: из них 15 боеспособных, требующих капитального ремонта — 4, требующих среднего ремонта — 6; а также 14 танков М3 легких: из них требуют среднего ремонта — 2, капитального ремонта — 2, и 10 боеспособных) внешнего фронта — 25-й гвардейской, 309, 107-й и 340-й стрелковым дивизиям. 4-му танковому корпусу было приказано освободить к исходу первого дня наступления село Горшечное и усиленным передовым отрядом овладеть населенным пунктом Касторное. На следующий день корпус должен был занять станцию Нижнедевицк и нанести удар на Нижнюю Ведугу для содействия 60-й армии в выполнении ее задачи в Воронежско-Касторненской операции.

К 24 января перегруппировка советских войск была полностью завершена. Войска 40-й армии на 50-километровом фронте Семидесятское — Городище заняли исходное положение для наступления. В ходе перегруппировки, которая проходила одновременно с действиями по ликвидации окруженных немецких войск в районе Алексеевки, дивизии должны были развернуться на 90 и более градусов, то есть с западного и юго-западного направления на северное и северо-западное. Этот маневр был успешно осуществлен, несмотря на продолжавшиеся контратаки немецких войск, перебрасываемых из Воронежа в состав корпусной группы «Зиберт».

Выполнению поставленной задачи благоприятствовало то, что войска армии находились у только что образовавшегося южного фаса воронежского выступа. Герман-

ское командование не располагало там ни достаточным количеством войск, ни заранее подготовленной обороной. Правда, оно спешно перебрасывало в этот район войска, и их численность к началу наступления превысила 3 дивизии, которые и составили вышеназванную корпусную группу «Зиберт». Кроме того, местность, по которой предстояло наступать 40-й армии, была сильно пересеченной и, главное, понижалась в сторону советских войск, что давало определенное преимущество обороняющемуся противнику.

И все же на стороне советских войск были более важные факторы: и крайне невыгодное оперативное положение противника, и резкий упадок духа в его войсках, вызванный поражениями под Сталинградом, на Кавказе, на Дону, а также под Ленинградом. Наконец, соединения и части Красной армии не только имели хорошую боевую технику, но и были тепло одеты и обуты, так что ни метели, ни морозы, которые иногда доходили до -38° , не могли остановить их наступление.

Одновременно с окончанием перегруппировки были осуществлены все подготовительные мероприятия. Штаб 40-й армии, по-прежнему возглавляемый генерал-майором З.З. Рогозным, и на этот раз отлично справился с организацией наступления, несмотря на то, что времени на подготовку было мало.

Начало Воронежско-Касторненской наступательной операции. Освобождение города Воронежа. Воронежско-Касторненскую наступательную операцию, как и предыдущую, Острогожско-Россошанскую, начала 40-я армия.

Утром 24 января 1943 года поднялась метель. Дороги занесло. Мороз достигал -20° . Видимость была крайне ограничена. Начало наступления пришлось перенести на 12.00. Но и к полудню метель не унялась. Тем не менее вновь отложить атаку значило бы вообще в этот день

отказаться от нее. Поэтому в 12.30, несмотря на плохую видимость, пришлось начать артиллерийскую подготовку. Она продолжалась, согласно плану, 30 минут, но ее результат был незначителен. Артиллеристы не видели целей и потому не смогли подавить большую их часть. От авиационной подготовки в условиях сильной метели пришлось отказаться.

Все это осложнило действия наступающей пехоты и танков. Пехота, приблизившаяся к переднему краю обороны противника на 300—350 м во время артиллерийской подготовки, немедленно после ее окончания, в 13.00, вместе с танками атаковала вражеские позиции. Она была встречена артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. По всему фронту разгорелся ожесточенный огневой бой. Однако уже час спустя советским войскам удалось на отдельных участках сломить сопротивление противника и начать продвижение вперед. Отразив контратаки немецких частей, стрелковые дивизии к концу дня вклинились в оборону противника в районе населенных пунктов Бочарово и Старо-Николаевская.

Еще успешнее действовал 4-й танковый корпус. Он сломил сопротивление частей 68-й немецкой пехотной дивизии, за два часа с боем продвинулся на 6—8 км и овладел районом Лебяжье. Далее ему предстояло наступать на село Архангельское. Снежные заносы вынудили генерала А.Г. Кравченко выбрать кратчайший путь — через населенные пункты Старомеловое и Новомеловое. Условия наступления были и здесь крайне тяжелыми. Попытки двигаться вне дорог с целью обхода населенных пунктов, хорошо приспособленных противником к круговой обороне, ни к чему не привели. Танки застревали в глубоком снегу, буксовали и расходовали большое количество горючего. Дороги также были во многих местах занесены снегом.

Несмотря на все эти трудности, корпус, посадив мотострелковую бригаду на танки, вышел к Новомеловому и Старомеловому, продвинувшись за день на 16 км. С наступлением темноты он освободил эти населенные пункты. Потери его при этом были весьма значительными, так как из-за снежных заносов бригады вводились в бой поочередно и вынуждены были действовать только вдоль дороги.

Двигаться дальше к Горшечному кратчайшим путем не удалось. Разведка, посланная вечером в направлении населенного пункта Нижне-Гнилое, обнаружила там противотанковый опорный пункт. Противник готовился к отражению удара. Генералу А.Г. Кравченко предстояло либо идти в лоб на врага, либо искать иной маршрут. Он предпочел последнее. Вновь посланная разведка доложила, что в населенном пункте Болото оборона организована значительно слабее. Это и предопределило дальнейшие действия корпуса. Утром 25 января он перешел в наступление на населенный пункт Болото, уничтожил там вражеский гарнизон и подошел к Горшечному с той стороны, откуда противник не ожидал наступления. Немецкие войска были захвачены врасплох. Это способствовало тому, что оборона противника была быстро смята. Танковый корпус с ходу ворвался в Горшечное и овладел им. Согласно плану, корпус должен был развивать успех на Касторное. Но танки израсходовали горючее. Тылы же безнадежно отстали, и автоцистерны с горючим не могли пробиться сквозь снежные заносы.

Тем временем стрелковые дивизии, используя успех 4-го танкового корпуса, на всем фронте прорвали оборону противника. Они устремились на север и северо-запад, в глубь немецкой обороны, отрезая пути отхода основным силам 2-й немецкой армии.

Немецкое командование, поняв, что 2-я армия может опять оказаться в мешке, а пути отхода будут перерезаны уже в ближайшее время, стало поспешно отводить главные силы из Воронежа за Дон. Тогда командующий 60-й армией генерал И.Д. Черняховский приказал своим соединениям немедленно перейти в наступление и овладеть городом. Отступая, немцы подожгли город и взорвали почти все здания. К утру 25 января после упорных и ожесточенных боев старинный русский город Воронеж был очищен от оккупантов. Развивая наступление, соединения армии к исходу дня форсировали Дон и овладели западным берегом реки.

Развитие наступления. Утром следующего дня началось общее наступление всех четырех советских армий. Так как погода улучшилась, авиация смогла нанести бомбовые и штурмовые удары. В это время танки непосредственной поддержки пехоты проходили через боевые порядки стрелковых частей. С последним залпом гвардейских минометов по переднему краю обороны противника на всем фронте ударной группировки перешли в атаку пехота и танки. К исходу дня соединения 13-й армии прорвали главную полосу немецкой обороны и вышли к сильному ее узлу — населенному пункту Волово. Так была пробита с севера еще одна брешь в обороне противника.

Уверенно действовала 25 января и 40-я армия Москаленко. 25-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П.М. Шафаренко, продолжая развивать наступление, совместно с 96-й танковой бригадой имени Челябинского комсомола (танки «Челябинский комсомолец») под командованием генерал-майора танковых войск В.Г. Лебедева (на 1 февраля 1943 года имела 8 Т-34 и 8 Т-60) продвигалась вслед за 4-м танковым корпусом и в середине дня вышла к населенным пунктам Старомеловое и Ново-

меловое. К исходу дня ее части продвинулись на 18 км, разгромили до батальона пехоты 68-й немецкой дивизии в Нижне-Гнилом и овладели этим населенным пунктом, превращенным противником в опорный пункт сопротивления.

183-я стрелковая дивизия генерал-майора А.С. Костицына и 129-я стрелковая бригада (командир — полковник И.И. Ладыгин) в этот же день продвинулись до 12 км. Исключение составляли лишь их части на смежных флангах, действовавшие у разграничительной линии с 60-й армией, которые продвинулись вперед всего на 2—3 км. Это объяснялось тем, что расположенный на смежных флангах двух армий населенный пункт и узел дорог Синие Липяги был превращен 57-й пехотной дивизией противника в мощный опорный пункт. Его гарнизон мешал продвижению войск армии. Наступающие части 183-й стрелковой дивизии он контратаковал силами до двух батальонов, а подразделения 129-й стрелковой бригады встретил мощным фланкирующим огнем артиллерии, минометов и пулеметов.

Даже когда части армии обошли и блокировали этот опорный пункт, противник продолжал оказывать упорное сопротивление. Только после того как наступающие войска 40-й армии начали продвигаться на Нижнедевицк, гарнизон Синих Липяг предпринял несколько попыток прорваться на север. Но было поздно. Отразив все его атаки и нанеся ему большой урон, советские войска вскоре освободили этот населенный пункт, и немецкий гарнизон прекратил существование.

Поняв, что 2-я немецкая армия находится в «мешке» и что выход из него будет перекрыт в ближайшие дни, германское руководство предприняло ряд мер по выходу из окружения. От захваченных в плен офицеров советское командование узнало, что их частям приказано начать с

утра 26 января отход на запад. Стало также известно, что накануне, 25 января, в восточной зоне дуги противник уже отвел свои войска за Дон, оставив в районе Воронежа только сильное прикрытие. Часть высвободившихся таким образом сил он перебрасывал на Нижнедевицк, где намеревался использовать их для сковывания наступающих соединений 40-й армии.

В этом, собственно, и заключалась тактика, при помощи которой германское командование рассчитывало вырваться из «мешка». В соответствии с ней оно оставляло, подобно тому, как это было в Синих Липягах, сильные подвижные арьергарды на выгодных рубежах, узлах дорог и в населенных пунктах, стремясь под их прикрытием отвести на запад свои главные силы.

Наращивая силу удара, командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов ввел в сражение подвижную группу — 129-ю танковую бригаду полковника Н.В. Петрушина (на 20 января 1943 года 48 боеспособных танков: 7 КВ, 21 Т-34, 20 Т-60, 5 тракторов ЧТЗ-60 и 2 тягача). Танкисты обошли населенный пункт Волово с флангов и вместе с подошедшей 307-й дивизией очистили его от противника. Путь на Касторное с севера был открыт. Попавший в плен начальник разведки 82-й немецкой пехотной дивизии обер-лейтенант Мюллер вынужден был признать: «Русские прорвали нашу оборону и двинулись вперед с такой быстротой, что мы даже опомниться не успели. Командир дивизии убежал на машине, и я его больше не видел... На третий день боев в дивизии осталось не более тысячи солдат».

Немецкое командование понимало: с потерей Касторного возникает реальная угроза окружения основных сил 2-й немецкой армии, а это может привести к образованию огромной бреши в обороне на курском и белгородском направлениях. Поэтому оно принимало все

меры, чтобы задержать продвижение советских войск и успеть отвести свою группировку на запад. Бои за населенный пункт Касторное принимали все более ожесточенный характер. Первой на северо-западную окраину города ворвалась 118-я танковая бригада подполковника Л.К. Брегвадзе. На вокзале танкисты увидели на путях готовые к отправке эшелоны с немецкими войсками и техникой. Один из эшелонов уже стал отходить от станции. Однако танк командира 1-го батальона капитана И.И. Волкова в упор расстрелял паровоз, а затем открыл огонь по вагонам. Попытка немцев вывезти войска и технику была сорвана.

Утром 28 января с юга в Касторное ворвался сводный отряд 40-й армии во главе с командиром 45-й танковой бригады 4-го танкового корпуса подполковником П.К. Жидковым. Положение противника становилось критическим. «К моменту выхода в район Касторное оперативная обстановка для нас складывалась довольно благоприятно, так как в обороне врага на участке от железной дороги Касторное — Курск до Купянска образовалась примерно 300-километровая брешь, слабо прикрытая войсками», — отмечал впоследствии маршал А.М. Василевский.

Несмотря на все усилия германского командования, немецкие войска не смогли удержать Касторное. Совместными усилиями армий Брянского и Воронежского фронтов важный узел коммуникаций 29 января был полностью освобожден. Одновременно юго-восточнее Касторного были окружены семь немецких (57, 68, 75, 88, 323, 340-я и 377-я) и две венгерские (6-я и 9-я) дивизии. Причем это произошло как раз в те дни, когда советские войска завершали уничтожение 6-й немецкой армии в районе Сталинграда. Как и армия Паулюса, 2-я немецкая армия считалась одной из лучших в вермахте, и обе они бесславно

закончили свое существование. Почти полностью были разгромлены и венгерские войска.

Однако сплошного внутреннего фронта окружения советским войскам, как и ранее, создать не удалось, что значительно осложнило борьбу с окруженной группировкой. Причина заключалась в том, что 28 января, в самый напряженный день операции, командующий войсками фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков, исходя из директивы Ставки и в интересах проведения последующей наступательной операции, поставил перед войсками новые задачи: 38-я армия с рубежа реки Оскол должна была нанести удар на Обоянь, 40-я — на Белгород, а 60-я — на Курск. Следовательно, борьба с окруженной группировкой как бы отодвигалась на второй план. Считалось, что ее разгром несколькими соединениями 38-й армии завершится в короткие сроки без привлечения значительных сил и снижения темпов наступления. При этом совсем без внимания оставался тот факт, что численность ее составляла почти 40 тыс. человек, а соединения и части сохранили боеспособность.

Ликвидация немецкой группировки юго-восточнее Касторного. Итоги операции. С 29 января по 1 февраля продолжались бои по уничтожению противника юго-восточнее Касторного. К 31 января советские войска подошли к Старому Осколу. Гарнизон города, собранный из отдельных немецких и венгерских частей, любой ценой старался обеспечить окруженной группировке прорыв на запад. На его усиление в город был направлен сводный отряд численностью свыше 500 человек. Но им путь у разъезда Набокино преградили 17 воинов из 409-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Их стойкость и самоотверженность не позволили подвижной группе противника прорваться в город. За проявленные в том бою мужество и героизм все воины были отмечены

высокими правительственными наградами, причем 13 из них посмертно. Одна из улиц Старого Оскола названа именем 17 героев.

Между тем, несмотря на то что потери германских войск и их союзников нарастали (только с 25 по 29 января войска Воронежского фронта взяли в плен 22 тыс. человек), борьба затягивалась. Связано это было с тем, что для полного уничтожения окруженной группировки привлекались только соединения 38-й армии, а этого оказалось явно недостаточно. В то время как у окруженных войск имелось до 35 тыс., в 38-й армии насчитывалось 27,5 тыс. человек.

Германское командование стремилось вывести свои окруженные войска на запад. После неудачных попыток прорваться за реку Тим противник изменил направление удара на Мантурово, что позволило шести пехотным дивизиям 2-й немецкой армии прорваться в районе населенного пункта Обоянь и соединиться там с главными силами. Помешать этому было трудно: штаб 38-й армии находился на большом удалении от передовых частей, проводной связи с ними не имел, а радиосвязь работала с перебоями. Поэтому каждому соединению приходилось действовать самостоятельно. Пехота нередко оказывалась без поддержки артиллерии и танков. Пути снабжения часто нарушал отходивший противник, а это, в свою очередь, вызывало перебои в доставке боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Но в конце концов образовавшийся юго-восточнее Касторного котел к началу февраля был ликвидирован.

В итоге Воронежско-Касторненской операции советские войска продвинулись до 240 км. Они освободили большую часть Воронежской и Курской областей, в том числе города Воронеж, Касторное, Старый Оскол, Тим, Обоянь и много других крупных населенных пунктов.

Немецкое командование окончательно лишилось реки Дон как рубежа, который Гитлер требовал удерживать любой ценой. В то же время для советских войск были созданы благоприятные условия для развития наступления на Курск, Харьков и обхода Донбасса с севера. В ходе операции были разгромлены 2-я немецкая и 2-я венгерская армии — всего более 11 дивизий. Противник потерял более 83 тыс. солдат и офицеров. Признавая этот печальный итог, бывший генерал вермахта фон Бутлар отмечал: «2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей техники».

Особенно большие потери понесли венгерские войска. В журнале военных действий Верховного главнокомандования вермахта отмечалось, что «ход событий в полосе 2-й венгерской армии за несколько дней привел к полнейшему ее развалу». Личный состав армии был полностью деморализован. Те венгерские соединения и части, которым посчастливилось вырваться из окружения, вынуждены были отходить с Дона в район Гомеля в пешем порядке, так как железнодорожные эшелоны немцы им не выделяли. Когда командование венгерской армии попросило генеральный штаб сухопутных войск вооружить прибывшие в Конотоп части, оно получило сообщение, что фюрер принял решение не поставлять Венгрии ни оружия, ни снаряжения, а использовать венгров на Восточном фронте для несения охранной и строительной служб.

Необходимо отметить, что советским войскам победа досталась немалой ценой. С 24 января по 1 февраля 1943 года только войска Воронежского фронта потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 33 тыс. человек. Наибольшие потери понесла 40-я армия — свыше 11,5 тыс. человек.

ХАРЬКОВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (2 февраля — 3 марта 1943 года)

Планы сторон. Усиление германской группировки. Обстановка на курском и харьковском направлениях после мощных ударов советских войск, нанесенных в январе 1943 года на острогожском и касторненском направлениях, в целом благоприятствовала дальнейшему наступлению Красной армии. Всего в полосе от Никольского до Купянска только в первом эшелоне действовало свыше 5 советских дивизий. Еще 3 находились в оперативной глубине и восстанавливали боеспособность. В таких условиях советскому командованию предоставлялась реальная возможность без паузы, не ожидая полного завершения Воронежско-Касторненской операции, развивать наступление на Курск и Харьков. Это нужно было сделать, прежде чем германское командование успеет сосредоточить здесь достаточное количество войск для усиления своей обороны.

План Харьковской наступательной операции, получивший условное наименование «Звезда», разрабатывался в непростой обстановке. Еще 21 января, в разгар боев под Касторным и Воронежем, представитель Ставки ВГК генерал армии А.М. Василевский и командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков представили Верховному главнокомандующему соображения о дальнейшем наступлении с задачей окончательного разгрома группы армий «Б» и освобождения Харьковского промышленного района.

После внесения в представленный план необходимых дополнений и изменений Ставка 26 января отдала приказ о наступлении. Главный удар должен был наносить Воронежский фронт с задачей разгромить противника в

Харьковском промышленном районе и на 15—20-й день операции выйти на рубеж Медвенское, Богодухов, Валки. Войскам Брянского фронта было приказано левым крылом наступать из района Ливны на Курск, а соединениям Юго-Западного фронта — с юга на Красноград, обеспечивая наступление на курском и харьковском направлениях.

Согласно плану операции, Харьков намечалось охватить с нескольких направлений. 69-й армии, сформированной на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса, предстояло наступать на Харьков с северо-востока, 40-й — с северо-запада и запада, 3-й танковой армии — с востока. Причем фронт их наступления, вначале весьма широкий, охватывавший обширную территорию, изрезанную глубокими оврагами и руслами рек, должен был сужаться по мере приближения к городу.

В 3-й танковой армии на 29 января 1943 года имелось 57 577 человек (из них 42 280 числилось в активных штыках), 1811 орудий и минометов и 165 танков. Остальные танки стояли в пути из-за отсутствия горючего и технических неисправностей. На больничных койках находилось 3954 человека больных и раненых⁷.

Структурно к началу операции «Звезда» 3-я танковая армия состояла из 12-го и 15-го танковых корпусов, 179-й танковой бригады, 48-й и 62-й гвардейских стрелковых дивизий, 160, 184-й и 111-й стрелковых дивизий. Самая сильная составляющая танковой армии советского образца — многочисленные танковые соединения — была существенно ослаблена после многодневных непрерывных боев. Бригады танковых корпусов по существу превратились в мотопехоту, поддержанную незначительным количеством танков. Так, в 30-й танковой бригаде 12-го танкового корпуса за день до начала операции насчитывалось 3 Т-34, 1 Т-70 и 4 Т-60. В 97-й танковой бригаде

того же корпуса — 4 КВ, 3 Т-70, 41 автомашина, а в 106-й танковой бригаде — 4 Т-34 (из них один на ходу), 4 Т-70 и 38 автомашин. Артиллерия армии в сравнении с аналогичными германскими соединениями также была немногочисленна: 189 противотанковых артсистем, 256 76-мм и 17 152-мм орудий, 116 гаубиц калибра 122 мм. Таким образом, несмотря на название «танковая», основным действующим лицом предполагаемого наступления армии должны были стать пехота и приданная кавалерия из 7-го (с 19 января — 6-го гвардейского) кавкорпуса. Но, как бы то ни было, главный удар планировалось нанести 12-м танковым и 6-м гвардейским кавалерийским корпусами, 62-й гвардейской, 111-й и 160-й стрелковыми дивизиями и 37-й стрелковой бригадой, а вспомогательный — 15-м танковым корпусом и 48-й гвардейской стрелковой дивизией⁸.

Следует отметить, что по решению командующего войсками фронта и командующих армиями оперативное построение войск создавалось в один эшелон, без выделения сильных резервов. С одной стороны, большее количество сил и средств в составе первого эшелона позволяло нанести по врагу сильный первый удар, но с другой — лишало командующих возможности наращивать усилия в ходе операции и как-то реагировать на резкие изменения обстановки. Но главное даже не в этом: командующий войсками Воронежского фронта генерал Ф.И. Голиков по своей относительной неопытности недооценил силу и возможности окруженной в районе Горшечное группировки противника. Поэтому поставленная 38-й и 40-й армиям задача — завершить разгром этой группировки в течение двух-трех суток и к 1 февраля выйти в назначенные полосы наступления — была заранее нереальной. В решении Ф.И. Голикова не предусматривалась также возможность прорыва против-

ника из окружения и, как следствие, не были определены меры по его предотвращению.

Генерал-полковник Ф.И. Голиков очень спешил. Его фронт по размаху операций и потенциальным возможностям по разгрому отступающих немецких группировок соревновался с соседом — Юго-Западным фронтом. Командующий этим объединением генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин разработал масштабную и амбициозную операцию по разгрому и окружению немецких войск, получившую кодовое наименование «Скачок». Основной идеей «Скачка» был глубокий охват донбасской группировки противника и выход к Азовскому морю: «Армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар с фронта Покровское, Старобельск на фронт Краматорская, Артемовск и далее в направлении Сталино (Донецк), Волноваха, Мариуполь, а также нанося мощный удар из района юго-западнее Каменск в направлении Сталино, отрезают всю группировку противника, находящегося на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская выхода ее на запад и вывоза какого бы то ни было имущества». Это были только задачи первого эшелона операции. Прорабатывая «Скачок», Н.Ф. Ватутин нацеливался еще дальше: «Таким образом, операция должна быть закончена к 5 февраля 1943 года. Это даст возможность до конца зимнего периода провести еще одну операцию и выйти на более выгодный рубеж, а именно: Ахтырка, Полтава, Переволочна, Днепропетровск, Запорожье, Мелитополь, а при благоприятных условиях захватить также район Каховка, Херсон, Перекоп, Геническ и отрезать Крым». Такие далеко идущие планы резко диссонировали с реальным состоянием войск Юго-Западного фронта и все ухудшавшимся по мере отдаления от баз снабжением. Разрыв между войсками и станциями снабжения в некоторых случаях превышал

300 километров. Основным средством подвоза становился весьма малочисленный автотранспорт фронта. В наличии имелось только 1300 бортовых машин и 380 автоцистерн, которые могли поднять только 900 тонн горючего вместо 2000 тонн, необходимых войскам. То есть даже использование всего автотранспорта фронта для подвоза горючего не обеспечивало потребностей войск, а ведь помимо топлива требовались боеприпасы и продовольствие. Состояние танковых соединений также было не блестящим. Командующий танковыми войсками Красной армии и Военный совет Юго-Западного фронта описывали их состояние на 4 февраля 1943 года следующим образом:

«В настоящее время в Юго-Западном фронте в наличии имеется 9 танковых корпусов, 2 механизированных корпуса, 3 танковые бригады и 14 танковых полков.

Во всех танковых и механизированных войсках фронта с учетом отпущенной и направленной фронту боевой материальной части на ходу имеется: танков КВ — 14, Т-34—565, Т-60, Т-70—370, английских — 37. Всего — 986 танков.

Этой боевой материальной частью можно укомплектовать по штату (без танкового резерва) 5 танковых корпусов, 2 танковые бригады и 2 танковых полка.

Остальные 4 танковых и 2 механизированных корпуса, одна танковая бригада и 12 танковых полков остаются без боевой материальной части».

Однако заманчивая идея завершить зимнюю кампанию разгромом крупной группировки немцев кружила голову командующим фронтами и армиями и заставляла забыть о трудностях, которые испытывали вот уже два месяца не выходявшие из боев войска. Основным инструментом для реализации плана наступления Юго-Западного фронта должна была стать подвижная группа в составе нескольких танковых корпусов. В вышеупомянутом докладе

Н.Ф. Ватутина состав и задачи подвижной группы формулировались следующим образом: «Сильной и подвижной группой в составе 3, 10-го и 18-го танковых корпусов, 3 стрелковых дивизий, 3 истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 3 гмп и 3 артиллерийских полков ПВО, усиленных впоследствии пребывающими по железной дороге 3 лыжными бригадами, наноси удар с фронта Тарасовка (30 км северо-восточнее Сватово), Старобельск в общем направлении на фронт Краматорская, Артемовск, и далее на Сталино, Волноваха, Мариуполь с задачей отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника». В сущности, Н.Ф. Ватутин создал временное объединение, аналогичное по своей структуре имевшейся в распоряжении его северного соседа — танковой армии П.С. Рыбалко. Невооруженным глазом просматривается сходство боевого состава вышеописанной 3-й танковой армии и подвижной группы Юго-Западного фронта. И то и другое объединение включало 2—3 танковых корпуса, несколько стрелковых дивизий и части усиления. Пожалуй, единственным существенным отличием подвижной группы от танковой армии было отсутствие армейского управления с его тылами и частями связи. Этот фактор серьезно усложнял задачу командования подвижной группы. Во главе ее командующий Юго-Западным фронтом поставил своего заместителя генерал-лейтенанта Маркиана Михайловича Попова. Таким образом, подвижная группа почти официально получила статус армии. Всего в трех танковых корпусах подвижной группы было 137 танков. Интересно отметить, что в вышепроцитированном докладе Я.Н. Федоренко содержалось предложение о формировании в составе Юго-Западного фронта двух танковых армий. Однако это предложение реализовано не было. В реальности в состав подвижной группы М.М. Попова были включены 4-й гвардейский

танковый, 3, 10-й и 18-й танковые корпуса, 57-я гвардейская стрелковая и 52-я стрелковая дивизии, а также средства усиления. В первом эшелоне должны были двигаться 3 танковых корпуса: 3-й генерал-майора танковых войск М.Д. Синенко — на правом фланге, 10-й генерал-майора танковых войск В.Г. Буркова — в центре и 18-й генерал-майора танковых войск Б.С. Бахарова — на левом фланге. 4-й гвардейский танковый корпус генерал-майора П.П. Полубоярова по первоначальному плану операции находился во втором эшелоне. Возглавляли все танковые корпуса подвижной группы М.М. Попова командиры-танкисты, получившие опыт командования танковыми соединениями еще в 1941 году. М.Д. Синенко начал войну командиром 54-й танковой дивизии, В.Г. Бурков — 9-й (104-й) танковой дивизии, Б.С. Бахаров — 50-й танковой дивизии. В промежутке между ликвидацией танковых дивизий и созданием танковых корпусов М.Д. Синенко и Б.С. Бахаров командовали танковыми бригадами. П.П. Полубояров до войны был начальником АБТУ Прибалтийского особого военного округа, Я.Н. Федоренко и Н.Ф. Ватутин прочили его в командующие танковой армии.

В полном согласии с советской военной теорией, ввод в сражение подвижной группы планировался после прорыва фронта противника стрелковыми соединениями 1-й гвардейской армии В.И. Кузнецова и 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонов. После ввода в прорыв эти две армии правого крыла Юго-Западного фронта должны были обеспечить действия подвижной группы М.М. Попова, наступая на запад и юго-запад. Наиболее сложной была задача 6-й армии, обеспечивавшей стык с Воронежским фронтом. Впоследствии армия Ф.М. Харитон. стала одним из главных действующих лиц разыгравшейся на заснеженных полях под Харько-

вом драмы. К началу наступления в составе 6-й армии было 4 стрелковых дивизии (350, 172, 267-я и 6-я), 106-я стрелковая бригада, 115-я танковая бригада, 212-й танковый полк и три истребительно-противотанковых артиллерийских полка (462, 870-й и 150-й). Армия успела понести потери в предыдущих боях, и численность ее частей и соединений была далека от штатной. Наиболее сильной была 6-я Краснознаменная стрелковая дивизия полковника Я.Л. Штеймана (смененного 10 февраля полковником Л.М. Горяшиным), насчитывавшая на 27 января 1943 года 9435 человек. Остальные стрелковые дивизии были существенно слабее: 350-я стрелковая дивизия генерал-майора А.П. Гриценко насчитывала 6449 человек, 267-я полковника В.А. Герасимова — 4100 человек и 172-я полковника Н.С. Тимофеева — 3462 человека. Четырехбатальонная 106-я стрелковая бригада была сравнима по численности с дивизиями и насчитывала 3421 человека. 115-я танковая бригада располагала 16 танками, 212-й танковый полк — 12-ю. Из трех истребительно-противотанковых полков один насчитывал 20 орудий, а два других — по 19 орудий. Фронт армии составлял 60 км, главный удар наносился на правом фланге в полосе шириной 20 км. 6-я армия обеспечивала ввод в прорыв 3-го танкового корпуса, а затем должна была наступать на запад, продвинувшись на седьмой день наступления на 110 км.

Примыкавшая с юга к 1-й гвардейской армии 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта также получала наступательную задачу. Во-первых, она должна была совместно с 1-й гвардейской армией окружить противника в районе Ворошиловграда. Во-вторых, в 3-й гвардейской армии создавалась подвижная группа для выхода в район Сталино (ныне Донецк). Основу подвижной группы составлял 8-й кавалерийский корпус. Наступая через Де-

бальцево на Макеевку и Сталино, подвижная группа 3-й гвардейской армии должна была соединиться с подвижной группой М.М. Попова. Левое крыло Юго-Западного фронта, 5-я танковая армия, должна была наступать на запад и во взаимодействии с 3-й гвардейской армией окружить и разгромить противника в районе Красный Сулин. Этот план был во многом характерен для советского командования того периода, тяготевшего к дроблению противника несколькими сходящимися ударами с разных направлений.

В резерве командующего Юго-Западным фронтом числились 1-й гвардейский танковый корпус и 25-й танковый корпус. Все они к моменту составления плана операции материальной части не имели, но должны были постепенно комплектоваться техникой с заводов и из ремонта. Поддержку с воздуха войскам Юго-Западного фронта должна была оказывать 17-я воздушная армия, насчитывавшая к моменту начала операции «Скачок» 274 исправных самолета. В середине февраля армия пополнилась бомбардировочной авиадивизией самолетов А-20 «Бостон», поставляемых по ленд-лизу, и отдельным авиаполком в составе семи новейших по тем временам самолетов-бомбардировщиков Ту-2^о.

Для немецкого командования обстановка характеризовалась двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, фронт трещал по всем швам, а на некоторых участках попросту отсутствовал. С другой стороны, в Донбасс постепенно прибывали новые корпуса и дивизии. Во-первых, это были рокированные с других участков фронта соединения, а во-вторых — прошедшие в 1942 году переформирование танковые, пехотные и моторизованные (панцергренадерские) дивизии. Первую группу составляли отходившие через Ростов танковые корпуса 1-й танковой армии Маккензена и 4-й танковой

армии Г. Гота. Еще 22 января Гитлером было принято решение отвести 1-ю танковую армию, поспешно отходившую с Кавказа, не на Кубанский плацдарм, а через Ростов в распоряжение командующего группы армий «Дон» Э. фон Манштейна. Соответственно 4-я танковая армия должна была прикрыть отход армии Э. фон Маккензена через Ростов на Донбасс. После выполнения этой задачи 4-я танковая армия также отходила через Ростов на Донбасс и могла быть использована для парирования советского наступления. Таким образом, немецкое командование получало в свое распоряжение два крупных подвижных объединения, которые хотя и участвовали в боях с самого начала летнего наступления 1942 года, но все еще сохраняли относительную боеспособность. «Ветераны» летнего наступления на Сталинград и Кавказ приняли активное участие в боях за Харьков и Донбасс. Это 3-я и 23-я танковые дивизии вермахта и моторизованная дивизия СС «Викинг». Но наиболее существенным подкреплением было прибытие новых дивизий, прошедших переформирование. Это были соединения, утратившие боеспособность и выведенные с фронта по итогам зимней кампании 1941—1942 годов. Первой из этой группы соединений стала 6-я танковая дивизия вермахта, принявшая участие в попытке деблокировать армию Паулюса в конце ноября и начале декабря 1942 года. Дивизия, насчитывавшая 7 декабря 1942 года 143 танка, понесла большие потери в зимних боях. Однако в течение января дивизия три раза получала пополнение и к 30 января насчитывала 64 танка. Менее сильной была переброшенная к Манштейну в ходе попытки деблокировать армию Паулюса 17-я танковая дивизия вермахта.

Второй из прошедших переформирование после зимы 1941—1942 годов соединений была 7-я танковая дивизия. Она прибыла в распоряжение командования группы ар-

мий «Дон» в январе 1943 года. Из вооруженной чешскими танками трехбатальонного соединения 1941 года, то есть соединения с тремя батальонами в танковом полку, она стала двухбатальонной (по четыре роты в танковом батальоне). В январе 1943 года 7-я танковая дивизия насчитывала 21 танк Pz.Kpfw.II, 91 танк Pz.Kpfw.III с 50-мм длинноствольным орудием, 14 танков Pz.Kpfw.III с 75-мм 24-калиберным орудием, 2 танка Pz.Kpfw.IV с 75-мм 24-калиберным орудием, 18 танков Pz.Kpfw.IV с 75-мм длинноствольным орудием и 9 командирских танков. Дивизия была использована в боях за Ростов, но боеспособности не потеряла. Еще одним танковым соединением вермахта, поступившим на усиление войск на южном секторе советско-германского фронта, была 11-я танковая дивизия. Она была переброшена из резерва группы армий «Центр» в конце 1942 года и к 29 января насчитывала 61 боеготовый танк.

В двадцатых числах января 7-я и 11-я танковые дивизии наносили контрудар по советским войскам, наступавшим на Нижнем Маныче. После завершения контрудара они были подготовлены для переброски на западный фланг группы армий «Дон».

Свежие силы и резервы прибывали не только в группу армий «Дон», но и в группу армий «Б» в районе Харькова и Белгорода. Таким резервом, сыгравшим важную роль в сражении, стала моторизованная (панцергренадерская) дивизия вермахта «Великая Германия». Дивизия прибыла на фронт в феврале 1943 года. Соединение буквально два месяца назад, в ноябре — декабре 1942 года, участвовало в напряженных боях под Ржевом, в отражении советского наступления, известного как операция «Марс». Однако дивизия успела получить пополнение, в том числе новейшие тяжелые танки Pz.Kpfw.VI H «Тигр», составившие 13-ю роту танкового полка «Великой Германии». На тот момент

танковый полк дивизии состоял из одного батальона и насчитывал 10 танков Pz.Kpfw.III с 50-мм длинноствольной пушкой, 42 танка Pz.Kpfw.IV с длинноствольным орудием, 9 танков Pz.Kpfw.VI H «Тигр», 6 командирских танков и 28 огнеметных танков. Второй танковый батальон «Великой Германии» прибыл на фронт в разгар сражения, 1 марта 1943 года. Сражение под Харьковом стало по большому счету полноценным дебютом танков «Тигр». Они применялись на танкодоступной местности в качестве средства качественного усиления подвижных соединений. Совместно с «Великой Германией» действовала также отдельная танковая часть, 5-я рота батальона охраны (сопровождения) фюрера, в составе 4 танков Pz.Kpfw.III и 7 танков Pz.Kpfw.IV.

Помимо танковых и моторизованных соединений в группы армий «Б» и «Дон» поступали свежие пехотные дивизии. Для закрытия бреши севернее Харькова была переброшена 168-я пехотная дивизия, а юго-восточнее Харькова заняла позиции 298-я пехотная дивизия. Сюда же прибыла начавшая формироваться еще в декабре 1940 года и с марта 1941 года находившаяся на Западе 320-я пехотная дивизия генерал-майора Георга Постеля. Бои под Харьковом были дебютом дивизии Постеля на Восточном фронте, и судьба соединения уже в первый же месяц боев сложилась весьма драматично. Пополнение получили также другие соединения группы армий «Дон». В состав армейской группы Фреттер-Пико, оборонявшей северный фланг группы армий «Дон», в конце января прибыла 335-я пехотная дивизия. Одновременно армейской группе Фреттер-Пико было возвращено наименование 30-го армейского корпуса, и он был подчинен штабу 1-й танковой армии Маккензена. В состав армейской группы Холидта, оборонявшейся в центре построения группы армий «Дон», прибыла 304-я пехотная дивизия.

Дивизия не обладала боевым опытом, но была хорошо укомплектована в отличие от опытных, но понесших потери в предыдущих боях 206-й и 294-й пехотных дивизий группы Холидта.

Наиболее сильным резервом, прибывающим в распоряжение германского командования на харьковском направлении, был 2-й танковый корпус СС. Три его дивизии — «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова» («Тотенкопф») были в 1942 году выведены с фронта на переформирование. В 1941 году и зимой 1942 года все эти три моторизованные дивизии (точнее, в тот период «Лейбштандарт» был мотопехотной бригадой) воевали в разных группах армий. «Лейбштандарт» действовал в составе группы армий «Юг», моторизованная дивизия «Рейх» — в группе армий «Центр», а моторизованная дивизия «Тотенкопф» — в группе армий «Север». Теперь эсэсовские дивизии объединялись в один корпус. Возглавил это соединение Пауль Хауссер, командовавший в начале войны дивизией СС «Рейх». Несмотря на идеологическую компоненту войск СС, во главе ее соединений стояли, как правило, опытные и профессиональные военные. Пауль Хауссер был генерал-лейтенантом старой армии, начавшим службу еще в Первую мировую войну. Это был типичный представитель прусской военной школы, получивший серьезную подготовку офицера Генерального штаба. Возглавлявший «Лейбштандарт» с самого начала войны обергруппенфюрер СС Йозеф Дитрих был ветераном Первой мировой войны, служившим в 4-м полку баварской полевой артиллерии. Он получил опыт действий в штурмовых группах — элите кайзеровской армии. Дитрих также являлся одним из первых немецких танкистов, попав в 1918 году в подразделение танков А7V. История «Лейбштандарта» началась с первых дней существования Третьего рейха.

В 1941 году четыре батальона моторизованной пехотной бригады «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» вступили на территорию СССР. Почти год спустя, 11 июля 1942 года, бригада была выведена на переформирование. Вторая эсэсовская дивизия, «Рейх», командование которой Хауссер оставил в связи с повышением в должности, возглавил группенфюрер СС Георг Кепплер. Кепплер также был ветераном Первой мировой войны, был несколько раз ранен и закончил войну в звании обер-лейтенанта. Дивизия «Рейх» была сформирована до начала Второй мировой войны, в 1941 году наступала на Москву, участвовала в сражении на Бородинском поле (где ее командир Пауль Хауссер лишился глаза) и, потеряв 11 тыс. человек в ходе восьмимесячных напряженных боев, в марте 1942 года была выведена на переформирование. Третьей дивизией — «Тотенкопф» (в переводе — «Мертвая голова») — командовал группенфюрер СС Теодор Эйке. Его карьера также была типичной для командира эсэсовского соединения. Начав службу в армии в 1909 году, Эйке участвовал в Первой мировой войне в двух баварских пехотных полках. После войны он стал полицейским, но наибольшую известность получил как руководитель охраны концентрационного лагеря Дахау. Дивизия «Мертвая голова» была сформирована осенью 1939 года, а в ходе войны с СССР соединение стало одним из главных участников сражения за Демянский «котел», из которого «Тотенкопф» был выведен только в октябре 1942 года. Из «котла» было выведено только 6500 человек, оставшихся в строю из 20 тыс. человек, насчитывавшихся в соединении в июле 1941 года.

Из всех соединений, прибывавших из Германии и Франции, эсэсовские дивизии претерпели на переформировании наибольшие изменения. Все три были приведены к одному стандарту, став панцергренадерскими дивизия-

ми согласно директиве от 14 октября 1942 года. Если до этого в составе трех моторизованных соединений СС не было танков, то в сражение за Харьков они вступили, имея танковый полк двухбатальонного состава. Помимо двух батальонов трехроторного состава в каждой дивизии была отдельная рота тяжелых танков «Тигр».

Из таблицы четко видно отличие состава «Лейбштандарта» от двух других дивизий в виде преобладания танков Pz.Kpfw.IV в составе танкового полка. Эта была особенность структуры дивизии, в танковых батальонах которой было по три роты средних танков. В дивизиях «Рейх» и «Тотенкопф» танковые батальоны состояли из одной средней и двух легких рот. В целом танковые части трех дивизий формировались по стандартам танковых войск вермахта. Штаб танкового полка эсэсовских дивизий формировался по штату KStN 1103 от 1 ноября 1941 года (три командирских танка и пять линейных танков). Штаб танкового батальона формировался по штату KStN 1107 от 1 ноября 1941 года. Штаб танковой роты — по штату KStN 1150 от 1 ноября 1941 года (три командирских танка, пять легких танков и три танка в саперном взводе). Танковая рота легких танков — по штату KStN 1171 от 1 ноября 1941 года. Рота этого типа состояла из управления (два танка Pz.Kpfw.III), легкого взвода (пять танков Pz.II) и трех взводов по пять танков Pz.III. Танковая рота средних танков — по штату KStN 1175 от 1 ноября 1941 года. Подразделение этого типа состояло из управления (два танка Pz.Kpfw.IV), легкого взвода (пять танков Pz.Kpfw.II), трех взводов по четыре танка Pz.Kpfw.IV. Также в каждой из дивизий СС была рота из тяжелых танков «Тигр». Танковые полки трех эсэсовских дивизий имели сквозную нумерацию, то есть танковый полк дивизии «Лейбштандарт» имел номер 1, дивизии «Рейх» — 2 и «Тотенкопф» — 3.

Состав танков дивизий 2 тк СС

Дивизия СС	Pz.Kpfw.1 ¹	Pz.Kpfw. III	Pz.Kpfw. IV ²	Pz.Kpfw. VI H «Тигр»	Командирские
«LSSAH»	12	101	52	9	9
«Das Reich»	10	811	21	10	9
«Totenkopf»	-	71410 ²	22	9	9

1 – с 50-мм орудием длиной ствола 60 калибров

2 – с 75-мм орудием длиной ствола 24 калибра

3 – все с длинноствольным 75-мм орудием

Однако не только танки были ядром панцергренадерских дивизий СС корпуса Хауссера. Помимо танкового полка в каждой из дивизий было два трехбатальонных мотопехотных (панцергренадерских) полка, в «Тотенкопфе» кроме этого был третий (двухбатальонный) мотопехотный полк. Полки имели сквозную нумерацию для первых двух панцергренадерских дивизий СС, а иногда даже имена собственные. «Лейбштандарту» принадлежали 1-й и 2-й мотопехотные полки. «Рейху» — 3-й и 4-й мотопехотные полки, называвшиеся соответственно «Дойчланд» и «Фюрер». Во 2-м и 4-м мотопехотных полках 3-й батальон оснащался полугусеничными бронетранспортерами Sd.Kfz.251. Остальные мотопехотные батальоны передвигались на марше на автомашинах, а в бою — в пешем строю. В состав «Тотенкопфа» входили мотопехотные полки «Тотенкопф» и «Теодор Эйке», а также моторизованный полк «Туле». Полугусеничными бронетранспортерами в «Тотенкопфе» оснащался 1-й батальон панцергренадерского полка «Тотенкопф».

Именно танковые и мотопехотные полки стали основными структурными единицами, вокруг которых формировались боевые группы. Создание подобных формирований было основным тактическим приемом немецкой армии в ходе Второй мировой войны. Это были времен-

ные организационные структуры, объединявшие танки, мотопехоту и артиллерию для решения конкретной тактической задачи. Боевые группы могли быть полковые, батальонные или даже ротные. В основном панцergренадерскими дивизиями СС применялись в зимних боях 1943 года полковые боевые группы. Мотопехотные полки получали средства усиления в лице танков, САУ, саперов и артиллерии и могли решать самостоятельные задачи в отрыве от основных сил дивизии. Реже применялись батальонные боевые группы.

Во всех трех эсэсовских дивизиях был артиллерийский полк четырехдивизионного состава, дивизион штурмовых орудий, противотанковый дивизион и дивизион зенитной артиллерии. В каждом соединении были разведывательный и саперный батальон, также имевшие сквозную нумерацию во всех трех дивизиях. Разведывательный батальон был самодостаточным подразделением, вооруженным бронетехникой, часто использовавшейся для решения самостоятельных задач. Такой же гибкостью использования могли похвастаться только мотоциклетные части. Однако только 2-я панцergренадерская дивизия СС «Рейх», единственная из трех дивизий-близнецов, оснащалась мотоциклетным батальоном. Иногда в документах ему присваивался второй номер и обозначение К2. Несмотря на свое формальное название, мотоциклетный батальон имел широкий спектр различной техники, в частности легкие плавающие автомобили «Швиммваген».

Прибытие свежих соединений позволило германскому командованию в какой-то мере залатать брешь между группами армий «Б» фон Вейкса и «Дон» фон Манштейна, пробитую Воронежско-Касторненской и Острогожско-Россошанской операциями. Для смыкания флангов была создана армейская группа Ланца, первоначально вклю-

чавшая только две дивизии (168-ю пехотную и панцергренадерскую вермахта «Великая Германия»). Армейская группа подчинялась командованию группы армий «Б» и получила свое название по имени командующего — генерала горных войск Хуберта Ланца. К тому времени он уже был опытным военачальником, находившимся на Восточном фронте с июня 1941 года. Тогда он возглавлял элитное соединение вермахта — 1-ю горнопехотную дивизию. В конце января 1943 года армейская группа Ланца постепенно формировала «завесу» от Белгорода до Лисичанска, где ее южный фланг примыкал к северному флангу группы армий «Дон» в лице 19-й танковой дивизии вермахта. Задачи подчиненных Хуберту Ланцу войск формулировались следующим образом:

«Армейской группе Ланца мешать охвату группы армий “Дон” и охранять район Харьков, Белгород. Для этого 320-й усиленной пехотной дивизии, в случае отеснения ее противником, отойти на линию Донец, Оскол.

Не терять соприкосновения с группой армий “Дон” (армейская группа Фреттер-Пико) в районе Маяки.

Подвижно охранять район Оскол, Донец и Оскол, Короча».

Все соединения армейской группы Ланца занимали широкий фронт, на котором можно было вести только сдерживающие действия. На северном фланге 30-километровый фронт занимала 168-я пехотная дивизия. Северо-восточнее Харькова занимала оборону на таком же широком фронте моторизованная дивизия вермахта «Великая Германия». Наиболее разряженное построение получила первоначально дивизия СС «Рейх». Прибывший первым ее мотопехотный полк «Дойчланд» получил фронт шириной 30 км от Ольховатки до Велико-го Бурлука к востоку от Харькова. Юго-восточнее Харькова в городе Купянске и по реке Оскол южнее города

оборонялась 298-я пехотная дивизия. На стыке между эсэсовцами и 298-й пехотной дивизией в районе Двуречной находились только полицейские силы численностью около батальона. На правом крыле армейской группы Ланца позиции по реке Красной занимала 320-я пехотная дивизия. По отношению к советским войскам армейская группа Ланца находилась на стыке Юго-Западного и Воронежского фронтов. Общая численность частей и соединений группы (без учета эсэсовских соединений) составляла примерно 30 тыс. человек. Оборона на широком фронте не обещала быть легкой, и задачей Ланца было продержаться до прибытия основных сил 2-го танкового корпуса СС. В сущности, армейская группа Ланца должна была прикрыть развертывание корпуса СС в районе Харькова. В дальнейшем корпус Хауссера должен был нанести контрудар по наступающим на Донбасс советским войскам. В целом немецкое командование, несмотря на отчетливо обозначившийся кризис, предполагало действовать активно и агрессивно. Относилось это не только к Манштейну, но и к фон Вейхсу. Еще 31 января, когда во фронте подчиненных ему войск зияла огромная брешь, он ставил задачи в наступательном духе:

«Задача группы армий “Б” : прикрывать фланги групп армий “Дон” и “Центр” и задержать продвижение противника на запад на линии Оскол, Сейм.

Эта задача может быть выполнена только при твердой воле, большой изворотливости командования и при использовании любой возможности для перехода в наступление на отдельные, прорвавшиеся вперед группы противника. Об этом известить все командование и части до наименьшего подразделения» .

Существенную роль в предстоящем сражении должна была сыграть авиация в лице 4-го воздушного флота люфтваффе под командованием генерал-полковника ба-

рона Вольфрама фон Рихтгоффена. Он считался одним из главных специалистов по поддержке с воздуха наземных войск. Штаб 4-го воздушного флота располагался в городе Запорожье. В состав 4-го воздушного флота входили 4-й и 8-й авиакорпуса, а также авиакомандование «Дон». Последнее временное объединение было реорганизовано 17 февраля 1943 года: управление переместилось в Полтаву и было переименовано в командование 1-го авиакорпуса. Основным районом действий объединения был северный фланг группы армий «Юг» («Дон») и южный фланг группы армий «Б». Возглавлял авиакомандование «Дон» (1-й авиакорпус) генерал авиации Гюнтер Куртен. На 31 января 1943 года в авиакомандование «Дон» входили: 3(F) /22, 3(F) /100, NAGr 10, I группа 1-й бомбардировочной эскадры KG1, I и III группы 3-й бомбардировочной эскадры KG3, II и III группы 2-й эскадры пикирующих бомбардировщиков StG2, I группа 52-й истребительной эскадры. Уже после начала боев к этим авиасоединениям прибавилась I группа 2-й эскадры пикировщиков StG2, а 3(F) /100 была заменена на 2(F) /100.

Основная нагрузка воздушной войны в ходе боев под Харьковом легла на 4-й авиакорпус генерала авиации Курта Пфлюгбайля. В его состав входили 1-я эскадра штурмовиков SchGl (первоначально I группа, II группа прибыла 6 февраля), I группа 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков StG77 и 1-я эскадра двухмоторных истребителей Me-110 ZG1. Бои под Харьковом стали полноценным боевым дебютом не только для немецких танков новых типов, но и для самолетов. Если I группа эскадры штурмовиков воевала на Vf 109E, то II группа к моменту вступления в бой успела перевооружиться на FW190A. Самолеты «Фокке-Вульф-190» в роли штурмовиков впервые широкомасштабно были применены под Харьковом

зимой 1943 года и с тех пор стали постоянным участником батальонов на советско-германском фронте.

Разграничительная линия между 1-м и 4-м авиакорпусами пролегла в районе Харькова. Первый прикрывал пространство севернее и северо-восточнее Харькова, а второй — район южнее Харькова и Донбасс. Крупным аэроузлом, на который базировалось большинство групп эскадр 4-го авиакорпуса, было Сталино¹⁰.

Ход Харьковской наступательной операции. Освобождение города Харькова. Боевые действия на харьковском направлении начались в день завершения разгрома немцев в Сталинграде. 2 февраля в 6.00 перешли в наступление 69-я и 3-я танковые армии, а сутки спустя — 40-я армия. Наступление развивалось успешно, несмотря на то что противник предпринимал немалые усилия, чтобы удержаться на занимаемых рубежах. Кроме того, из-за глубокого снежного покрова темп продвижения был низким.

Разгромив в первый же день части прикрытия, войска Воронежского фронта устремились на запад. Наибольшего успеха достигли танкисты 201-й танковой бригады под командованием генерала Н.А. Таранова из 3-й танковой армии. Бригада с ходу по льду форсировала реку Оскол и перерезала железную дорогу Купянск—Белгород, чем помогла соединениям Юго-Западного фронта освободить город Купянск (наступление Юго-Западного фронта началось еще 29 января 1943 года. — *Примеч. авт.*).

Чтобы упредить выход резервов противника к Северному Донцу, утром 3 февраля в сражение были введены 12-й и 15-й танковые корпуса, которые нарастили силу удара стрелковых дивизий и устремились к реке.

Однако боевые действия на правом фланге и в центре ударной группировки 3-й танковой армии развивались не столь удачно. Только 5 февраля ее соединения выш-

ли к реке Северский Донец, но форсировать его с ходу не смогли. Дело в том, что германское командование успело выдвинуть сюда главные силы панцегренадерской дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и организовать оборону по правому берегу реки. Армии пришлось начать планомерную подготовку к ее форсированию. Выполнению этой задачи в значительной мере способствовали успешные действия войск, наступавших на белгородско-харьковском направлении. Чтобы ускорить продвижение вперед, 309-я стрелковая дивизия 40-й армии генерала М.И. Меньшикова использовала санный транспорт. Это позволило частям дивизии уже к 6 февраля выйти к Северскому Донцу, с ходу форсировать его и перерезать железную дорогу Курск—Харьков в районе населенного пункта Гостишево. Командующий 40-й армией генерал К.С. Москаленко ввел в сражение сводный отряд, а затем и 183-ю стрелковую дивизию генерала А.С. Костицына, которые, преследуя отходившие части 168-й немецкой пехотной дивизии, к 7 февраля прорвались к западной окраине города Белгорода. Подошедшие соединения армии, сломив отчаянное сопротивление противника, к утру 9 февраля освободили город.

Успешно наступали и соединения 69-й армии генерала М.И. Казакова. Они сравнительно легко ликвидировали немецкие опорные пункты на западном берегу реки Оскол и перешли к преследованию отходивших частей панцегренадерской дивизии вермахта «Великая Германия». Однако немецкое командование ввело в сражение дивизию СС «Рейх», которой контрударом удалось замедлить наступление армии. По свидетельству командующего 69-й армией, «6 февраля неприятельские танки контратаковали на марше близ Белого Колодезя 180-ю стрелковую дивизию. Передовые ее части понесли при этом значительные потери. В некоторых батальонах оказались полностью

выведенными из строя противотанковые средства вместе с расчетами, а немецкие танки продолжали наносить удары. Только при развертывании главных сил дивизии их натиск был сломлен».

К 10—12 февраля войска Воронежского фронта, продвинувшись на 100—120 км, создали угрозу окружения противника в районе Харькова. Введенный в сражение в полосе 40-й армии 5-й гвардейский танковый корпус генерала А.Г. Кравченко охватил город с северо-запада. Такая же возможность создавалась и с юга. Но действовавший здесь 6-й гвардейский кавалерийский корпус продвигался с трудом. Так, 12 февраля немецкие части из 2-го корпуса СС нанесли контрудар по 6-му кавалерийскому корпусу, выбив его из Мерефы и Новой Водолаги. Требовалось решительно нарастить усилия войск.

Чтобы сломить сопротивление противника, командующий 3-й танковой армией приказал 12-му танковому корпусу ударом на юг овладеть деревней Введенка, а затем наступать на Харьков с юга через Васищево, Безлюдовку и Основу.

Благоприятно складывалась обстановка на курском направлении. Соединения 60-й армии к исходу 6 февраля вышли на подступы к городу Курску. Командующий армией генерал И.Д. Черняховский для овладения городом создал две группы, которые нанесли противнику удар с севера и юга, создав тем самым реальную угрозу его окружения. Он спешно начал отходить из города, взрывая и поджигая здания. Утром 8 февраля старинный русский город Курск был освобожден.

Наступил последний, самый ответственный этап операции «Звезда» — освобождение города Харькова — крупного промышленного и административного центра. Германское командование стремилось удержать его любой ценой. Гитлер считал, что потеря Харькова может сильно

отразиться на престиже Германии. Поэтому 10 февраля с рубежа Северского Донца к Харькову был переброшен 2-й танковый корпус СС. Город был разделен на несколько секторов. Северный и восточный обороняла панцергренадерская дивизия СС «Рейх», а южный — панцергренадерская дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Кроме них создавался специальный армейский корпус под командованием генерала Рауса. В него включались подошедшая из резерва 167-я пехотная дивизия, а также отступавшие с рубежа реки Оскол части 168-й пехотной дивизии и панцергренадерской дивизии вермахта «Великая Германия».

Сосредоточенные для обороны Харькова два корпуса были объединены в оперативную группу под командованием генерала Ланца. Она имела 55 тыс. человек, 720 орудий и минометов, 104 танка. Как отмечается в дневнике военных действий штаба вермахта, «командующий группой армий “Б” приказал оборонять Харьков на рубеже Змиев, Рогань, Липцы и 11 февраля нанести глубокий решительный удар в южном направлении с целью задержать продвижение восточной и северной групп противника».

В разгар боев за Харьков немецкие войска на южном фланге советско-германского фронта были вновь реорганизованы. 13 февраля 1943 года на базе группы армий «Б» были созданы группы армий «Центр» (туда отошла 2-я полевая армия вермахта) и «Юг» (в которую были включены 4-я танковая армия вермахта, в том числе немецкие войска, обороняющие Харьков: оперативная группа «Ланц» из корпусов «Раус» и 2-го танкового корпуса СС).

В результате ожесточенных боев, проходивших в течение 12—14 февраля 15-й танковый корпус, 48-я гвардейская и 160-я стрелковые дивизии сбили панцергренадерскую дивизию СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»

с внешнего оборонительного обвода, который проходил по пригородам Харькова, и завязали бой за тракторный, станкостроительный и плиточный заводы. 62-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная 179-й танковой бригадой, овладела населенным пунктом Основа. 12-й танковый корпус после освобождения Введенки у Лизогубовки (2 км восточнее Васищево) встретил упорное сопротивление врага и был остановлен. 111-я стрелковая дивизия полковника С.П. Хотеева также вела бои на этом рубеже.

Медленно наступала также и 69-я армия генерал-лейтенанта М.И. Казакова. Ее передовые части подошли к северо-восточной окраине Харькова только к исходу 14 февраля.

Успешней наступала в эти дни 40-я армия генерала К.С. Москаленко. К исходу 14 февраля несколько ее стрелковых дивизий подошли непосредственно к северной окраине Харькова, а подвижные соединения (5-й гвардейский танковый корпус генерала А.Г. Кравченко, отдельные танковые бригады и полки, сведенные в танковую группу) овладели Гавриловкой и обошли Харьков с запада.

Войска Воронежского фронта должны были, не снижая темпов наступления, с ходу атаковать противника, чтобы помешать ему подготовить оборону, вывезти из города материальные ценности и не позволить разрушить его. Командующий войсками фронта генерал Ф.И. Голиков торопил войска. В боевом распоряжении командующему 69-й армией генералу М.И. Казакову он указывал: «Войска вверенной Вам армии в течение целых суток бездействовали перед арьергардом противника в 10—12 км от Харькова. Такое поведение преступно, так как оно приводит к срыву выполнения боевой задачи, позволяет противнику безнаказанно отводить главные силы». Чем ближе соединения фронта подходили к городу, тем ожесточеннее

сопротивлялись немецкие войска. К исходу 14 февраля Харьков оказался в полуокружении. Утром 15 февраля войска начали его штурм: 40-я армия с запада и севера, 69-я — с северо-востока, а 3-я танковая армия — с востока. Завязались ожесточенные бои.

Преодолевая яростное сопротивление противника, 3-я танковая и 69-я армии к исходу 15 февраля прорвали внутренний обвод и завязали бои непосредственно за город, а 5-й гвардейский танковый корпус и 340-я стрелковая дивизия 40-й армии ворвались в город с запада и овладели Холодной Горой.

Немецкое командование понимало: удерживать город, находившийся в полуокружении, лишено всякого смысла. Но Гитлер не давал согласия на отвод войск. Тогда командир 2-го танкового корпуса СС самостоятельно, даже вопреки требованиям командующего боевой группой генерала Ланца, отдал дивизиям приказ покинуть город. И хотя верховное командование тут же отменило его распоряжение, части корпуса, бросая боевую технику и оружие, стали оставлять Харьков. Их отступление прикрывали отряды эсэсовцев, которые минировали пути своего отхода и крупные здания в городе.

Преследуя противника, 340-я стрелковая дивизия генерала С.С.Мартиросьяна из 40-й армии ворвалась на западную, а 62-я гвардейская дивизия генерала Г.М. Зайцева из 3-й танковой армии — на юго-западную окраину города. В ночь на 16 февраля разгорелись напряженные уличные бои.

Преодолевая упорное сопротивление врага, 15-й танковый корпус и 160-я стрелковая дивизия танковой армии в 10.00 16 февраля ворвались на площадь Дзержинского, где соединились со 183-й стрелковой дивизией 69-й армии, наступавшей с северо-востока, и 5-м гвардейским танковым корпусом 40-й армии, наступавшим с запада. 62-я

гвардейская стрелковая дивизия и 178-я танковая бригада ворвались в город с юга. К 12.00 16 февраля совместными усилиями 3-й танковой, 40-й и 69-й армий Харьков был полностью освобожден от немецких захватчиков. К этому времени 12-й танковый корпус сломил сопротивление противника и овладел населенным пунктом Лизогубовка, а 111-я стрелковая дивизия — н/п Боровое.

По случаю освобождения Харькова на главной площади города состоялся митинг. Выступивший на митинге командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск В.А. Копцов поздравил жителей города с освобождением, поблагодарил солдат и офицеров корпуса за отличные боевые действия и призвал весь личный состав неустанно преследовать фашистского зверя, гнать его дальше, не давая опомниться, наносить ему всевозрастающие по силе удары. Харьковчане дали танкистам напутствие еще крепче бить врага, не жалеть сил для ускорения окончательной расплаты с ним¹¹.

Завершение Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции и ее итоги. С освобождением Харькова, казалось, создались благоприятные условия для дальнейшего наступления советских войск на запад, и еще во время боев на ближних подступах к городу командующий войсками Воронежского фронта поставил своим объединениям новые задачи: 60-й армии наступать на Рыльск, 38-й — на Сумы, 40-й — на Ахтырку, 69-й и 3-й танковой — на Полтаву. На них генерал Ф.И. Голиков возлагал самые радужные надежды, планируя наступление к Днепру.

Однако эти планы, равно как и замыслы Ставки ВГК, не учитывали конкретной обстановки. Дело в том, что во второй половине февраля немецкое командование перебросило на направления наступления советских войск дополнительные силы и средства — 4 пехотные и 2 танковые

дивизии в район южнее Орла, а также по одной пехотной дивизии в районы Льгова и Полтавы. Последние прибыли, соответственно, из Франции и Голландии.

Войска же Воронежского фронта к тому моменту были обескровлены. Только с 1 января по 1 февраля их потери составили более 56,5 тыс. человек. В некоторых дивизиях насчитывалось по 3,5—4 тыс. человек. Войска крайне нуждались хотя бы в кратковременном отдыхе. Необходимо было подтянуть тылы, подвезти боеприпасы, горючее. В войсках фронта осталось только 0,8 боекомплекта патронов, 0,3—0,6 боекомплекта мин и снарядов. Несмотря на это, Ставка ВГК и фронтовое командование требовали от войск не снижать темпы наступления.

И оно продолжалось. К исходу 16 февраля войска 3-й танковой армии занимали следующее положение: 15-й танковый корпус, не задерживаясь в Харькове, овладел Залютином и вел бои за Песочин; 160-я стрелковая дивизия наступала на Буды; 48-я гвардейская стрелковая дивизия овладела станцией Основа, захватив на ней 150 паровозов и 12 железнодорожных эшелонов с грузами; 12-й танковый корпус вел бои за Васищево, а 111-я стрелковая дивизия — в районе Борового; 6-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный 201-й танковой и 37-й стрелковой бригадами, сосредоточился в районе Соколова; 62-я гвардейская стрелковая дивизия находилась в Харькове в качестве гарнизона; 179-я танковая бригада была в резерве командарма и сосредоточилась на западной окраине Харькова; 184-я стрелковая дивизия выдвигалась к Соколову.

Еще при развертывании боев за Харьков Ставка ВГК приказала Воронежскому фронту после овладения городом частью сил нанести удар на Сумы, а главными силами — на Полтаву и к исходу 21 февраля выйти на рубеж реки Ворскла. В дальнейшем фронт правым крылом должен был развить наступление на Киев, а левым — на Кременчуг с

целью выхода к Днепру и захвата плацдармов на нем до начала ледохода.

3-я танковая армия получила задачу наступать на Полтаву. Справа на Опошню наступала 69-я армия генерала М.И. Казакова. Слевана Красноград наступали правофланговые соединения 6-й армии Юго-Западного фронта.

Командующий 3-й танковой армией приказал 15-му танковому корпусу, 48-й гвардейской и 160-й стрелковым дивизиям к исходу 17 февраля овладеть Валками, а 12-му танковому корпусу и 111-й стрелковой дивизии — Новой Водолагой. 6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу и 184-й стрелковой дивизии была поставлена задача наступать на Рябухино, Староверовку, обеспечивая левый фланг армии от ударов противника¹².

Перейдя в наступление утром 17 февраля, 15-й танковый корпус к исходу того же дня овладел Песочином, а к утру 18 февраля достиг Люботина и завязал упорные бои с панцергренадерской дивизией «Великая Германия», отчаянно оборонявшей город. 12-й танковый корпус освободил Безлюдовку, а в середине дня 18 февраля совместно со 111-й стрелковой дивизией, которой командовал полковник И.Г. Зиберов, овладел Мерефой.

Чтобы в кратчайший срок сломить сопротивление противника в районе Люботина, командарм приказал 12-му танковому корпусу нанести удар на Валки, а 160-й стрелковой дивизии, усиленной 195-й танковой бригадой 15-го танкового корпуса, обойти Люботин и овладеть Старым Мерчином.

Возобновив наступление, 12-й танковый корпус на рубеже реки Мжа встретил упорное сопротивление противника и успеха не имел. Поэтому он нанес удар в западном направлении, утром 20 февраля овладел Будами, а затем, обойдя Люботин с юга и юго-запада, к исходу 21 февраля завязал бои за населенный пункт Огульцы. К этому вре-

мени главные силы 160-й стрелковой дивизии овладели Старым Мерчиком, а 195-я танковая бригада с одним стрелковым полком дивизии — хутором Медвежьим и с запада повела наступление на Люботин. Панцегренадерская дивизия «Великая Германия», опасаясь окружения, в ночь на 22 февраля начала отходить из города.

Преследуя противника, 15-й танковый корпус на рассвете 22 февраля овладел Люботином, а к исходу дня совместно с 12-м танковым корпусом освободил Огульцы. 48-я гвардейская стрелковая дивизия завязала бои за Старую Водолагу, 111-й стрелковая дивизия — за Новую Водолагу, а 6-й гвардейский кавалерийский корпус совместно со 184-й стрелковой дивизией овладел поселком Рябухино.

Наступление армии развивалось медленно. Это было следствием непрерывного усиления харьковской группировки противника новыми войсками, танками и серьезных потерь армии в личном составе и боевой технике. На 18 февраля в армии имелось в строю только 110 танков. Из-за растянутых коммуникаций не хватало горючего и боеприпасов, а войска были утомлены непрерывными 40-суточными боями. Пополнение армии шло не за счет подготовленных маршевых рот, а за счет мобилизации мужчин призывных возрастов в освобожденных районах, основная масса которых была не обучена военному делу. Требовалась определенная пауза в боевых действиях, чтобы привести боевую технику в порядок, подтянуть тылы и наладить снабжение войск, дать личному составу отдых, а также хоть немного обучить военному делу поступившее пополнение.

Военный совет танковой армии обратился к командующему фронтом с просьбой о предоставлении армии хотя бы трех суток для восстановления боеспособности войск. Но эта просьба была отклонена.

Командующий фронтом считал, что противник отходит за Днепр и если не снижать темп наступления, то войска фронта выйдут к реке. Но это было не так. Враг решил не отходить, а предпринять контрнаступление на Украине, нанести поражение войскам Юго-Западного и Воронежского фронтов и отбросить их за Северский Донец. Для этого из Западной Европы и с некоторых участков советско-германского фронта и было снято несколько дивизий. Германское командование решило взять реванш за Сталинград.

С этой целью 19 февраля 4-я армия противника в составе 2-го танкового корпуса СС и 48-го танкового корпуса перешла в наступление против войск правого крыла Юго-Западного фронта, вышедших на рубеж — Красноград, Новомосковск, Запорожье, Васильевка, — нанесла им поражение и вынудила к отходу на восток. Для оказания помощи Юго-Западному фронту в отражении контрудара противника Ставка ВГК решила использовать 3-ю танковую армию. В ночь на 23 февраля командующий Воронежским фронтом приказал командарму «с выходом на рубеж Ковяги, Валки полосу своего наступления передать войскам 69-й армии и форсированным маршем, уничтожая встречного противника, выйти и овладеть районом Карловка, Красноград»¹³.

Утром 23 февраля войска армии начали наступление на новом направлении. Однако выполнить поставленную задачу не смогли, так как противник на рубеже Валки, Новая Водолага ввел в бой прибывшие резервы.

12-й танковый корпус и приданные ему стрелковые дивизии, овладев 25 февраля Валками, к исходу 27 февраля вышли на рубеж Очеретово, Камышеватая. В бою за Камышеватую бессмертный подвиг совершил командир противотанкового орудия 106-й танковой бригады младший сержант М.Г. Елисеев. Будучи раненым и оставаясь

один у орудия, он подбил два танка и уничтожил 20 вражеских автомашин с пехотой, но сам погиб в бою. Подвиг славного сына марийского народа высоко оценен советским правительством. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

15-й танковый корпус, осуществив перегруппировку, к утру 25 февраля совместно со 111-й стрелковой дивизией обходным маневром овладел населенными пунктами Просяное, Новая Водолага и Караван, а утром 26 февраля — Власовкой. 111-я стрелковая дивизия к исходу 27 февраля овладела Староверовкой, а 6-й гвардейский кавалерийский корпус и 184-я стрелковая дивизия вышли в район Ефремовки и Прасковья, где встретили упорное сопротивление врага.

28 февраля 3-я танковая армия была переподчинена Юго-Западному фронту. Командующий фронтом генерал-полковник Н.Ф. Ватутин приказал армии частью стрелковых дивизий занять оборону на рубеже Очеретово, Камышеватая, Староверовка, Дмитриевка, а главными силами к исходу 1 марта сосредоточиться в районе Кегичевка, Новая Парафиевка, Павловка, Шляховое, с утра 2 марта нанести удар в направлении Мироновки, Лозовеньки и разгромить противника, теснившего 6-ю армию.

К исходу 1 марта 15-й танковый корпус, 111, 184-я и 219-я стрелковые дивизии вышли в район Казачьи Майданы, Россоховатая, Кегичевка, Павловка, Чапаево. Здесь они перешли к обороне, отражая частые атаки противника и ожидая подхода 12-го танкового корпуса. 6-й гвардейский кавалерийский корпус в районе Ефремовки подвергся удару крупных сил врага и перешел к обороне. 12-й танковый корпус сосредоточился в районе н/п Шляховое.

К этому времени в составе обоих корпусов имелось только 30 исправных танков. Перейти в наступление утром 2 марта войска главной ударной группировки 3-й танко-

вой армии не могли, так как не хватало ни горючего, ни боеприпасов. Наступление было перенесено на 3 марта. Но оно не состоялось.

В это время войска генерала Ф.И. Голикова продолжали наступать. К 23 февраля войска Воронежского фронта освободили города Сумы и Ахтырку. 180-я стрелковая дивизия 69-й армии форсировала реку Ворскла в 40 км севернее Полтавы. Однако с выходом советских войск на этот рубеж, как уже говорилось, резко ухудшилась обстановка южнее Харькова, где крупная группировка противника создала угрозу прорыва из полосы соседнего Юго-Западного фронта во фланг и в тыл Воронежского фронта. Тем не менее генерал Ф.И. Голиков продолжал ставить задачу стремительного наступления на запад. 25 февраля в боевом распоряжении штаба фронта 40-й армии указывалось: «С выходом в район Опошня создаются благоприятные условия для захвата Полтавы. Это дает возможность не только овладеть городом, но и отрезать значительные силы противника, начавшего отход из района Валки на Полтаву».

Однако стремление командования фронта продолжать наступление уже не отражало реального соотношения сил на направлении главного удара и не учитывало сложившейся к тому времени обстановки. К концу февраля войска Воронежского фронта, исчерпав свои наступательные возможности, вынуждены были перейти к обороне, сосредоточив главные усилия на отражении контрнаступления немцев в районе Харькова.

С окончанием Харьковской наступательной операции боевые действия советских войск в Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции завершились. По размаху и достигнутым результатам это была одна из крупнейших операций Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

Хотя боевые действия велись всего 50 суток, соединения Красной армии продвинулись на глубину 360—520 км, освободили от оккупантов значительную территорию и ряд крупных административных центров — Воронеж, Курск, Белгород и Харьков. В ходе операции было нанесено тяжелое поражение группе армий «Б»: 2-я венгерская и 8-я итальянская армии были почти полностью разгромлены, а 2-я немецкая армия лишилась основной части личного состава и боевой техники. Всего разгромлено 26 дивизий. Противник потерял более 160 тыс. человек, в том числе 77 тыс. убитыми, из которых свыше 49 тыс. — немецкие офицеры и солдаты.

Но и победа Красной армии стоила немалых жертв. Общие потери Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов, участвовавших в Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции, составили более 153 тыс. человек, из них 55,4 тыс. — безвозвратные. Основная причина заключалась в том, что войска пополнялись преимущественно неподготовленными людьми, мобилизованными в ходе освобождения оккупированных территорий. На обучение времени, по существу, не отводилось. Так, в приказе штаба Воронежского фронта отмечалось: «Все мобилизованных советских граждан после проверки их в целях недопущения в ряды Красной армии враждебных элементов разбить на обученный и необученный состав. Для обучения установить 15-дневную программу обучения». Такой срок подготовки был явно недостаточным. А ведь только на Воронежском фронте для проведения операции было мобилизовано более 113,2 тыс. человек, в то время как подготовленного маршевого пополнения прибыло всего 7,7 тыс. Вследствие этого к концу операции войска фронта имели значительный некомплект личного состава, да и качественное состояние вновь прибывшего пополнения оставляло желать лучшего. Таким образом, закрепить успех

советскому командованию на харьковском направлении не удалось, войска исчерпали свои наступательные возможности и в начале марта, несумев выполнить всех поставленных задач, перешли к обороне.

Немецкое же командование, в свою очередь, готовилось к нанесению глобального контрудара именно на этом участке советско-германского фронта.

Боевой состав, численность войск, людские потери фронтов, участвовавших в Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции¹⁴

Наименование объединений и сроки их участия в операции	Боевой состав и численность войск к началу операции		Людские потери в операции, человек			
	количество соединений	численность	безвозвратные	санитарные	всего	средне-суточные
Брянский фронт, 13-я армия (13.1-3.3.1943 г.)	сд - 7 ид - 1* тбр - 2	95 000	13 876	23 547	37 423	748
Воронежский фронт (13.1-3.3.1943 г.)	сд - 20 ид - 1* кд - 2 сбр - 10 тк - 2 отбр - 10	347 200	33 331	62 384	95 715	1914
Юго-Западный фронт, 6-я армия (13.1-3.3.1943 г.)	сд-5 сбр-1 тбр-2	60 200	8268	12 155	20 423	408
Итого:	дивиз. - 36 тк - 2 бригад - 25	502 400	55 475	98 086	153 561	3071

* Истребительная дивизия противотанковых ружей.

ХАРЬКОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (4—25 марта 1943 года)

План контрнаступления. К началу марта 1943 года обстановка на всем южном крыле советско-германского фронта кардинально изменилась.

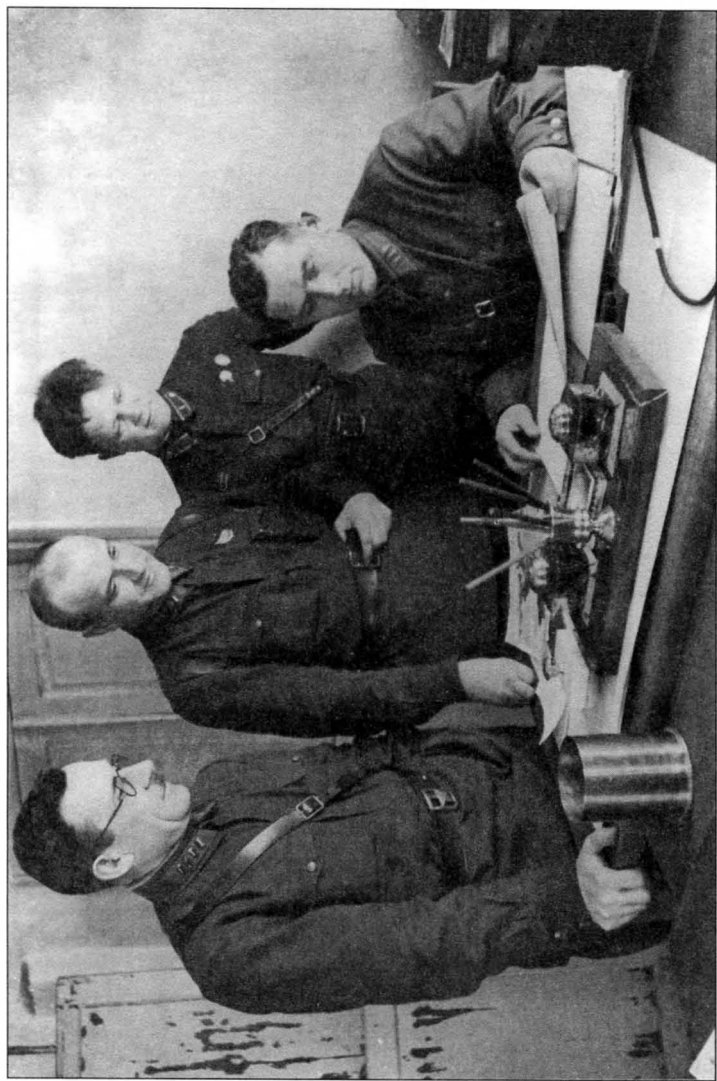
Немецкое командование, стремясь не допустить окончательного разгрома своих войск, действовавших на южном крыле Восточного фронта, предприняло экстренные меры для стабилизации и восстановления положения. Оно понимало, что поражение в Донбассе и южнее Харькова, а также разгром армий сателлитов рейха на Среднем и Верхнем Дону могут привести не только к окончательному распаду нацистского блока, но и к крушению всего советско-германского фронта.

Предотвратить катастрофу и спасти положение немецкое руководство рассчитывало путем мощного контрнаступления. К его подготовке оно приступило еще в начале февраля. 6 числа, когда Гитлер находился в штабе группы армий «Дон», генерал-фельдмаршал фон Манштейн поставил перед ним вопрос о нанесении флангового контрудара из района Харькова в тыл советским войскам, наступавшим к Днепру. Но для этого требовалось оставить восточную часть Донбасса, с чем по политическим мотивам фюрер категорически не соглашался.

13 февраля германское командование на базе групп армий «Б» и «Дон» восстановило группу армии «Юг». Ее командующим Гитлер временно назначил Эриха фон Манштейна. В группу вошли все войска, действовавшие на фронте от Сум до Азовского моря, в том числе 4-я и 1-я танковые армии, оперативные группы «Кемпф» и «Холлидт» и 4-й воздушный флот. 17 февраля фюрер на гигантском четырехмоторном лайнере «Фокке-Вульф 200» в сопро-

Главной ударной силой наступающих советских армий были танки. На снимке – посадка на танк Т-34/76 подразделения мотопехоты. На башне боевой машины оригинальное тактическое обозначение в виде сердца. Воронежский фронт, февраль 1943 года (РГАКФД)

Офицеры штаба Воронежского фронта. Большинство из них носят полевые петлицы, но один из командиров (капитан) имеет петлицы довоенного образца. Февраль 1943 года (АВЛ)

Расчет 50-мм артсистемы Pak 38 разворачивает пушку на боевой позиции. Рядом проезжает полугусеничный мотоцикл NSU. Группа армий «Б», февраль 1943 года (Bundesarchiv)

Смена позиции расчетом тяжелого 28-мм противотанкового снайперского оружия sPzB41. Оно установлено в прицеп к полугусеничному мотоциклу NSU. Рядом виден мотоцикл BMW 750 с коляской. Судя по тактическим обозначениям, танкоистребительное подразделение принадлежит одной из учебно-демонстрационных бригад вермахта. Группа армий «Б», январь 1943 года (АВЛ)

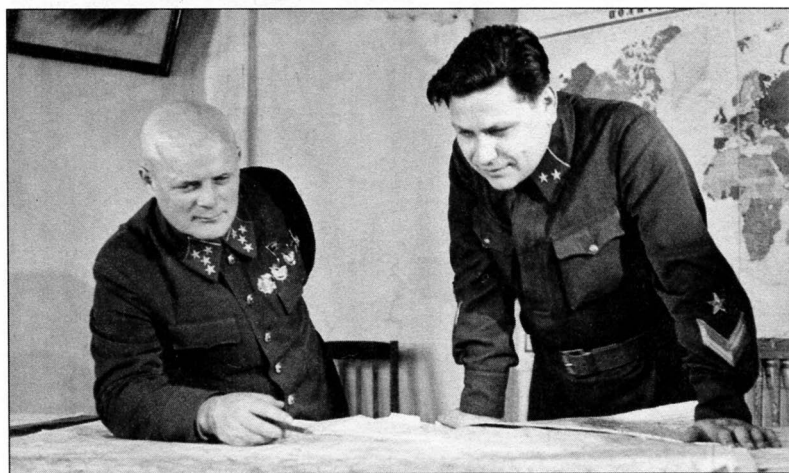
В городе Воронеже советская власть. На снимке (слева направо): секретарь горкома К.И. Сохин, помощник начальника гарнизона полковник Н.И. Глебов, секретарь обкома Г.О. Тищенко, начальник гарнизона полковник П.П. Лисин, второй секретарь обкома Н.Е. Усерновой. 4 февраля 1943 года. Следующей целью советских войск являлся один из крупнейших городов Украины – Харьков (АВЛ)

Средний танк Pz.Kpfw.III Ausf.L из 19-й танковой дивизии вермахта меняет позицию. Боевая машина оснащена расширенными «зимними» гусеницами, но запасные траки, закрепленные на переднем листе корпуса, обычные. Группа армий «Б», февраль 1943 года (АВЛ)

*Командир
2-го танкового корпуса
СС обергруппенфюрер
СС Хауссер. Советско-
германский фронт,
январь—февраль 1943 года
(АВЛ)*

*Командование Воронежского фронта. На фото (слева)
командующий Воронежским фронтом генерал-полковник
Ф.И. Голиков, а рядом начальник политуправления Воронежского
фронта генерал-майор С.С. Шатилов.
Февраль 1943 года (АВЛ)*

Адъютант 1-го гренадерского полка «Великая Германия» проверяет исправность 7,92-мм карабина 98К в одном из караульных подразделений. Район Белгорода, февраль 1943 года (АВЛ)

Колонна 5-го гвардейского танкового корпуса (командир генерал-майор танковых войск А.Г. Кравченко) проходит через Харьков. Воронежский фронт, конец февраля 1943 года (АВЛ)

Формирование 1-й гвардейской танковой армии. На снимках: в 112 тбр передаются танки Т-34 и Т-70 из колонны «Революционная Монголия», построенные на средства монгольского народа. Территория Советского Союза, начало 1943 года (РГАКФД)

Батальон танков Т-34-76 (производства завода № 112 «Красное Сормово») выдвигается на исходный рубеж для атаки. Воронежский фронт, март 1943 года (АВЛ)

Германские бронетанковые соединения совершают передислокацию в предместьях Харькова. На переднем плане танк Pz.Kpfw.IV Ausf.G 1-й панцергренадерской дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». 11 марта 1943 года (АВЛ)

Артполк майора А. Толмачева ведет огонь по немецким позициям (сам комполка стоит с биноклем). На заднем плане 76,2-мм орудие ЗиС-3. Воронежский фронт, район Харькова, февраль—март 1943 года (АВЛ)

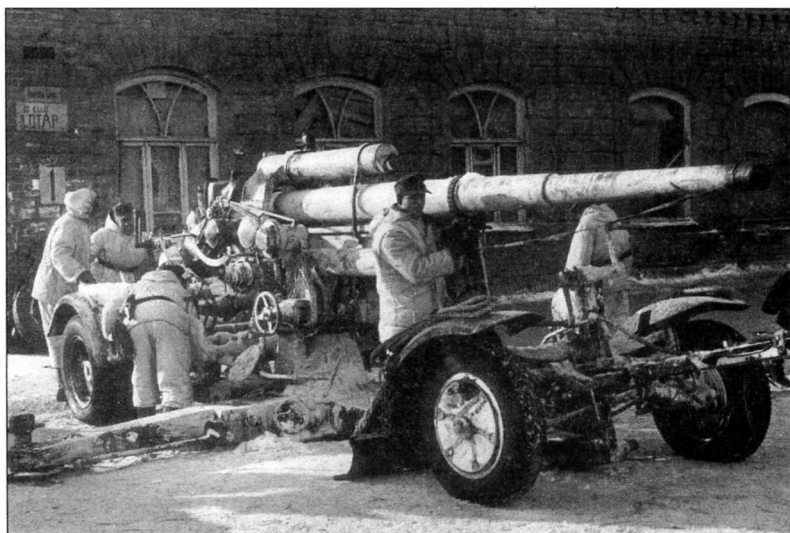
Расчет 14,5-мм противотанковых ружей ПТРД готовится к отражению германской атаки. Полоса обороны 40-й армии, март 1943 года (АВЛ)

Зенитная установка Kfz.7/2 (37-мм пушка Flak 36 на полугусеничном тягаче Sd.Kfz.7) из 2-й панцергренадерской дивизии СС «Рейх». Группа армий «Юг», район Рогани, 14 марта 1943 года (РГАКФД)

Советские танки Т-34-76, свезенные в феврале – начале марта для ремонта на завод № 183 имени Коминтерна и захваченные немцами при повторном взятии Харькова 16 марта 1943 года (АВЛ)

На улицах Харькова. Германский расчет разворачивает позицию для 88-мм зенитного орудия Flak 36/37. Март 1943 года (АВЛ)

Легкий танк Т-70, подбитый немцами в районе Харькова. Воронежский фронт, середина марта 1943 года (АВЛ)

Грузовик «Опель-Блиц» и транспортер боеприпасов Sd.Kfz.252, принадлежащие одному из дивизионов штурмовых орудий вермахта на улицах Харькова. Группа армий «Юг», март 1943 года (АВЛ)

Самоходно-артиллерийская 7,5-мм установка Panzerjäger 38(t) Ausf.H Sd.Kfz.138 ведет огонь по советским позициям. Группа армий «Юг», февраль 1943 года (АВЛ)

*Ремонт «тридцатьчетверки» в полевых условиях.
Предположительно 3-я танковая армия, март 1943 года (АВЛ)*

*Колонна противотанковых 75-мм САУ «Мардер II» на дороге
в районе Борисовки. Группа армий «Юг», панцергренадерская
дивизия вермахта «Великая Германия», март 1943 года (АВЛ)*

Средний танк Pz.Kpfw.IV Ausf.G на позиции на одной из улиц Харькова. На правом борту машины почему-то нанесено 2 креста. Март 1943 года (АВЛ)

Колонна полугусеничных немецких тягачей Sd.Kfz.7 со 105-мм гаубицами sFH18 по дороге в район Чугуева. Группа армий «Юг», март 1942 года (АВЛ)

Бронетранспортер Sd.Kfz.250/10 с 37-мм противотанковой пушкой PaK 35/36 из дивизии вермахта «Великая Германия» во время марша. Группа армий «Юг», середина марта 1943 года (АВЛ)

вождении нескольких истребителей прибыл в штаб этой группы, располагавшейся в районе Запорожья. В течение двух дней Гитлер вместе со своими генералами обсуждали различные варианты контрнаступления. В конце концов, отбросив все радикальные и фантастические проекты, остановились на предложении опытного командующего группой армий.

Сам генерал-фельдмаршал при проведении «работы» по убеждению фюрера в правоте своего варианта плана дальнейших действий оказался неплохим психологом. Гитлер вместе с многочисленной свитой прилетел в Запорожье на несколько дней, не поленившись притащить с собой личного повара (как известно, фюрер придерживался особой вегетарианской диеты. — *Примеч. авт.*) и начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника Альфреда Йодля. Если верить записям в дневнике Геббельса, разговор между Манштейном и Гитлером предстоял неприятный: фюрер летел в Запорожье с желанием снять заслуженного генерал-фельдмаршала с поста командующего группой армий и какое-то время — до поиска подходящей кандидатуры, самостоятельно поруководить германскими войсками на данном ТВД. Донесения в Берлин рисовали мрачную картину кризиса по всему фронту группы армий «Юг», и фюрер сомневался в способности Манштейна выйти из создавшегося положения.

Действительно, не было ни одной армии или армейской группы, положение которой не внушало бы опасений. Армейская группа Холлидта была вынуждена отойти за р. Миус, причем плацдармы на реке уже были захвачены советскими войсками. Передовые части 8-го кавкорпуса захватили станцию Дебальцево, затруднив снабжение армейской группы. Соседняя 1-я танковая армия фон Маккензена была довольно глубоко обойдена подвижной группой генерала М.М. Попова и была вынуждена задействовать все

свои боеспособные маневренные соединения для исправления кризисной ситуации у Красноармейского. Прибытие соединений 4-й танковой армии Гота на южный фланг советского наступления задерживалось. Тем временем брешь между 1-й танковой армией и армейской группой Ланца расширялась, а советские танки и пехотане удержимо продвигались к Днепру и мостам через него.

Основным вопросом, который Гитлер хотел решить в группе армий «Юг», было возвращение Харькова. Фюрер был раздосадован тем, что, несмотря на все его приказы, город был сдан. Манштейн же главной опасностью считал продвижение Красной армии к Днепру и хотел как можно скорее разрешить именно эту проблему. В назревающем конфликте сталкивались политические и военные задачи. Политический приоритет удержания пятого по величине города Советского Союза был связан с вопросом престижа, а также психологического состояния людей противоборствующих лагерей на фронте и в тылу. Военно-стратегический приоритет был связан со значением железнодорожных веток, тянувшихся от нескольких ж/д мостов на Днепре к тыловым станциям войск в Донбассе и в районе Харькова. Захват коммуникаций, конечно, еще не означал окружения войск. Однако увеличение расстояний при подвозе автотранспортом, потери времени на перегрузку из автомашины в вагоны и обратно означал ухудшение снабжения войск продовольствием, топливом и боеприпасами. В конечном счете это могло привести к краху обездвиженных и лишенных патронов и снарядов дивизий из-за невозможности эффективно парировать выпады противника.

О разразившихся в штабе группы армий «Юг» спорах повествует военный историк Пауль Карель: «Советская 6-я армия неудержимо продвигалась к Днепру. Манштейн планировал задействовать там все свои налич-

ные силы, прежде всего танковый корпус СС, вышедший из Харькова. Но Гитлер запротестовал. “Нет, — сказал он. — Зачем такое количество сил против надуманного противника?” Гитлер желал, чтобы сначала отбили Харьков. Харьков! Он никак не мог смириться с фактом, что Хауссер сдал этот город вопреки строгому приказу. В слепом упрямстве он запрещал Манштейну использовать танковый корпус СС во фланговой атаке против советской 6-й армии и требовал в первую очередь осуществить частную атаку на Харьков, только после ее успешного завершения Манштейн может выступить против 6-й армии Харитонов»¹⁵.

Опытный генерал-фельдмаршал отлично осознавал, что игнорирование прорыва 6-й армии к Днепру в угоду контрудару по Харькову может привести к катастрофе. Манштейн уговорил фюрера отложить решение до следующего дня. Главным аргументом являлась необходимость сосредоточения 2-го танкового корпуса СС на шоссе Харьков — Красноград. Это могло быть сделано самое раннее 19 февраля. Манштейн убеждал Гитлера, что только тогда можно было окончательно решить — выступать на север или на юг. Еще одним аргументом было то, что до 19 февраля нельзя рассчитывать на 4-ю танковую армию Гота. Командующий группы армий «Юг» просто хотел любой ценой добиться задержания пребывания Гитлера в Запорожье, чтобы в качестве наблюдателя он имел целостное представление о складывающейся печальной реальности. Здесь стоит упомянуть тезис из мемуаров Манштейна о решающем значении передачи группы Ланца в его подчинение. Даже авторитетному генерал-фельдмаршалу было тяжело переубедить фюрера отказаться от политических целей во имя решения насущных задач группы армий «Юг». Если бы танковый корпус СС был по-прежнему подчинен Вейхсу, он был бы неизбежно брошен на Харьков и

просто технически не мог бы предотвратить катастрофу в группе армий «Юг».

Пребывание вблизи передовой отрезвляюще действует даже на самых уверенных в себе политиков. 19 февраля поступило донесение, что советские войска находятся лишь в шестидесяти километрах от Днепра и всего лишь в 100 км от Запорожья. Не только его генералы, но и сам Гитлер прекрасно понимали, чего стоят 100 км во времена моторов и гусениц при отсутствии сплошного фронта. Настало время фюреру вплотную ознакомиться с суровой реальностью жизни.

«Гитлер подозрительно взглянул на Буссе, начальника оперативного отдела группы армий “Юг”. Не вводят ли его в заблуждение? “Я хочу знать об этом подробнее”, — проворчал он.

И, будто ожидая подобной реплики, Буссе быстро начал излагать детали. “Советская 267-я стрелковая дивизия находится здесь, южнее Краснограда, — говорил он, показывая на карте. Затем его палец переместился к Павлограду: — Танковый батальон 35-й гвардейской стрелковой дивизии взял Павлоград. Итальянская дивизия, которая должна была оборонять город, бежала”.

Гитлер смотрел на карту, стиснув зубы»¹⁶.

Как нетрудно догадаться «танковый батальон» советской стрелковой дивизии являлся батальоном капитана М.П. Закиева из 175-й танковой бригады 25-го танкового корпуса. Капитан Закиев вряд ли догадывался, какое впечатление его действия оказывали на германский генералитет и самого фюрера в Запорожье. В дальнейшем части корпуса П.П. Павлова продолжали тревожить немецкое руководство, 19 февраля выйдя к железнодорожному узлу Синельниково и перекрыв две железнодорожные линии, по которым осуществлялось снабжение армейской группы «Холлидт» в Донбассе. Сюда же вышла 41-я гвардейская

стрелковая дивизия генерал-майора Н.П. Иванова. Первая атака этого соединения без поддержки отставшей артиллерии была неудачной, но захват станции стал вопросом времени.

Манштейн впоследствии несколько драматизировал ситуацию: «Все же положение нельзя было считать безопасным, так как приезд Гитлера не был секретом и при въезде с аэродрома в город его узнавали и приветствовали солдаты, находившиеся в Запорожье представители его партии и другие лица. Для охраны мы имели в Запорожье, кроме нашей караульной роты, только несколько зенитных подразделений. В ближайшее время вражеские танки должны были подойти настолько близко к городу, что они могли обстреливать аэродром, расположенный восточнее Днепра»¹⁷.

В реальности в Днепропетровск с 18 февраля прибывала 15-я пехотная дивизия, которая вскоре была брошена против прорыва у Синельниково. Судьба соединения была типичной для прибывавших в группу армий «Юг» резервов. Возглавлявшаяся зимой 1943 года генералом Бушенхагеном 15-я пехотная дивизия начала войну в СССР в составе группы армий «Центр». После того как она была наполовину истреблена, ее отправили на переформирование во Францию. Теперь пополненное по штатам и хорошо оснащенное зимним обмундированием соединение должно было вновь попытаться счастья на поле боя.

Однако присутствие советских танков в нескольких переходах от штаба группы армий «Юг» произвело нужное впечатление на фюрера и придало его действиям необходимый импульс. После некоторых колебаний он утвердил разработанный Манштейном план и засобирался обратно в Винницу. Когда тяжелый «Фокке-Вульф-200» в сопровождении истребителей оторвался от взлетной полосы в За-

порожье, Манштейн с облегчением вздохнул и приступил к реализации своего плана.

Контрнаступление планировалось для перехвата инициативы у советских войск, поражения их ударных группировок в Донбассе и в районе Харькова, чтобы стабилизировать положение на юго-западном стратегическом направлении. Эрих фон Манштейн, возглавивший руководство подготовкой контрудара, впоследствии отмечал: «Мы намеревались нанести удар по южному флангу противника, чтобы потеснить его с юга, или, если это окажется возможным, позже ударить ему в тыл с востока». Ударную группировку наступающей к Днепру 6-й армии должны были срезать классические «клещи».

Контрнаступление намечалось осуществить в три этапа. На первом — ударом 2-го танкового корпуса СС и 48-го танкового корпуса из 4-й танковой армии вермахта по сходящимся на Павлоград направлениям (с севера — 2 тк СС, с юга — 48 тк) и фронтальным ударом 40-го танкового корпуса 1-й танковой армии на барвенковском направлении разгромить войска правого крыла Юго-Западного фронта и отбросить их за Северный Донец. После перегруппировки главных сил в район юго-западнее Харькова планировалось приступить ко второму этапу операции — нанести удар по войскам Воронежского фронта и овладеть Харьковом и Белгородом. И, наконец, на третьем этапе войскам группы армий «Юг» предстояло развить наступление на Курск с юга. С севера в том же направлении должна была нанести удар 2-я танковая армия группы армий «Центр». В результате намечалось окружить и разгромить войска Воронежского и Центрального фронтов. Предстоявшей операции придавалось исключительное политическое и военное значение. Взять реванш за Сталинград — такова была главная идея Гитлера и его генералитета.

Наряду с подготовкой планов Манштейн произвел в группе армий «Юг» кадровые перестановки. Армейская группа, оборонявшая Харьков, получила нового командующего: место Хуберта Ланца занял Вернер Кемпф. Формальной причиной было то, что Кемпф обладал большим опытом как танковый командир, а в составе армейской группы были подвижные соединения. Но реально это выглядело как наказание Ланца за сдачу Харькова.

Готовя контрнаступление, германское командование сумело стабилизировать положение в районе Краснограда, на левом крыле Юго-Западного и в полосе соседнего с ним Южного фронтов. 4-я танковая армия вермахта была переброшена к северу, а в районе Харькова сосредоточен неоднократно упоминавшийся 2-й танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС Хауссера.

К моменту вывода из боев за Харьков это соединение (корпус Хауссера) уже понесло существенные потери, ослабившие его ударную мощь. Передовой ударной силой контрнаступления должна была стать 2-я панцергренадерская дивизия СС «Рейх». На 17 февраля дивизия «Рейх» располагала только 20 боеспособными танками: 14 Pz Kpfw. III, 2 Pz.Kpfw.IV и четырем «Тиграми». В течение последующих нескольких дней соединение получило несколько машин с заводов, отремонтировало вышедшие из строя танки, и к 20 февраля уже могло выставить 41 танк: 33 Pz. Kpfw.III, 7 Pz.Kpfw.IV и один «Тигр». Снижение числа боеготовых «Тигров» может быть объяснено выходом этих конструктивно сложных и тяжелых танков из строя на марше. Также в дивизии было несколько трофейных «тридцатьчетверок». Однако не танки стали основной ударной силой соединения: ведущую роль играла пехота и артиллерия. Помимо гаубичной артиллерии дивизия «Рейх» располагала 35 противотанковыми орудиями калибром 50-мм или 75-мм, 376 другими противотанковыми

артсистемами (включая захваченные в ходе боев 76,2-мм пушки) и 75-мм самоходными противотанковыми орудиями. Также в дивизии было 48 88-мм зениток и 15 штурмовых орудий StuG III.

В несколько лучше, чем «Рейх», состоянии находилась дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Она вступила в сражение позднее и не успела еще растерять технику в ходе тяжелых боев. На 19 февраля в танковом полку «Лейбштандарта» насчитывалось 45 Pz.Kpfw.IV, 10 Pz.Kpfw.III и 12 Pz.Kpfw.II. Противотанковая артиллерия состояла из 32 буксируемых или самоходных 75-мм противотанковых орудий, 45 50-мм противотанковых пушек. В батальоне штурмовых орудий дивизии было 21 штурмовое орудие StuG III. Однако у генерал-фельдмаршала Манштейна, по существу, не было выбора: из сражавшихся за Харьков эсэсовских дивизий нужно было кого-то оставить для сдерживания советского наступления на запад, а кого-то бросить во фланг 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова. Поэтому было принято решение оставить «Лейбштандарт» в заслоне фронтом на северо-восток. В создании «завесы» также должны были участвовать практически спасенная одним из командиров «Лейбштандарта» Иоахимом Пайпером 320-я пехотная дивизия и корпус генерала Рауса в лице 168-й пехотной дивизии и пгд «Великая Германия». На усиление корпусной группы «Раус» прибывала в Полтаву 167-я пехотная дивизия. Жестоко побитая зимой 1942 года, она была выведена в Голландию, и после реформирования возвращалась на фронт. Для контрудара во фланг 6-й армии было решено использовать очередное прибывающее на фронт соединение СС — «Тотенкопф» (она же «Мертвая голова». — *Примеч. авт.*) и выведенную из боя дивизию «Рейх». Последняя должна была начать наступление, не дожидаясь сосредоточения всех

выделенных для контрудара сил. Навстречу эсэсовским соединениям должны были наступать 40-й и 48-й танковые корпуса 4-й танковой армии Гота. Фронт наступления Гота составлял почти 80 км и включал в себя занятое подвижной группой генерал-лейтенанта М.М. Попова село Красноармейское.

Перегруппировка дивизии «Рейх» началась после полуночи 17 февраля. Для полностью моторизованного соединения не составило труда достаточно быстро совершить марш к Краснограду по хорошей дорожной сети, окружавшей Харьков. Уже в 16.50 17 февраля выведенный из района Харькова полк «Дойчланд» Хайнца Хармеля сосредоточился у Краснограда. Его первой задачей было сдерживание наступления правого крыла советской 6-й армии генерала Ф.М. Харитонов в этом районе. Главной задачей было наступление на юг с захватом плацдарма на реке Орель в Перещепино, продвижение в направлении Ново-Московска и далее удар на Павлоград.

Уже к 19—20 февраля 1943 года подготовка к контрнаступлению в основном завершилась. Была создана сильная подвижная группировка — 11 дивизий, в том числе 7 танковых и панцергренадерских, насчитывавших более 800 танков. С воздуха ее поддерживали 750 самолетов. Противник превосходил войска правого крыла Юго-Западного фронта, против которых готовился главный удар, по личному составу и артиллерии в 1,2 раза; по танкам и самолетам — в 2,4 раза.

Перед началом контрнаступления Гитлер обратился к войскам со следующими словами: «Исход сражения мирового значения зависит от вас. Нынешняя и будущая судьба германского народа решается за тысячи километров от границ империи. Основная тяжесть войны ложится на ваши плечи». Солдат и офицеров вермахта он призвал проявить стойкость и героизм.

Знало ли советское командование о готовившемся ударе, и каковы были его намерения на дальнейшее ведение войны? Верховное главнокомандование считало, что противник на южном крыле советско-германского фронта разбит, и не ожидало со стороны группы армий «Юг» ответных мер наступательного характера. Об этом свидетельствуют многие документы тех лет. Так, заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал А.Н. Боголюбов, который по личному приказанию Сталина вел переговоры с начальником штаба Южного фронта генерал-майором И.С. Варенниковым, 21 февраля указывал: «У нас имеются точные данные, что противник вчера сплошными колоннами выходил из Донбасса».

Впрочем, назревавшей опасности не видели и во фронтах юго-западного направления. Например, в разведывательной сводке Юго-Западного фронта от 20 февраля отмечалось: «В ближайшие дни не следует ожидать активных наступательных действий противника с целью ликвидации прорыва на красноградском направлении и обеспечения коммуникаций для вывода войск донбасской группировки». Исходя из ложного представления, будто немцы уходят за Днепр, Ставка ВГК нацелила войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов на их преследование и выход к Днепру до начала весенней распутицы на фронте от Чернигова до Херсона. Задачи, поставленные Ставкой, основывались на предвзятой и неверной оценке возможностей и характера действий противника, положения и состояния своих войск.

Следует отметить, что советские войска, ведя длительные бои, израсходовали резервы и действовали в широких полосах. Так, 6-я армия Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова вела наступление на фронте в 152 км, а ее дивизии — в полосах от 13 до 44 км, причем разрывы между соединениями ар-

мии достигали порой от 20 до 30 км. Ударная сила фронта — подвижная группа под командованием заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта М.М. Попова — с 11 февраля отражала многочисленные контратаки противника, понесла большие потери и была сильно ослаблена. В ее составе сохранилось лишь 88 танков, многие из которых нуждались в ремонте.

Отмечалась низкая укомплектованность соединений и частей людьми, боевой техникой и вооружением, не хватало боеприпасов и горючего. Средняя численность стрелковых дивизий армий правого крыла Юго-Западного фронта не превышала 4—6 тыс. человек, то есть была в два-три раза ниже штатной. Их пополнение велось в основном на только что освобожденной территории за счет мобилизации призывных возрастов, не прошедших даже начальной военной подготовки. Непосредственно в соединениях оставалось очень мало боеприпасов и горючего. Не в лучшем состоянии после завершения Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции находились и войска Воронежского фронта. Несмотря на такое состояние армий, командующие войсками обоих фронтов по-прежнему требовали ускорить темпы наступления, обосновывая это тем, что «противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр».

Контрнаступление 2-го танкового корпуса СС. 19 февраля германское командование приступило к реализации своего замысла. Как это обычно случается в большинстве контрнаступлений любой армии, ввод частей и соединений в бой происходил по частям. Усиленный танками и артиллерией полк «Дойчланд» начал наступление в одиночестве. По плану наступления полк двигался в двух колоннах в предбоевых порядках. Первую составляли 1-й батальон «Дойчланда», усиленный 1-м батальоном танкового полка дивизии СС «Рейх». Мотоциклетный

батальон «Рейха» должен был прикрывать правый фланг наступления от контратак окружающих 267-й стрелковой дивизии и 106-й стрелковой бригады. Вторая колонна состояла из 2-го батальона «Дойчланда», усиленного 88-мм зенитками, часто использующимися для противотанковых целей, и дивизионом штурмовых орудий. Третий батальон «Дойчланда» находился в резерве. Полк «Фюрер» к началу наступления не прибыл, а части «Тотенкопфа» только начали прибывать в район Краснограда, когда «Дойчланд» уже ушел на юг к населенному пункту Перещепино. Дивизия Теодора Эйхе должна была начать наступление 22 февраля по параллельному движению дивизии «Рейх» маршруту.

В 05.00 наступление, которое должно было изменить ход всей зимней кампании, началось. Осью удара было шоссе, проходившее из Харькова в Днепропетровск через Красноград и Перещепино. Несмотря на контратаки и необходимость преодоления минных полей (которыми наша 6-я стрелковая дивизия предусмотрительно прикрыла фланг 6-й армии), наступление развивалось успешно. К 11.00, когда погода улучшилась, в воздухе появились неизменные спутники немецких наступлений — пикирующие бомбардировщики Ju-87 («Юнкерс-87»). Они поддерживали атаку на деревню Бесека. После того как деревня окуталась дымом от сброшенных на нее тяжелых бомб, при поддержке бьющих с прямой наводки 20-мм автоматических пушек и тяжелой артиллерии эсэсовцы пошли в атаку. Следующей точкой на пути наступающих стала деревня Отрада, после захвата которой была произведена перегруппировка. Двигавшийся во втором эшелоне 3-й батальон «Дойчланда» вышел вперед, поддержанный прибывшим 2-м батальоном танкового полка дивизии «Рейх». Помимо танков батальон получил поддержку дивизиона StuG III, батареи самоходных гаубиц и несколько 20-мм

зениток, шквал огня которых часто сопровождал атаки эсэсовцев.

К конечной цели наступления — Перещепино и мосту через реку Орель — передовой отряд вышел уже после наступления темноты. Нет ничего удивительного, что охрана моста через Орель приняла уверенно приближающуюся колонну за своих. Не останавливаясь, эсэсовцы пересекли мост и после этого атаковали оборонявших его красноармейцев. Грохот боя поднял гарнизон Перещепино на ноги. Захвативших мост гренадеров СС немедленно контратаковали, но все атаки были отбиты.

К вечеру 19 февраля 2-й танковый корпус СС не только вышел на тылы и коммуникации 106-й стрелковой бригады и 267-й стрелковой дивизии 6-й армии, но и отрезал их от главных сил.

В течение ночи все части «Дойчланда» и средства усиления собрались в Перещепино. Сюда же подтянулись части второго панцергренадерского полка дивизии «Рейх». До Ново-Московска оставалось менее 40 километров. Уже в 5.00 утра 20 февраля наступление продолжилось. Впереди двигался 3-й батальон полка «Фюрер», который занял место 3-го батальона «Дойчланда» на острие наступления. Это был батальон дивизии СС «Рейх» на полугусеничных бронетранспортерах Sd.Kfz.251, идентичный по своей структуре и возможностям батальону Иоахима Пайпера из «Лейбштандарта». Батальон Винценца Кайзера был усилен дивизионом штурмовых орудий и несколькими 105-мм самоходными гаубицами «Веспе». Первой «жертвой» наступления стала деревня Губиниха. САУ «Веспе» расположились на соседних высотах и взяли Губиниху под обстрел. На позиции советских войск обрушился шквал 20-мм снарядов зениток, огонь 75-мм штурмовых орудий StuG III, под прикрытием которых в атаку двинулись бронетранспортеры Кайзера. Уже в 6.50 20 февраля Губини-

ха была захвачена. Контратака советских частей с целью возврата Губинихи была отбита. Пока гренадеры Кайзера отражали контратаки, на острие наступления был вновь выдвинут 3-й батальон «Дойчланда», который двинулся к Ново-Московску и уже в 14.00 установил контакт с 86-м пехотным полком 15-й пехотной дивизии северо-западнее этого населенного пункта. Тем временем мотоциклетный батальон осуществлял фланговое прикрытие действий дивизии «Рейх». Батальону было придано несколько танков, которые с десантом «спешившихся» мотоциклистов на броне произвели несколько контратак. Задачей батальона было прикрытие дороги Красноград — Перещепино.

Глубокий обход 15-го стрелкового корпуса не обескуражил командование 6-й армии. Контрудары во фланг к тому времени перестали вызывать шоковое состояние у советских командармов. Генерал-лейтенант Ф.М. Харитонов решил парировать его своими силами, одновременно продолжая выполнение основной задачи армии. Парировать фланговое вклинение должны были 106-я стрелковая бригада и 6-я стрелковая дивизия. Они должны были атаковать Перещепино — первая с запада, а вторая — с востока. Охваченной с тыла 267-й стрелковой дивизии вместе с 16-й танковой бригадой было приказано атаковать Ново-Московск с запада. Аналогичную задачу должен был решить 4-й гвардейский стрелковый корпус. Ему ставилась задача продолжить операцию по овладению Ново-Московском. 25-й танковый корпус получил задачу прорваться к Запорожью и захватить мосты через Днепр. 1-й гвардейский танковый корпус должен был к исходу 21 февраля овладеть Синельниково.

В течение 20 февраля эсэсовцы дивизии «Рейх» отбивали многочисленные атаки на Перещепино и Ново-Московск, сами часто переходили в контратаки. Немецкая авиация группами по 15—20 самолетов наносила после-

довательные удары по советским войскам. В отдельные дни она совершала более тысячи самолето-вылетов. В то же время действия 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта носили эпизодический характер. Это объяснялось прежде всего трудностями с ее базированием, так как противник, отступая, разрушил аэродромы. Вот почему авиационным соединениям и частям приходилось действовать на предельных радиусах полета.

К вечеру 20 февраля эсэсовцы контролировали всю местность вокруг Ново-Московска. Следующей задачей дивизии «Рейх» стала железная дорога между Ново-Московском и Синельниково. Она должна была быть возвращена для использования в качестве коммуникации снабжения. Части «Тотенкопфа» все еще двигались по дороге из Краснограда в Перещепино, и солдаты «Рейха» вновь должны были действовать в одиночку. Потери в ходе 75-километрового марша из Краснограда оценивались как умеренные. В танковом полку числились боеспособными 27 Pz.Kpfw.III, 8 Pz.Kpfw.IV и 3 командирских танка.

Немецкое наступление постепенно набирало обороты. Основные силы «Тотенкопфа» (исключая задействованный в создании заслона к западу от Харькова полк «Туле») сосредоточились в Краснограде 20 февраля. Seriously оторвался от главных сил дивизии только 1-й батальон танкового полка, находившийся на марше из Полтавы. Утром 21 февраля командир дивизии Эйхе получил приказ в штабе 2-го танкового корпуса СС в Краснограде. Дивизия должна была пройти маршем до Перещепино. Далее танковый полк и панцергренадерский полк дивизии СС «Тотенкопф» должны были атаковать Павлоград с севера, поддерживая наступление дивизии «Рейх». Первая часть соединения Эйхе, достигшая Перещепино, была 3-м батальоном полка из «Тотенкопфа», который вошел в Перещепино в 18.00 21 февраля. Наибольшие трудности

в продвижении на исходное положение для наступления испытывал танковый полк дивизии. Не имевшие опыта движения по российским дорогам водители танков двигались очень медленно. Это привело к тому, что единственный участвующий в наступлении комплектный танковый полк долгое время не вводился в бой, а «месил грязь» на дорогах.

Не дожидаясь подхода частей «Тотенкопфа», возглавляющая немецкое наступление панцергренадерская дивизия «Рейх» ночью 21 февраля начала движение в направлении Павлограда. Поскольку дивизии не требовалось прорывать прочную оборону, немцами постоянно производилась ротация батальонов на острие удара. Если предыдущее наступление возглавил 3-й батальон полка «Фюрер», то в 3.00 21 февраля на исходные позиции для атаки вышел 2-й батальон того же полка, поддержанный батальоном штурмовых орудий соединения. Командовал 2-м батальоном полка «Фюрер» Сильвестр Штадлер. Впоследствии именно он возглавил весь полк.

Первой задачей атакующих гренадеров Штадлера был захват мостов через реку Самару в районе Ново-Московска. Эту проблему решили совместной атакой с фронта и тыла. Первая проводилась силами поддержанного штурмовыми орудиями StuG III батальона, а вторая — форсировавшими реку на «швиммвагенах» (плавающих штабных автомобилях) пехотинцами. Немцам удалось прорваться через боевые порядки 101-го гвардейского стрелкового полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии и уже к 10.00 выйти к Павлограду. Командир полка «Фюрер» Кумм назначил атаку на 13.00. Она должна была начаться с удара с воздуха по позициям советских войск в Павлограде. Атака началась точно в назначенное время. Три волны пикирующих бомбардировщиков обрушились на город. Затем на окутанные дымом позиции двинулись гренадеры при поддерж-

ке подтянувшихся танков дивизии «Рейх». К 16.00 вся южная часть города была в руках наступающих. Бои продолжились за северную часть Павлограда. В судьбе боя за Павлоград 21 февраля существенную роль сыграл тот факт, что части «Тотенкопфа» не успели выдвинуться к городу и «Рейх» действовал, по сути, в одиночку, одновременно решая задачу прикрытия фланга наступления. Контратакой частей 4-го гвардейского стрелкового корпуса при поддержке 17-й танковой бригады к 23.00 Павлоград был очищен от противника. Однако удержать город не удалось, и к утру 22 февраля полк «Фюрер» установил контроль над большей частью Павлограда.

К 21 февраля командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ф.М. Харитонов уже начал оценивать положение как серьезное и направил 1-й гвардейский танковый корпус на «уничтожение прорвавшегося противника в Павлоград». Однако остальные соединения 6-й армии должны были наступать. 25-й танковый корпус по-прежнему нацеливался на Запорожье.

Общая обстановка была все еще крайне неустойчивой, не дававшей решительного преимущества ни одной из сторон. Выдвижение частей «Тотенкопфа» было вновь задержано. Отрезанная 106-я стрелковая бригада организовала атаку на Перещепино, которая хотя и была отбита, но задержала выдвижение на юг 3-го батальона полка «Тотенкопф». Только в 11.30 он был сменен 1-м батальоном того же полка и выдвинулся по «следам» дивизии «Рейх» в Губиниху. Достигнув населенного пункта, он повернул на параллельный движению «Рейха» к Павлограду маршрут. Одновременно дивизия Эйхе выстраивалась частью своих сил фронтом на восток. Для этого были задействованы 3-й панцергренадерский полк и разведывательный батальон соединения. Танковый полк «Тотенкопфа» по-прежнему боролся с тяжелыми дорожными условиями, безнадеж-

но отстав от пехоты. Несколько танков вышли из строя вследствие столкновения друг с другом на ледяной дороге. Уныло двигавшаяся по дороге колонна танков ко всем прочим неприятностям подверглась в Перещепино атакам 106-й стрелковой бригады.

Несмотря на все трудности продвижения «Тотенкопфа», образно говоря, «по пятам», дивизии «Рейх», постепенное прибытие частей дивизии Эйхе позволили высвободить занимавшиеся прикрытием фланга наступления войска. Первым германское командование высвободило мотоциклетный батальон «Рейха», который в глубоком рейде из Павлограда на восток установил связь с 4-й танковой армией Гота в лице дивизии «Викинг». Тем самым наметилось смыкание «клещей» эсесовского корпуса Хаусера и 4-й танковой армии вермахта за спиной вышедших к Днепру частей 6-й армии Юго-Западного фронта. После вывода с позиций на фланге дивизии полк «Дойчланд» был задействован для атаки на населенный пункт Синельниково. Боевая группа Хармеля для атаки станции была собрана из 1-го и 3-го батальонов «Дойчланда», 3-го батальона полка «Фюрер» (поскольку он был оснащен полугусеничными бронетранспортерами) и двумя дивизионами артиллерии. Уже к 14.30 22 февраля боевая группа Хармеля установила контакт с частями 15-й пехотной дивизии в Синельниково. Выходом к Синельниково 2-й танковый корпус СС окончательно ликвидировал угрозу переправам на Днепре и завершал окружение вырвавшегося вперед 4-го гвардейского корпуса 6-й армии М.Ф. Харитонова. Помогали им в этом дивизии 48-го танкового корпуса 4-й танковой армии. Успеху соединений корпуса способствовал тот факт, что 1-я гвардейская армия была задержана борьбой за населенные пункты Красноармейское и Славянск. Вследствие этого прикрытия разрыва между вырвавшимися вперед соединениями 6-й армии было довольно слабым. Собственно

на фланге 6-й армии была только недавно ей переданная 244-я стрелковая дивизия, занимавшая позиции по реке Самара к востоку от Павлограда. 44-я и 58-я гвардейские, 195-я стрелковая дивизия находились на марше в район Павлограда. Все это позволило 48-му танковому корпусу безнаказанно выйти на тылы 6-й армии. Наступавшая на правом (восточном) фланге корпуса 17-я танковая дивизия вермахта к 23 февраля вышла на реку Самара и захватила плацдарм в районе села Петропавловка. Вторая дивизия того же корпуса — 6-я танковая вермахта — вышла к Самаре, форсировала ее и заняла город Богуслав менее чем в 10 километрах от Павлограда. Заслон за спиной пробывавшихся к Синельниково советских дивизий стал трехслойным: с ними вела бой боевая группа Хармеля из дивизии «Рейх», позади Хармеля с частями немцев в Павлограде соединялась 6-я танковая дивизия вермахта, а уже за ней был установлен контакт с дивизией СС «Викинг». Одновременно в течение 22—23 февраля последний, 3-й панцергренадерский полк дивизии «Тотенкопф» сосредоточился в селе Красноармейское. Теперь все три немецкие панцергренадерские дивизии СС были готовы в полном составе принять участие в сражении за Харьков.

Таким образом, за какие-то три-четыре дня обстановка в полосе правого крыла Юго-Западного фронта резко изменилась. Мало того, что наступление 6-й общевойсковой, 1-й гвардейской армий, а также подвижной группы фронта было остановлено, часть соединений оказались отсеченными от главных сил, попали в окружение и понесли значительные потери в живой силе и технике.

Разгром главных сил 6-й и части сил 1-й гвардейской армии, отсутствие у них, а также во фронте, резервов и подготовленных оборонительных рубежей в глубине, а в связи с этим возможность создания сплошного фронта обороны позволили немецким танковым корпусам, начиная

с 24 февраля, развивать наступление по направлениям смешанными танковыми и мотопехотными колоннами. Чтобы повысить темпы наступления, а главное, обеспечить самостоятельность в действиях подвижных соединений, в их колоннах следовали противотанковые орудия на прицепе у танков и бронетранспортеров, а за ними машины с горючим. Одновременно группы из трех-пяти танков каждая перерезали все идущие на восток дороги, тем самым препятствуя организованному выходу советских частей из окружения. Преимущество противника в подвижности приводило к тому, что отдельные соединения (как, например, 267-я стрелковая дивизия 6-й армии), не успев выйти в районы сосредоточения, вновь попадали в окружение и должны были снова прорываться к своим.

Наконец-то, реально оценив обстановку и осознав возникшую для Юго-Западного фронта угрозу, его командующий генерал-полковник Н.Ф. Ватутин в ночь на 25 февраля испросил разрешение у Ставки ВГК на переход к обороне. Согласно представленному плану в полосе 6-й армии, где на флангах занимали оборону лишь 15-й стрелковый корпус и выдвинувшаяся в Лозовую 58-я гвардейская стрелковая дивизия, 50-километровый разрыв, образовавшийся между ними, должны были прикрыть выходившие из окружения сводная кавалерийская дивизия, 4-й гвардейский стрелковый и 1-й гвардейский танковый корпуса. 1-й гвардейской армии и соединениям подвижной группы фронта генерал Н.Ф. Ватутин приказал удерживать рубеж Старые Близнецы, Барвенково, Черкасская, Славянск.

Однако время было безвозвратно упущено, и не замеченная ранее угроза стала перерастать в катастрофу. Создать сплошной фронт обороны в полосе 6-й армии так и не удалось. Не встречая организованного сопротивления в центре оперативного построения армии, противник

начал непрерывно атаковать Лозовую, одновременно нанося по ней мощные удары авиацией. В полосе 1-й гвардейской армии основные драматические события (как и в мае 1942 года. — *Примеч. авт.*) развернулись в районе Барвенково.

25 февраля с первых часов боя западнее и восточнее Барвенково немецкие войска прорвали оборону сводных отрядов танковых корпусов подвижной группы фронта, 195-й и 44-й гвардейской стрелковых дивизий, некоторые их части взяли в кольцо. Гарнизон города оказался отрезанным от главных сил, более того, возникла угроза его полного окружения. Стремительное наступление противника привело к глубокому рассечению фронта обороны 6-й и 1-й гвардейской армий. Фактически они оборонялись в трех изолированных друг от друга группировках: 15-й стрелковый корпус 6-й армии — на рубеже Рябухино, Лиговка; 58-я гвардейская стрелковая дивизия и части 1-го гвардейского танкового корпуса — в Лозовой; соединения и части 1-й гвардейской армии — в районах Барвенково и Славянка. В разрывах между ними продолжали выходить из окружения 106-я стрелковая бригада, 267-я стрелковая дивизия, соединения и части 4-го гвардейского стрелкового корпуса вместе со сводной кавалерийской дивизией 6-й армии.

В сложившейся обстановке ни командующие армиями, ни командующий войсками фронта не могли оказать реальной помощи сражавшимся войскам. К тому же многие соединения и части не имели связи с вышестоящими штабами. В результате последние не всегда располагали точной информацией о положении и состоянии подчиненных войск. Для того чтобы как-то задержать противника и упорядочить управление отходившими войсками, командование вынуждено было создавать сводные отряды и группы. Невзирая на их принадлежность к тому или

иному роду войск и боевое предназначение, они немедленно вводились в бой против наступавших пехоты и танков врага и использовались как стрелковые подразделения. Так, в частности, применялись разведывательные и инженерно-саперные батальоны корпусов и армий, которые в отдельных случаях обеспечивали отход соединений и частей (например, 370-й инженерно-саперный батальон 6-й армии).

В полосе 1-й гвардейской армии ввиду того, что боевые порядки соединений перемещались с частями подвижной группы, ее командир — заместитель командующего войсками фронта генерал-лейтенант М.М. Попов — вынужден был переподчинять их без учета штатной принадлежности. Так были созданы сводные отряды самого различного состава: из отдельных частей и подразделений стрелковых дивизий, танковой и лыжной стрелковой бригад, танковой бригады и стрелкового полка и т.д. Формирование таких отрядов было обусловлено не только необходимостью восстановить нарушенное управление и взаимодействие, но и закрыть бреши в оперативном построении армии, не допустить паники, исключить беспорядочный отход.

Отсутствие резервов, запаздывание с перегруппировкой дополнительных сил и средств с левого фланга заставили командующего войсками фронта и командующих армиями использовать местное население, личный состав учебных частей и подразделений обеспечения. Так, для подготовки обороны по левому берегу Северного Донца были привлечены армейские запасные стрелковые полки, курсы младших лейтенантов, полк НКВД, мотоциклетный полк, строительные батальоны, тыловые учреждения и части.

С учетом того, что в ударных группировках немецких войск применялось большое количество танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров, борьба с ними стано-

вилась главной задачей оборонявшихся. При этом для уничтожения броне объектов противника применялись не только пушечная, но и гаубичная, зенитная и даже реактивная артиллерия. Это являлось отнюдь не исключением, а правилом. Например, приданный оборонявшейся в Лозовой 58-й гвардейской стрелковой дивизии 230-й гаубичный артиллерийский полк был полностью выставлен на открытые огневые позиции для ведения огня прямой наводкой. Согласно приказу командующего 6-й армией генерала Ф.М. Харитонов, передаваемая в его подчинение 3-я зенитная артиллерийская дивизия должна была организовать круговую оборону, причем в первую очередь противотанковую, затем противопехотную и, наконец, противовоздушную.

Нередки были и случаи ведения огня по танкам реактивными установками прямой наводкой. Хотя это было и не свойственно для них, обстановка порой вынуждала идти на такой шаг. Именно так действовал 265-й дивизион 45-го гвардейского минометного полка в районе села Барвенково. Одним его залпом было уничтожено пять танков противника, после чего он прекратил наступление на этом направлении. В районе населенного пункта Доброполье залпом 412-го дивизиона (4 установки) была также отражена атака немцев. Их потери составили пять танков и до десяти автомобилей. Однако отдельные успешные бои вряд ли могли оказать определяющее влияние на общий ход событий.

Убедившись, что задержать врага на запланированном рубеже не удастся, генерал-полковник Н.Ф. Ватутин 26 февраля определил новые задачи для 6-й и 1-й гвардейской армий, а также конечные рубежи отхода, попутно приказав их командующим разработать планы удержания ряда последовательных рубежей на подступах к Северному Донцу. Одновременно он остановил наступление 3-й

гвардейской и 5-й танковой армий и приказал им перейти к обороне на достигнутых рубежах.

С 27 февраля по 3 марта войска правого крыла Юго-Западного фронта под ударами противника отошли за Северский Донец, заняв оборону по его левому берегу на рубеже Змиев — Изюм — Красный Лизман. Непрерывные бои с превосходившим противником, иной раз в окружении, в отрыве от основной группировки войск и в условиях отхода требовали от солдат и офицеров огромного напряжения моральных и физических сил. И все же противнику не удалось превратить отход советских соединений в беспорядочное бегство. Везде, где только позволяла обстановка, ему оказывалось упорное сопротивление. Бои вели не только сохранившие боеспособность и штатную структуру части, но и отдельные, как правило, выходявшие из окружения роты, батареи, группы и сводные отряды. Правда, не всегда они могли вывести из окружения боевую технику, поэтому приходилось ее уничтожать. В частности, в 25-м танковом корпусе из 156 имевшихся к 19 февраля танков из-за отсутствия горючего не удалось отвести в новые районы сосредоточения ни одной боевой машины. Большинство из них пришлось подорвать. Все это увеличивало и без того большие потери и снижало боевые возможности соединений и частей.

При отходе к реке Северский Донец большинство стрелковых дивизий 6-й и 1-й гвардейской армии, соединений подвижной группы фронта в полном составе или частью сил действовали в окружении. Многие части и соединения, ввиду значительных потерь в личном составе и технике, фактически потеряли боеспособность и выходили на новые оборонительные рубежи отдельными группами. О сложности и трагизме их положения говорят следующие данные: по состоянию на 1—3 марта 1943 года 172-я стрелковая дивизия 6-й армии насчитывала менее 1500 человек и всего

8 орудий, а 267-я стрелковая дивизия этой же армии (два стрелковых и артиллерийский полки) имела 1295 человек и 13 орудий. Погибли начальник штаба дивизии, три начальника штаба полков. В 6-й стрелковой дивизии были убиты начальник оперативного отделения, два командира полка, один начальник штаба полка.

Еще в более трудном положении оказались соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса. В 35-й гвардейской стрелковой дивизии из окружения вышли около 500 человек с пятью орудиями, а в 41-й и 58-й гвардейских стрелковых дивизиях артиллерия была уничтожена полностью. В полосе 1-й гвардейской армии 38-я гвардейская стрелковая дивизия имела всего три орудия. Были убиты командир и начальник штаба дивизии, а 52-я стрелковая дивизия за неделю потеряла 1645 человек, 24 орудия и 22 миномета. К 3 марта 1943 года она насчитывала 1427 человек и два 76-мм орудия. В 195-й стрелковой дивизии осталось только одно орудие дивизионной артиллерии. Несомненно, что успешно отражать удары противника такими силами было невозможно. К тому же выдвижение резервов из полос 3-й гвардейской и 5-й танковой армий задерживалось. Поэтому главная задача фронта заключалась в подготовке прочной обороны по реке Северский Донец.

Таким образом, боевые действия, развернувшиеся в Донбассе во второй половине февраля 1943 года, закончились довольно плачевно: войска Юго-Западного фронта вынуждены были отойти на 100—120 км, а немцы не только вновь захватили территорию северной части Донбасса общей площадью более 15 тыс. км², но и восстановили важные коммуникации, ведущие от Запорожья и Днепропетровска к Северскому Донцу. По существу, противник выполнил задачу первого этапа контрнаступления и, оставив на Северском Донце перед войсками правого крыла Юго-Западного фронта незначительные силы пехотных

дивизий, основную массу своих войск перегруппировал в район юго-западнее Харькова и перенес боевые действия в полосу Воронежского фронта.

Положение советских войск усугублялось тем, что отход соединений правого крыла Юго-Западного фронта обнажал левый фланг войск Воронежского фронта и резко ухудшал их оперативное положение. Однако это обстоятельство не было своевременно принято во внимание ни командованием фронта, ни Ставкой ВГК, поэтому в ходе наступления серьезных мер по обеспечению левого фланга не последовало. Тяжелое положение на левом крыле Воронежского фронта еще более осложнялось передачей в состав Юго-Западного фронта 3-й танковой армии для нанесения контрудара во фланг противнику, наступавшему в полосе 6-й армии.

Вместе с тем вплоть до 1 марта командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков упрямо продолжал ставить подчиненным войскам наступательные задачи. «До Днепра осталось 400—500 км, а до весенней распутицы тридцать — тридцать пять дней. Сделайте из этого соответствующие выводы», — указывал он командующему 69-й армией генерал-лейтенанту М.И. Казакову. И далее: «...примите решительные меры к усилению темпов наступления, преодолевая все возникающие трудности, с тем, чтобы к 24 февраля 1943 г. овладеть районом Валки, Сидоренково с дальнейшим быстрым поворотом на Полтаву».

В свою очередь, командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин, определяя замысел на контрудар, поставил 3-й танковой армии задачу разгромить главные силы танкового корпуса СС. Однако, наступательные возможности этой армии к тому времени были крайне ограничены, ибо к моменту сосредоточения в исходном районе два танковых корпуса имели

54 танка (всего же на 28 февраля 1943 года в 3-й танковой армии имелось 69 танков: 1 КВ, 50 Т-34, 9 Т-60, 9 Т-70; из них по корпусам: 12 тк — 1 КВ, 24 Т-34, 5 Т-60, 5 Т-70; 15 тк — 14 Т-34, 1 Т-60, 4 Т-70; 179 тбр — 1 Т-34 и 3 Т-60. — *Примеч. авт.*)¹⁸, а в мотострелковых батальонах танковых бригад насчитывалось менее 20 человек. Кроме того, около 80 % личного состава армии являлись новобранцами, недостаточно обученными и не прошедшими боевого слаживания. Подвижные соединения ударной группы испытывали недостаток в боеприпасах и не имели горючего. Такое же положение было характерно и для Воронежского фронта. Оперативные и войсковые тылы отстали, коммуникации не были восстановлены. Железных дорог было мало, да и шли они перпендикулярно оси наступления советских войск. А железные дороги, идущие в юго-западном направлении южнее Донца (а таких хватало), позволяли немцам сосредоточить силы на уязвимом участке.

Только 1 марта командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков наконец-то принял решение на переход к обороне и утвердил его в Ставке ВГК. Но к тому времени передовые части танкового корпуса СС уже вышли к переднему краю обороны 160, 350-й и 48-й гвардейской стрелковых дивизий 3-й танковой армии и создали условия для развертывания главных сил 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» (до десяти пехотных, шесть танковых и одна моторизованная дивизии). Начатое немцами в Донбассе контрнаступление получило новое развитие на харьковском направлении.

2 марта передовые отряды танкового корпуса СС нанесли удар по 350-й стрелковой дивизии. Потеснив ее в северном направлении, они вышли на тылы ударной группировки 3-й танковой армии, имевшей два танковых корпуса и три стрелковые дивизии. Перерезав пути подвоза, противник не дал им возможности долго сопротивляться и

в период с 2 по 5 марта завершил их разгром. Из окружения вышли всего 8 танков. В стрелковых дивизиях осталось по 300—500 человек, артиллерия и автотранспорт были потеряны. При отходе погиб командир 15-го танкового корпуса Герой Советского Союза генерал-майор В.А. Копцов.

После разгрома главных сил 3-й танковой армии в районе населенного пункта Кегичевка направление на Харьков с юга было прикрыто только двумя ослабленными стрелковыми дивизиями, двумя кавалерийскими дивизиями и двумя имевшими низкую укомплектованность танковыми бригадами. Непосредственно в Харькове закреплялась оперативная группа в составе 62-й гвардейской стрелковой дивизии, 86-й отдельной танковой бригады, 17-й бригады НКВД и отдельных подразделений 3-й танковой армии, которые перешли в оперативное подчинение командующего Воронежского фронта.

В Ставке понемногу начали осознавать, что ситуация в полосе ответственности Воронежского фронта стала выходить из-под контроля. Верховный опять применил испытанный метод — вновь отослал начальника Генерального штаба, «новоиспеченного» Маршала Советского Союза А.М. Василевского, «разруливать» кризис. Посетив войска и штаб 3-й танковой армии, которые тогда находились в Белгороде, маршал убедился, сколь серьезна сложившаяся обстановка, и подробно доложил о ней И.В. Сталину. Верховный распорядился передать Воронежскому фронту группу войск П.С. Рыбалко из Юго-Западного фронта. Тогда казалось, что этого было вполне достаточно...

Падение Харькова. С утра 4 марта 2-й танковый корпус СС перешел в наступление против оставшихся боеспособными соединений 3-й танковой армии. Главный удар он нанес на ее правом фланге, в полосах действий 48-й гвардейской и 350-й стрелковых дивизий, силами танковых соединений СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «То-

тенкопф». На направлении другого удара — в полосе обороны 6-го гвардейского кавалерийского корпуса и на участке 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии — действовали части 48-го танкового корпуса. Разгорелись ожесточенные бои. Однако добиться значительного превосходства в течение 4—5 марта немецким войскам не удалось. В дневнике военных действий штаба вермахта 5 марта отмечалось: «Наступающие части танкового корпуса СС вследствие плохой погоды смогли только незначительно продвинуться вперед. Дивизия СС “Лейбштандарт СС Адольф Гитлер” только перерезала шоссе на дорогу Харьков—Красноград».

С утра 6 марта германское командование изменило направление главного удара: основные силы теперь были брошены в стык 69-й и 3-й танковой армий. После артиллерийской подготовки оно ввело в сражение до двух танковых дивизий, действия которых активно поддерживала авиация. В течение шести часов самолеты противника наносили удары по боевым порядкам 160-й и 305-й стрелковых дивизий 69-й армии и 48-й гвардейской стрелковой дивизии 3-й танковой армии. В полосе 160-й стрелковой дивизии противник в первом эшелоне развернул 40 тяжелых танков и штурмовых орудий, во втором — до 60 средних танков с десантом автоматчиков, а в третьем — легкие танки, бронетранспортеры и бронемшины с пехотой. После такого мощного удара его наземной и воздушной группировок дивизия с приданной ей истребительной бригадой потеряла 75 % артиллерии, а в соседней с ней 270-й стрелковой дивизии, которая была окружена, были уничтожены все орудия и минометы. Столь большие потери объясняются не только значительным превосходством противника, но и умелым применением им диверсионных групп. Он учел, что вновь прибывшее пополнение советских частей и подразделе-

ний зачастую даже не было переодето в военную форму, а потому забрасывал в тыл оборонявшихся группы диверсантов, одетых точно так же, как и местное население. Некоторые из них проникали на огневые позиции артиллерии и уничтожали расчеты орудий и минометов.

6 марта соединения танкового корпуса СС на различных участках вклинились в оборону советских войск на глубину от 3—4 до 15 км. Они вышли в район н/п Валки, где оборонялась 305-я стрелковая дивизия, составлявшая второй эшелон 69-й армии. На следующий день противник блокировал дивизию частью сил с фронта, одновременно обошел ее с флангов, а передовыми частями танковых дивизий СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Тотенкопф» достиг населенного пункта Люботино и оставил оборонявшиеся советские части глубоко у себя в тылу. Соединения 69-й армии начали отходить в северо-западном направлении, тем самым теряя взаимодействие с 3-й танковой и 40-й армиями. Прорыв танковых дивизий вермахта на стыке двух армий вынудил отходить 48-ю гвардейскую и 350-ю стрелковые дивизии, а также 253-ю и 104-ю стрелковые бригады, которые только что прибыли в 3-ю танковую армию.

Учитывая реальную угрозу Харькову с юга и юго-запада, а также тот факт, что в глубине обороны нет подготовленных и занятых войсками рубежей, генерал Ф.И. Голиков решил построить оборону на фронте Крысино, Ольшаны, Буды, далее по рекам Мерефа и Мжа. Его должны были занять прибывшая с правого фланга 303-я и выходявшая из Харькова 62-я гвардейская стрелковые дивизии, а также соединения и части 3-й танковой армии. Одновременно для прикрытия образовавшегося в оперативном построении 25—30-километрового разрыва в полосу 69-й армии выдвигались три стрелковые дивизии 40-й армии. Для обеспечения обороны города с севера 6-му

гвардейскому кавалерийскому корпусу было приказано выйти из боев в полосе 3-й танковой армии и сосредоточиться в Дергачах (севернее Харькова).

В результате принятых мер была значительно усилена оборона Харькова с запада и юга, однако прикрыть разрыв между 69-й и 3-й танковой армиями командованию фронта не удалось. Предназначенные для этого три стрелковые дивизии 40-й армии в ходе встречных боев с танковыми соединениями противника понесли тяжелые потери и отошли на север — в полосу обороны 69-й армии, а передовые части 303-й стрелковой дивизии, так и не успев закрепиться на указанном рубеже, были отброшены к западной окраине Харькова. Практически направление на город с севера осталось не прикрытым.

В то время командарм 40 генерал-лейтенант К.С. Москаленко находился у себя на командном пункте в Тростянце, в 100—120 км от Харькова, и ему позвонил командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков. Он сообщил, что только что говорил по ВЧ со Сталиным и тот спрашивал, какую роль в обороне Харькова играет 40-я армия и лично К.С. Москаленко. По словам Ф.И. Голикова, он сообщил Верховному главнокомандующему, что 40-я армия без трех дивизий, переданных 69-й армии для прикрытия белгородского направления, находится на рубеже городов Сумы — Лебедин — Звеньков — Котельва далеко к северо-западу от Харькова, который и не входит в ее полосу ответственности. Выслушав, Сталин рекомендовал Ф.И. Голикову срочно направить К.С. Москаленко в Харьков для ознакомления с обстановкой и выяснения возможностей участия 40-й армии в его обороне. После разговора с командующим фронтом К.С. Москаленко с оперативной группой выехал в Харьков.

В это время там назначенный комендантом города заместитель командующего Воронежским фронтом генерал-

лейтенант Д.Т. Козлов пытался организовать оборону силами немногочисленного гарнизона. Противник, потеснив ослабленные 69-ю и 3-ю танковые армии превосходящими силами, вел бои уже на юго-западной и южной окраинах Харькова. Немецкие танки и пехота яростно рвались к центру города.

Попытку удержать город, усилив его оборону частью сил 40-й армии, нужно было делать значительно раньше. Теперь нечего было и думать о переброске войск и организации обороны в те считанные часы, которые оставались в распоряжении командующего 40-й армией. Так генерал Москаленко и доложил командующему фронтом. Тот согласился с тем, что удержать город уже невозможно, и приказал генерал-лейтенанту К.С. Москаленко вернуться в свою армию, чтобы принять меры против попыток противника обойти ее левый фланг.

Генерал Москаленко возвратился в Грайворон, куда переехал штаб армии, и с ходу включился в непосредственное руководство боем. На следующее утро 35 немецких бомбардировщиков совершили налет на Грайворон. Удару с воздуха подвергся командный пункт и узел связи, причем несколько самолетов люфтваффе произвели прицельную бомбардировку и обстрел из пушек и пулеметов с высоты 200—300 м. Управление войсками было под угрозой, но командованию армии удалось переместить командный пункт в район села Крюково.

Обстановка усугублялась еще и тем, что одновременно противник, отбросив части 69-й армии и выйдя на левый фланг 40-й армии, перешел в наступление силами пехотной и танковой дивизий с приданными частями. Танки и пехота неприятеля подошли к Грайворону. На южной окраине города завязался тяжелый бой. 100, 309-й стрелковым дивизиям и 5-му гвардейскому танковому корпусу удалось с наступлением темноты организованно отойти,

однако при этом Грайворон и Большая Писаревка были потеряны.

Направления ударов противника определились: одно — Грайворон, Борисовка, Томаровка, другое — вдоль шоссе Харьков — Белгород. Первое из них командование 40-й армии прикрыло силами дивизий, отошедших от Грайворона. В населенном пункте Головчино, что на полпути между Грайвороном и Борисовкой, оно организовало противотанковый опорный пункт. Немецкие войска упорно пытались овладеть им, но каждый раз откатывались с потерями.

Здесь боем непосредственно руководил командующий артиллерией армии полковник М.С. Снегирев. Таранному удару немецких тяжелых танков он противопоставил гибкое и эффективное применение всей имевшейся в районе Головчино артиллерии. Две трети ее Иван Михайлович Снегирев, лично возглавлявший расстановку огневых средств, поставил на прямую наводку. Артиллеристы нанесли тяжелый урон эсэсовским танковым частям. Особенно отличился в этом бою 4-й гвардейский истребительно-противотанковый полк, который и прежде не раз наносил врагу весьма чувствительные удары.

Под Головчино смертью храбрых пали полковник И.М. Снегирев и старший помощник начальника оперативного отделения штаба артиллерии армии капитан М.В. Давыдов.

В последующие дни, когда части 40-й армии отошли от Головчино, ожесточенные бои развернулись сначала в районе Борисовки, а затем в районе Томаровки. Там на усиление 40-й армии прибыл 3-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-майора И.А. Вовченко. Танки и все имевшиеся у К.С. Москаленко силы были до предела использованы для остановки наступающего противника. Даже зенитная артиллерия была поставлена

на огневые позиции для ведения огня прямой наводкой и применялась против немецких танков и автоматчиков.

Против 40-й армии действовали крупные силы противника, оснащенные новейшим вооружением. Именно там бойцы армии впервые в массовом порядке встретились с танками «Тигр», штурмовыми и самоходными орудиями новых модификаций.

Под Борисовкой к генералу К.С. Москаленко пришел командир 3-го гвардейского танкового корпуса и доложил, что его танки не пробивают лобовую броню новых немецких боевых машин типа «Тигр». Ничего подобного до тех пор не было. Заинтересовались случившимся также приехавший в армию член Военного совета фронта генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов и член Военного совета армии полковник И.С. Грушецкий. Все вместе они и отправились на наблюдательный пункт генерала И.А. Вовченко и убедились, что он прав. В бинокли было видно, что снаряды советских танковых пушек высекают сноп искр на лобовых частях немецких танков и рикошетируют в сторону, то есть нужно бить их не в лоб, а в борт или в корму. Это, конечно, совсем не одно и то же, так как требовало не только иной расстановки орудий в противотанковых опорных пунктах, но и величайшей силы духа. Ведь теперь нужно было сначала пропускать немецкие танки мимо себя, а уже потом бить по ним. Так впервые в войне качественное превосходство в бронетанковом вооружении впервые перешло к немецкой армии.

По-иному развивались события к югу от Харькова, в полосе обороны 3-й танковой армии. Здесь соединениям 48-го танкового корпуса немцев не удалось достичь столь значительных успехов. Встречая организованное, все возраставшее сопротивление советских войск, они вынуждены были последовательно прорывать эшелонированные в глубину позиции и рубежи, неся при этом большие потери

в танках. Особенно ожесточенные бои разгорелись в районе населенного пункта Соколово, где в «самое пекло» сражения попал первый усиленный чехословацкий батальон. Имевший 979 человек, он только 19 февраля прибыл на станцию Валуйки и после 300-километрового марша вышел в район Соколово, где его включили в 3-ю танковую армию.

8 марта после нескольких массированных ударов авиации части 48-го танкового корпуса противника начали атаковать батальон. Боевой порядок командование корпуса построило в несколько эшелонов. Чехословацкие воины совместно с советскими артиллеристами встретили танки и пехоту организованным огнем. Уже при отражении первой атаки на подступах к селу было уничтожено пять танков, три из них подбил наводчик орудия сержант П.Е. Долгобрюхов. А непосредственно в Соколово оборонялась усиленная рота под командованием надпоручика Отакара Яроша. Она насчитывала около 350 человек, семь орудий, шесть минометов и восемь противотанковых ружей. Весь день 8 марта рота отражала неоднократные атаки, ведя бой в окружении. Тем не менее она уничтожила 19 танков и до 300 немецких солдат и офицеров. Но при этом и ее потери составили около 200 человек убитыми и пропавшими без вести, 60 человек ранеными. В бою погибли начальник обороны гарнизона надпоручик Ярош и его заместитель подпоручик Лом.

К исходу 10 марта крупные силы противника подошли к Богодухову, а с севера к Харькову. Соединения 3-й танковой армии с трудом сдерживали здесь их яростный натиск.

Еще перед прорывом врага к Богодухову 16-я гвардейская минометная бригада полковника П.И. Вальченко, переподчиненная 303-й стрелковой дивизии, по распоряжению командующего артиллерией выдвигалась на огне-

вые позиции у перекрестка дорог из городов Люботин и Богодухов. Но 11 марта она оказалась в полосе действий 1-й мотострелковой бригады — 303-я стрелковая дивизия сдвинулась вправо. Бригада «катюш» М-30 (на стационарных станках) должна была огнем из отдельных пусковых установок не допустить немецкие танки и мотопехоту к перекрестку. Огневые позиции пришлось занимать почти под непрерывным обстрелом. Наблюдательные пункты командиров дивизионов выносили прямо в окопы передовых батальонов. На оборудование огневых позиций времени не было, успели лишь закопать в землю сошники пусковых станков да отрыть ровики для укрытия личного состава. Немцы усиливали натиск, и в этой ситуации реальной была опасность потерять громоздкую материальную часть: в случае обхода противником огневых позиций спасти разобранные пусковые станки вряд ли бы удалось.

Однако, несмотря на общую катастрофическую информацию, наши гвардейцы-минометчики действовали смело и решительно. Их огонь наносил врагу большой урон, останавливал его продвижение. Когда кончились снаряды, они участвовали в контратаках. Борьба подчас доходила до рукопашных схваток, в ход шли штыки, приклады, малые лопаты.

Впоследствии анализируя опыт этих боев, Военный совет ГМЧ (гвардейских минометных частей. — *Примеч. авт.*) пришел к выводу, что тяжелые гвардейские минометные бригады с их сборно-разборными станками М-30 малопригодны для маневренных действий. Поэтому подразделения «катюш» М-30 пришлось выводить из зоны жарких оборонительных боев.

Зато снова проявили себя как «легкие на ногу» высокоманевренные полки и дивизионы М-13 и М-8. В борьбе с рвущимся напролом противником они были незаменимым средством в руках командиров соединений для срыва

его атак. Никто не хотел уступать и бои продолжались с прежним ожесточением.

Вместе с тем общая обстановка в полосе Воронежского фронта продолжала оставаться очень тяжелой. Противник силами панцергренадерских дивизий СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Тотенкопф», по-прежнему наступая в разрыве между 69-й и 3-й танковыми армиями, вышел к Харькову с севера и северо-востока. А поскольку с запада город настойчиво атаковала дивизия СС «Рейх», а с юга 48-й танковый корпус, 3-я танковая армия была отсечена от главных сил фронта. Одновременно немцы получили возможность наступать на Белгород, так как это направление не было прикрыто советскими войсками.

Для спасения положения генерал Ф.И. Голиков перебросил 69-ю армию на новый рубеж обороны для прикрытия белгородского направления с юга. Сосредоточивая основные усилия фронта на удержании рубежа обороны, он определил задачи, а также промежуточные и конечные рубежи отхода для 40-й и 69-й армий. Кроме того, он изменил их состав за счет переподчинения им тех соединений, которые в результате ударов противника действовали вне полос обороны своих армий. До этого управление войсками в этих объединениях было крайне затруднено из-за взаимного перекрестного перемешивания боевых порядков пяти стрелковых дивизий и стрелковой бригады. К этому времени германское командование значительно нарастило силу удара, введя в полосу обороны 40-й армии элитную панцергренадерскую дивизию вермахта «Великая Германия». Соединения армии так и не смогли занять назначенные им в случае вынужденного отхода рубежи и отошли в северном направлении, оголив фланг 69-й армии. Путь на Белгород с юга-запада оказался открытым.

Обстановка в полосе Воронежского фронта позволяла противнику рассечь его войска на несколько изолирован-

ных группировок. Однако такая опасность не до конца учитывалась в Ставке ВГК. Она все еще пыталась изменить ход боевых действий в свою пользу без привлечения сильных резервов, а вводом в сражение лишь отдельных соединений. Воронежскому фронту были переданы 19-я стрелковая дивизия, 2-й гвардейский и 18-й танковый корпуса из Юго-Западного фронта, а также уже упоминавшийся 3-й гвардейский танковый корпус из резерва Ставки. Но стремление улучшить обстановку одновременно на всех направлениях привело к тому, что эти силы вводились в сражение разновременно, по частям, в отрыве друг от друга.

В свою очередь, немецкое командование, поставив задачу панцергренадерской дивизии «Великая Германия» развить наступление на белгородском направлении, одновременно нацелило главные силы 2-го танкового корпуса СС на овладение Харьковом.

Главным участником уличных боев за город стала дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Утром 11 марта тремя боевыми группами дивизия начала штурм Харькова со стороны Белгородского шоссе. Наименее удачно действовал 2-й панцергренадерский полк, который был остановлен контратаками 86-й танковой бригады. Второй полк дивизии продвигался быстрее и даже вышел к главной площади города. Однако контратаки 179-й танковой бригады заставили его отойти назад. В наихудшем положении оказался разведывательный батальон Курта Мейера, атаковавший Харьков с северо-востока при поддержке девяти танков и двух самоходных противотанковых пушек. Вследствие нехватки топлива наступление остановилось. Батальон занял круговую оборону на кладбище, контролировавшем дорогу на Чугуев. Вскоре батальон Мейера был окружен оборонявшимися город советскими войсками.

К 12 марта генерал Гот поменял свое решение об использовании эсэсовских дивизий в штурме Харькова. Втягивание 2-го танкового корпуса СС в уличные бои означало возможность для защитников города вести бои до тех пор, пока это было целесообразно, а затем без помех покинуть Харьков. Поэтому командующий 4-й танковой армией приказал Хауссеру вывести из боев за город дивизию «Рейх», которая меняла дивизию «Тотенкопф», а последняя была брошена в обход Харькова с северо-востока. Углубившаяся в город на километр дивизия «Рейх» была отведена назад и разделена на две части. Полк «Дойчланд» был брошен на позиции к северу от Харькова, а полк «Фюрер» должен был обойти город с юга.

День 12 марта прошел под знаком решения генерала Гота на обход Харькова. С севера в обход города двинулась боевая группа Баума дивизии «Тотенкопф», сосредоточившаяся к вечеру в селе Байрак. К югу от Харькова изменил вектор своего наступления 48-й танковый корпус. Теперь он должен был атаковать в направлении населенного пункта Чугуев с целью охвата Харькова с юга. Однако наступление 11-й танковой дивизии с плацдарма у Змиева было неудачным, это соединение немцев встретило сильный огонь артиллерии и противотанковых орудий. На помощь 48-му корпусу выдвигалась 106-я пехотная дивизия.

После вывода из города дивизии «Рейх» соединение Дитриха — дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» — продолжило штурм Харькова в одиночку. Уличные бои за крупный город всегда были непростой задачей. «Бичом» немецких танков и самоходных орудий стали наши 76,2-мм пушки, которые оборонявшие город советские войска устанавливали в подвалах и вели огонь вдоль улиц. В результате к ночи с 11 на 12 марта в «Лейбштандарте» оставалось всего 17 Pz.Kpfw.IV и 6 Pz.Kpfw.III. Все «Тигры» были в ремонте разной степени сложности, а два

«Тигра» были потеряны безвозвратно. Для уличных боев в «Лейбштандарте» были организованы штурмовые группы, каждая из которых поддерживалась танком, а также 75-мм и 150-мм тяжелыми пехотными орудиями. Гренадеры 1-го полка «Лейбштандарта» продвигались вперед квартал за кварталом, уничтожая огневые точки огнем танковых или пехотных орудий. Вскоре они вышли к центральной площади города. Двигавшийся параллельным маршрутом 2-й панцергренадерский полк «Лейбштандарта» также постепенно вышел к центру города — площади Дзержинского. Батальон Пайпера вновь должен был выручать окруженных — разведывательный батальон Мейера на кладбище. На этот раз он возглавлял наступление всего панцергренадерского полка.

Средств для противодействия обходу города после убывтия в 40-ю и 69-ю армию корпусов Вовченко и Баданова в распоряжении командующего 3-й танковой армии не было. Единственным резервом в руках генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко был 18-й танковый корпус Б.С. Бахарова. Это соединение можно смело назвать ветераном «Скачка» и «Звезды». Обе операции он прошел от их взлета до падения. Сосредоточиваясь для контрудара совместно со 2-м и 3-м гвардейским танковыми корпусами и возвращаясь обратно в Чугуев, 170-я бригада корпуса успела «намотать» на гусеницы 11 марта лишние 80 километров и сжечь 8 тонн горючего, так и не увидев противника.

Однако вскоре 18-му корпусу пришлось вступить в бой с эсэсовскими частями. Боевая группа Баума (в которую входил батальон танкового полка дивизии «Тотенкопф») 13 марта вышла к населенному пункту Рогань, где «опрокинула» части 113-й стрелковой дивизии. Однако на пути дальнейшего продвижения эсэсовцев «Тотенкопфа» встали части корпуса Б.С. Бахарова. В бою за Рогань корпус заявил об уничтожении 5 танков противника огнем своих

танков и 12 — артиллерией. Приданный 141-й танковый полк заявил об уничтожении еще трех немецких танков ценой потери одного Т-34 и 1 Т-70. В полку оставался один Т-34 и четыре Т-70. Ночью 14 марта 18-й танковый корпус получил приказ подчинить себе 173-ю отдельную бригаду Мишулина, выбить противника из Рогани и выйти на северо-восточную окраину Харькова. В 8.00 после залпа двух дивизионов РС два танка Т-34 и четыре Т-70 с десантом мотострелков пошли в атаку и выбили немцев из населенного пункта Рогань. Однако в 14.00 контратакой, поддержанной танками, советские части были отброшены назад. Совместно с 113-й стрелковой дивизией корпус занял оборону на полпути к селу Чугуево и Каменной Яруге. Согласно докладу командира корпуса, в боях за Рогань 13 и 14 марта было подбито 18 танков противника, два бронетранспортера и 7 автомашин. 173-я танковая бригада отчиталась о 13 танках, 15 орудиях ценой потери 12 Т-34. На 14 марта бригада насчитывала всего 7 танков. На следующий день, 15 марта, полк Баума начал наступление на село Чугуево при поддержке авиации. Впереди шел батальон полка на полугусеничных бронетранспортерах. Традиционно наступление поддерживали 20-мм счетверенные установки автоматических зенитных пушек, обрушившие шквал огня на дома, стоящие на окраинах. Снаряды зениток легко пробивали стены строений. К ночи 16 марта боевая группа Баума вышла к селу Чугуево.

Корпус В.С. Бахарова мог задержать смыкание кольца вокруг Харькова на сутки или двое, и эту задачу он в целом выполнил. Поняв, что избежать окружения города не удастся, командующий 3-й танковой армией 15 марта принял решение вывести окружаемые в городе и его пригородах соединения. Радиосвязь с некоторыми из соединений отсутствовала, поэтому в приказе П.С. Рыбалко содержалось предписание по его получению информировать

своих соседей. 62-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ первой в 14.00 15 марта. 179-я танковая бригада и 17-я бригада войск НКВД получили приказ в 19.00 того же дня. 19, 303-я и 350-я стрелковые дивизии, 104-я стрелковая и 86-я танковая бригады приказа не получили вследствие выхода из строя раций. Благодаря приписке «информировать соседа» приказ в конце концов был получен всеми соединениями. Так, находившийся при штабе 19-й стрелковой дивизии генерал-майор Е.Е. Белов, руководивший обороной города, получил информацию об отходе из штаба 62-й гвардейской стрелковой дивизии. Е.Е. Белов принял решение пробиваться в направлении на юго-восток, между селами Змиевом и Чугуевом. Прорыв должен был осуществляться двумя группами.

В первую входили 303-я и 350-я стрелковые дивизии, 17-я бригада НКВД, во вторую — 19-я стрелковая дивизия, 253-я и 104-я стрелковые, 86-я и 195-я танковые бригады. Прикрывать отход должна была 62-я гвардейская стрелковая дивизия. 315-й гвардейский минометный полк «катюш» под командованием подполковника А.Ф. Ганюшкина огнем валом «расчистил проход» для прорыва. Оставшись без снарядов, полк был вынужден подорвать поврежденные пусковые установки и сражался, как стрелковая часть. Прорыв был осуществлен в целом успешно, и к 17 марта защитники Харькова сосредоточились на восточном берегу реки Северский Донец. В ходе прорыва погибли командир 17-й бригады войск НКВД полковник И.А. Танкопий и командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майор Г.М. Зайцев. В состав 3-й танковой армии поступил 1-й гвардейский кавалерийский корпус, и при его поддержке армия организовывала оборону восточнее Харькова. Судя по докладу командующего армией генерала П.С. Рыбалко в штаб фронта, «при выходе из окружения в районе Харькова в

армии осталось 9 танков», а потери в людях составили около 6 тыс. человек.

Достаточно успешному прорыву соединений, оборонявших город, и стабилизации обстановки в районе Харькова способствовало изменение направления движения 2-го танкового корпуса СС. Это соединение спешно сдавало позиции в районе Харькова 48-му танковому корпусу вермахта и разворачивалось для наступления на север в направлении Белгорода.

Для того чтобы не допустить захвата противником Белгорода и обеспечить развертывание прибывавших в состав фронта армий, генерал Ф.И. Голиков решил нанести контрудар против танковой дивизии вермахта «Великая Германия». Он рассчитывал разгромить ее в районе населенного пункта Томаровка, что позволило бы также стабилизировать положение в полосе обороны 40-й армии. Руководство подготовкой и проведением контрудара возлагалось на командующего 40-й армией генерала К.С. Москаленко. Согласно его решению, в ударные группировки вошли 3-й и 5-й гвардейские танковые корпуса (47 и 18 танков соответственно), 96-я танковая бригада (2 танка), две стрелковые дивизии и одна истребительная бригада. Но запланированного контрудара не получилось, ибо противник, активно наступая в полосе 40-й армии, отбросил соединения ударных группировок и заставил их перейти к обороне. Свою роль в этом сыграла его авиация. Так, в результате только одного налета бомбардировщиков люфтваффе в 3-м гвардейском танковом корпусе было уничтожено 26 танков. Всего же с 13 по 21 марта корпус потерял 156 танков.

Неудачный исход контрудара был также обусловлен и активизацией действий танкового корпуса СС в полосе 69-й армии. Завершив перегруппировку из района Харькова, главные силы корпуса 18 марта нанесли мощный удар по

соединениям армии, ведя наступление одновременно на трех направлениях. Всего противник ввел в бой до 125 танков. Прорвав оборону ослабленных стрелковых дивизий, соединения танкового корпуса СС к 14.00 ворвались в Белгород. Ситуация ухудшалась.

Отражение удара. В Ставке ВГК стали осознавать надвигающуюся катастрофу. В ночь на 10 марта 1943 года начальник Генштаба маршал А.М. Василевский имел обстоятельный разговор по телефону с И.В. Сталиным. Они обсудили, что должна предпринять Ставка, чтобы немедленно и серьезно усилить курско-белгородско-харьковское направление. Было решено срочно перебросить туда две общевойсковые и одну танковые армии. В директиве Ставки, адресованной командующему Центральным фронтом К.К. Рокоссовскому, начальнику Генерального штаба и командующему Воронежским фронтом Ф.И. Голикову, говорилось: «Выход южной группы противника севернее Харькова в район Казачья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и несет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Противник имеет намерение выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту. Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова (1-я танковая армия по директиве Ставки формировалась в феврале 1943 года для резерва Ставки на базе управления 29-й армии с использованием 3-го механизированного корпуса из состава Калининского фронта и 6-го танкового корпуса из состава Западного фронта; командующим армией был назначен генерал-лейтенант танковых войск М.Е. Катукوف. — *Примеч. авт.*) навстречу подымающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов. Ставка при-

казывает: 1. Немедля выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска с тем, чтобы не позднее 13 марта армия выдвинулась южнее Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни. 2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстрейшего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией. Ставка доводит до вашего сведения, что как 21-я армия, так и танковая армии Катукова передаются с 13 марта сего года в подчинение командующего Воронежским фронтом»¹⁹.

Находившемуся в то время в Курске в качестве представителя Ставки заместителю начальника Генерального штаба А.И. Антонову было приказано принять все меры для быстрейшего выдвижения на реку Псел 21-й армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. Армия должна была прочно держать этот рубеж, прикрыть Курск с юга и обеспечить развертывание прибывавшей сюда из резерва Ставки 1-й танковой армии. Также Ставкой было дано указание срочно перебросить в распоряжение командования Воронежским фронтом 64-ю армию генерал-лейтенанта М.С. Шумилова, находившуюся в ее резерве в районе Сталинграда.

«Пожарную команду», тушившую «возгорания» на Воронежском фронте, решили усилить главным специалистом по кризисным ситуациям — Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, который в тот момент находился на должности заместителя Верховного главнокомандующего и наркома обороны СССР. Георгий Константинович впервые выехал на фронт в специально созданном штабном поезде.

По воспоминаниям личного шофера знаменитого полководца А.Н. Бучина: «Спецпоезд как небо от земли отличался от того, на котором Жуков только что выезжал под Ленинград. Спецпоезд был сформирован так, чтобы

служить подвижной штаб-квартирой заместителя Верховного Главнокомандующего. Салон-вагон маршала (много лет спустя Бучин выяснил, что он был бронированный), вагоны охраны, связи и наш, водительский вагон-гараж на две машины. Спереди и сзади состава из пяти вагонов — бронеплощадки с зенитками. На каждой по 37-мм орудию и счетверенной пулеметной установке. Все в спецпоезде продумано, созданы условия как для работы, так и для защиты состава в крайнем случае»²⁰.

Без единой остановки спецсостав мчался к Курску. По прибытии его загнали на запасной путь, замаскировали у разрушенных построек под старыми деревьями. Машины стремительно выгрузили, и Жуков тронулся по дороге на Белгород.

Под Белгородом основной удар врага пришелся по крайне ослабленной 69-й армии генерал-лейтенанта М.И. Козакова. С юга наступал танковый корпус СС, с запада — армейский корпус. Германская авиация непрерывно бомбила Белгород. 18 марта немецкие войска, прорвавшись с юга, овладели городом. За несколько часов до этого ранним утром начальник Генштаба и командование Воронежского фронта покинули город и переехали в район Обояни.

Из-за общей неразберихи маршал Г.К. Жуков чуть не попал в эсесовский плен. Его личный водитель впоследствии вспоминал об этом случае так: «Попути (к фронту. — *Примеч. авт.*) ожидавший нас заметно нервничавший офицер вручил Жукову карту с нанесенной обстановкой, то есть с указанием линии фронта на последний час. Это было жизненно важно, мы ехали навстречу танковому корпусу СС, развивавшему наступление на Обоянь, последний заметный населенный пункт на шоссе перед Курском. Хотя раскисшая дорога была опасна, даже массивный “Хорьх” заносило и иногда разворачивало, Жуков торопил. Мы летели вперед, стекла покрыли ошметья грязи. Останав-

ливаться и протирать не имело смысла, через несколько секунд они вновь становились серыми. “Дворники” работали исправно, и в очищенном ими ограниченном поле обзора ожила полузабытая картина ближнего тыла отступающей армии. Жуков с окаменевшим лицом смотрел на мчащиеся навстречу грузовики, набитые солдатами, ездовых, беспощадно нахлестывающих лошадей, и тянувшиеся по обочинам группы солдат в грязи с головы до ног. Правда, почти все они были с оружием. Георгий Константинович бросил по поводу этого одобрительную реплику. И замолчал, следя за маршрутом по карте.

Нас не остановили даже попадавшие время от времени немецкие самолеты, обстреливающие дорогу. Конец путешествия пришел внезапно — раздалась гулкие выстрелы танковых пушек. Задний ход, разворот — и назад в Обоянь. Несколько снарядов подняли фонтаны грязи. Немецких танков мы так и не увидели, но они были близко — на расстоянии прямого выстрела. Если бы мы ехали по-прежнему, то через минуту-другую вкатились бы в боевые порядки танкового корпуса СС. Потом выяснилось, что на карте, врученной маршалу, был неверно нанесен передний край, указан рубеж, с которого наши войска уже отступили»²¹.

Тогда Г.К. Жуков поехал в штаб Воронежского фронта, который в тот момент находился в деревне под Обоянью. В отличие от действующей армии, которая хоть и отступала, но с оружием и соблюдая организацию, обстановка в штабе фронта была просто паническая. «Офицеры-штабисты поспешно кидали на машины какие-то ящики, связисты сматывали провода. Крики, шум, ругань»²². Здесь маршалы Жуков и Василевский встретились и выработали план отражения германского наступления.

Уже ночью с 18 на 19 марта по центральной улице Обояни — шоссе Курск — Белгород проскочили танки, артилле-

рия на механической тяге, машины с пехотой — передовой отряд наших войск, пришедших на подмогу Воронежскому фронту. После небольшой паузы повалила «царица полей матушка пехота». Красноармейцы шли, не придерживаясь строя, гордо, весело, с шутками, прибаутками и песнями. Шли русские «чудо-богатыри», шла 21-я армия генерала И.М. Чистякова, переброшенная из-под Сталинграда. Она уже с неделю как выгрузилась в районе Ельца и теперь выдвигалась на рубеж севернее Белгорода.

19 марта Василевский и Жуков доложили о плане отражения удара Верховному главнокомандующему. Суть наших действий заключалась в том, чтобы остановить продвижение противника из Белгорода на север и северо-восток. Для этой цели была организована прочная оборона по Северскому Донцу и далее через Гостищево, Быковку, Дмитриевку, Красные Яруги и Краснополье, прикрывавшая преимущественно направления на Обоянь и Корочу. 69-я армия М.И. Козакова с танковым корпусом В.М. Баданова отводилась на восточный берег Северского Донца; 21-я армия И.М. Чистякова усиливалась прибывающими полками самоходной артиллерии; танковый корпус И.А. Вовченко перебрасывался для расположения севернее и северо-западнее Белгорода, чтобы прикрыть дорогу на Обоянь и Томаровку; 40-ю армию К.С. Москаленко отводили на рубеж Дмитровки, Красной Яруги в стык 21-й армии И.М. Чистякова и 38-й армии Н.Е. Чибисова. После выработки плана оба военачальника выехали в войска, чтобы лично руководить организацией обороны. Сопротивление советских войск стало возрастать.

К тому времени, панцергренадерская дивизия вермахта «Великая Германия», сломив сопротивление оборонявшихся на широком фронте соединений 40-й армии и отбросив их в северном направлении, последовательно овладела населенными пунктами Грайвороном и Борисовкой. Раз-

рыв между флангами 40-й и 69-й армий все более увеличился. Германское командование получило возможность вести наступление не только в направлении Белгорода, но и Курска. Только после этого, для того чтобы исключить такое развитие событий, Ставка ВГК и начала выдвигать вышеупомянутые стратегические резервы для усиления Воронежского фронта. В своих воспоминаниях Г.К. Жуков отмечал: «В тот день (видимо, 18 марта 1943 года. — *Примеч. авт.*) из штаба Воронежского фронта я позвонил по ВЧ И.В. Сталину и обрисовал обстановку. Она была хуже той, которую утром докладывал направленный Генштаба... Необходимо, докладывал я Верховному, срочно двинуть сюда все, что можно из резерва Ставки и соседних фронтов, в противном случае немцы захватят Белгород (что уже и было сделано. — *Примеч. авт.*) и будут развивать удар на курском направлении. Через час из разговора с А.М. Василевским я узнал, что Верховным принято решение и уже передано распоряжение о выдвижении в район Белгорода 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии».

Абсолютно понятно, почему ни Г.К. Жуков, ни А.М. Василевский, находившиеся в то время в качестве представителей Ставки в районе Харькова, раньше не убедили Сталина в необходимости использовать резервные армии на этом направлении. По всей видимости, эйфория успешного наступления не позволила объективно оценить возможности Воронежского фронта, войска которого к концу февраля 1943 года были значительно ослаблены и вели боевые действия без дополнительного усиления со стороны Ставки ВГК. А генерал-полковник Ф.И. Голиков о внезапно изменившейся обстановке докладывать опасался. «Маршалы-спасители» прибыли на Воронежский фронт слишком поздно.

В то же время высвободившиеся под Сталинградом четыре армии были направлены не на юго-западное, а на

западное направление для создания там Центрального фронта. Так, уже упоминавшаяся 21-я армия вначале осуществила перегруппировку на 700 км — в район Курска — и только затем убыла в полосу ответственности Воронежского фронта. На это ушло почти два месяца. Неоправданно долго — почти полтора месяца — оставалась в районе Сталинграда и 64-я армия. Первые ее части начали прибывать в указанный район лишь во второй половине марта.

Однако паника прекратилась. Смотанные линии проводной связи в штабе фронта снова размотали, больше не «приезжали посланцы из частей на взмыленных лошадях». В Курске находился генерал А.И. Антонов (заместитель начальника Генштаба, начальник Главного оперативного управления. — *Примеч. авт.*), который постоянно докладывал А.М. Василевскому и Г.К. Жукову о выполнении вышеупомянутой директивы Ставки. По его (Антонова) данным, 21-я армия 17 марта вышла к Ольховатке, а в Курске 18 марта уже находилась 1-я танковая армия. К 23 марта после того, как 64-я (7-я гв.) армия вышла к Северскому Донцу, встав между 69-й и 3-й танковой армиями, а 21-й генерал-лейтенанта И.М. Чистякова организовала прочную оборону на рубеже 25—30 км севернее Белгорода в разрыве между 40-й и 69-й армиями, прикрыв тем самым направление на Курск, линия фронта в районе Обояни стабилизировалась. Попытки немцев развить здесь наступление успеха не имели, и Воронежский фронт перешел здесь к жесткой обороне.

Как только враг был остановлен севернее Белгорода, маршал Г.К. Жуков поторопился осмотреть все собственными глазами, проконтролировать сделанное. Когда подъехали к передовой, открылась впечатляющая картина. На шоссе по обе стороны от него догорали немецкие танки. Случившееся было понятным — эсэсовские танки, двигавшиеся по шоссе, напоролась на нашу засаду. Артиллеристы

подбили несколько боевых машин, которые перегородили дорогу. Другие сунулись было, съехав на поле, развить атаку. Но, попав в вязкий чернозем, напоенный талой водой, ползли как черепахи, и их неторопливо, на выбор, расстреляли. Уйти от огня они не могли, германская техника в вопросах проходимости была слабо приспособлена к российским условиям. В результате несколько танков подбили, а членов их экипажей наши бойцы захватили в плен и подогнали к маршалу.

Грязные, в обгоревших разорванных комбинезонах, они с ужасом смотрели на сурового маршала, видимо, угадав в нем старшего. Командарм Чистяков доложил, что захваченные танкисты принадлежат к панцергренадерской дивизии «Тотенкопф», намеревавшейся взять Обоянь и развивать наступление на Курск. Жуков брезгливо осмотрел пленных, задрожавших под его, нужно признать, тяжелым взглядом и заголосивших на разные лады любимое ими «Гитлер капут!». Маршал с отвращением отвернулся от эсэсовцев и распорядился: двоих отпустить — пусть расскажут своим, «каковы русские», остальные — на пункт сбора. «Очухаются от дурмана, — сказал он, — сгодятся отстроить ими же разрушенное». Сержант отогнал двоих на дорогу и велел идти, показав рукой направление. Те поплелись, пугливо оглядываясь, видимо, ожидая пулю в спину. Остальных, здоровых таких амбалов, погнали в тыл²³.

В связи со стабилизацией советской обороны 22 марта начальник Генштаба маршал А.М. Василевский получил разрешение убыть в Москву. И тут не обошлось без приключений. После застолья, посвященного удачному «избавлению от кризиса», водитель Жукова А.Н. Бучин по указанию самого Георгия Константиновича повез Василевского и его «полевой штаб» на аэродром. Вот что сам водитель вспоминал об этом.

«Уже смеркалось, но было достаточно светло, и не стоило труда различить наш «Хорьх», окрашенный белой краской, на фоне черного весеннего шоссе. Навстречу шли бесконечные колонны танков. За ревом их двигателей мы не услышали немецкий самолет, который атаковал “Хорьх”. Только когда немец стеганул трассирующими — очередь прошла над нашими головами, — опасность стала очевидной. Места для маневра нет: слева танки, справа кювет. Я на тормоза и на миг из машины осмотреться: где немецкий самолет. И, как мы делали с Георгием Константиновичем, увертываться от огня, меняя скорость, но не прекращая движения. Мои пассажиры оказались проворнее — они зайцами сиганули из машины, бегом в поле и плюхнулись в грязь с мокрым снегом. Укрылись! “Прикрепленный” успел крикнуть: “Бучин! Убирай машину, сейчас фриц пойдет по новой!” А куда убирать? Понятно, дело табак — охота пойдет за “Хорьком”, танкам с их броней плевать на паршивый немецкий самолет. Фриц больше не появился.

Вернулись пассажиры, мокрые, перепачканные. Поехали дальше. Стемнело. Танкисты шли навстречу с полным светом и я включил фары. Протрезвевший маршал попросил: “Товарищ Бучин, пожалуйста, нельзя ли без света”. Нужно слушать, все-таки маршал. А то, что ослепленные светом очередного танка, мы можем заехать ему под гусеницы на мокрой и скользкой дороге с глубокой колеей, полководцу было невдомек. Раздавит и не заметит. Я-то представлял, что рычаги управления находятся в слабых ручонках усталых худеньких мальчиков в шлемах, сползающих на нос. Пришлось включать и выключать фары не только, чтобы осветить колею, но и чтобы обозначить себя танкистам. Танков прошло очень много»²⁴.

После убийства А.М. Василевского вскоре в Москву улетел и его заместитель по Генштабу А.И. Антонов. По-

ложение в полосе обороны Воронежского фронта стабилизировалось до июня 1943 года, то есть до начала Курской битвы.

Отражая контрнаступление немецких войск на Харьков и Белгород, советские войска понесли большие потери. В соединениях Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта за март они составили более 86 тыс. человек, при этом 41,5 тыс. безвозвратные. Войскам обоих фронтов был нанесен значительный урон в боевой технике и вооружении. Так, в 69-й армии после отхода за Северский Донец осталось всего 77 орудий и минометов. 40-я армия с 10 по 21 марта потеряла 134 орудия и 159 минометов, а весь Воронежский фронт — 645 орудий и 1358 минометов²⁵.

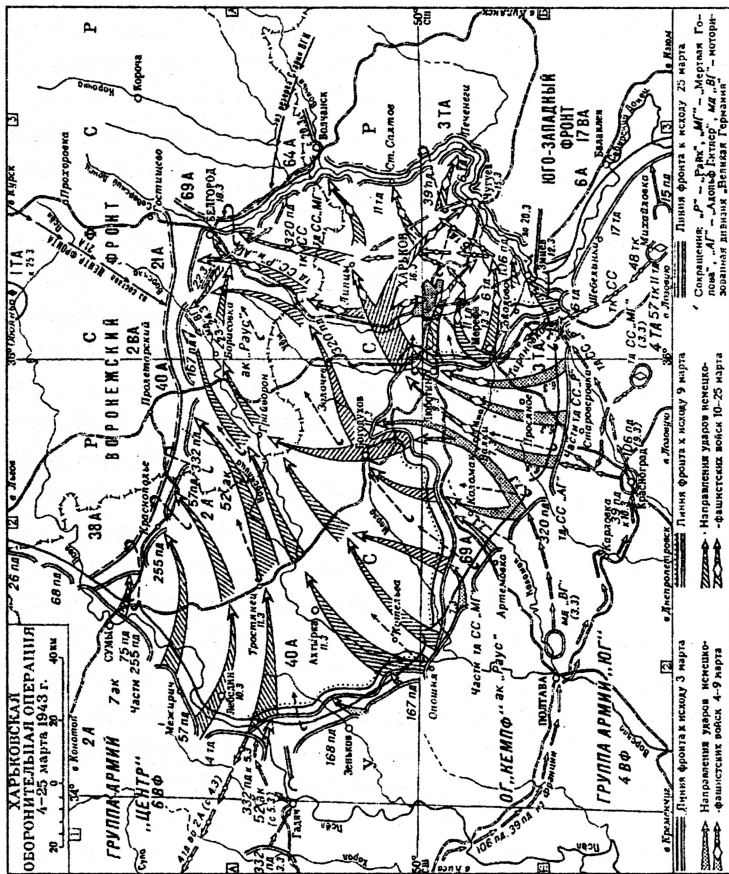
Боевой состав, численность войск, людские потери фронтов, участвовавших в Харьковской оборонительной операции (4—25 марта 1943 года)

Наименование объединений и сроки их участия в операции	Боевой состав и численность войск к началу операции		Людские потери в операции, тыс. чел.			
	Количество соединений	Численность	Безвозвратные	Санитарные	Всего	Среднесуточн.
Воронежский фронт (весь период), левое крыло: 3-я танковая, 40-я и 69-я армии	сд — 8, ид — 1, кд — 2, сбр — 4, тк — 1, отбр — 5	281800	28437	28437	58244	2647
6-я армия Юго-Западного фронта (весь период)	сд — 5, кд — 3, сбр — 1, отбр — 1	64100	15412	12813	28225	1283
Итого:	дивизий — 19, бригад — 11, танковый корпус — 1	345900	45319	41250	86469	3930

Столь трагический итог операции командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков попытался было объяснить незнанием обстановки. В своем отчете в Ставку по поводу тех событий он написал: «На этом этапе я имел неправильную оценку намерений и возможностей противника. Ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение моторизованных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать отсюда свой контрудар».

Однако признание своих ошибок еще не освобождало от ответственности. Сталин как Верховный главнокомандующий по сложившейся у него привычке искал виновных среди непосредственных исполнителей решений Ставки. И искал, конечно, недолго. Возложив ответственность за сдачу Харькова и Белгорода на генерала Ф.И. Голикова, он отстранил его от командования войсками Воронежского фронта, а на эту должность назначил генерал-полковника Н.Ф. Ватутина (командующим Юго-Западным фронтом вместо Н.Ф. Ватутина стал Р.Я. Малиновский, а вместо него на Южный фронт был выдвинут командарм 57 Ф.И. Толбухин). Где логика в такой замене — сказать трудно. Ведь незадолго до того, в феврале 1943 года, войска Юго-Западного фронта, возглавляемого Н.Ф. Ватутиным, потерпели не менее тяжелое поражение в Донбассе.

Видимо, назначение на должность командующего Воронежским фронтом достаточно рассудительного и имевшего опыт штабной работы генерал-полковника Н.Ф. Ватутина было «меньшим злом», чем оставление комфронтом очень исполнительного, но лишенного полководческих дарований генерал-полковника Ф.И. Голикова. Подобная перестановка, скорее всего, стала результатом коллективного решения маршалов Василевского и Жукова.

Карта-схема Харьковской оборонительной операции (4—25 марта 1943 года)

Сам Георгий Константинович еще несколько дней оставался на Воронежском фронте, вводя нового комфронта в курс дела. Штаб фронтового объединения в тот период располагался в деревне Стрелецкой. Наша оборона уплотнялась с каждым часом — подтягивалась вся 21-я армия. Дороги у Обояни капитально испортились — сосредоточивалась танковая армия. Нового командующего фронтом Ватутина Жуков провез по штабам становившихся в оборону соединений, привозил и на передний край. Это было довольно комичное зрелище: сам невысокий Георгий Константинович решительно шагал, показывая рукой в ту или иную сторону, а рядом и чуть позади семеня крошечный генерал-полковник Н.Ф. Ватутин.

Следует добавить, что к 25 марта активные боевые действия прекратились не только вследствие принятых нашим командованием и самой Ставкой организационных мер по переброске на ТВД новых армейских объединений. Просто еще 19 марта контрнаступление Манштейна выдохлось само собой, так сказать, по «естественным» причинам. К этому времени эсэсовские дивизии насчитывали уже менее 35 танков каждая, они понесли большие потери в людях и технике. К тому же наступал период весенней распутицы, традиционно становившейся временем оперативной паузы в операциях обеих сторон. Поэтому уже на следующий день после захвата Белгорода армейская группа «Кемпф» получила распоряжение высвободить дивизии 4-й танковой армии и занять фронт в районе Белгорода и Томаровки.

Итоги большого сражения

Оценивая события зимы 1943 года, можно со всей определенностью сказать, что главным направлением тогда являлось юго-западное. Именно здесь между про-

152

тивоборствовавшими сторонами развернулись самые масштабные и напряженные сражения. В ходе их Красная армия достигла значительных успехов. Наступая в полосе от Воронежа до Ростова, войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов провели ряд последовательных и взаимосвязанных операций и нанесли поражение крупным группировкам немецких войск и их союзников в районе Воронежа, на курском и харьковском направлениях, а также в северо-восточной части Донбасса. При этом их действия характеризовались подготовкой наступления в короткие сроки, переходом от одной операции к другой без длительных пауз, применением различных способов разгрома противника, несколькими одновременными или последовательными ударами на широком фронте.

И все же полностью достичь поставленной цели советские войска в зимнем наступлении не смогли. Войсками Юго-Западного и Южного фронтов не были выполнены задачи по освобождению Донбасса, а войсками Воронежского фронта — по выходу к Днепру. Операции этих фронтов так и не завершились. Реальные рубежи, на которых к концу марта действовали фронтовые объединения юго-западного направления, были далеки от запланированных. Успешным контрударом в Донбассе и на харьковском направлении в феврале—марте германскому командованию удалось на короткое время перехватить инициативу и изменить ход боевых действий в свою пользу.

Контрнаступление немецких войск в Донбассе и на харьковском направлении в феврале—марте 1943 года оказалось довольно результативным: противник остановил продвижение войск Южного фронта, а, кроме того, нанес поражение войскам правого крыла Юго-Западного и Воронежского фронтов. Благодаря этому он добился коренного изменения обстановки, что, в свою очередь, позволило ему

стабилизировать положение на всем юго-западном направлении.

В первую очередь такой результат стал следствием просчетов, допущенных и Ставкой и командованием фронтов на завершающем этапе зимней кампании 1942—1943 годов. При руководстве операциями фронтов на юго-западном направлении в феврале Ставка ВГК не проявила должной оперативности, недооценила всей серьезности развернувшихся в Донбассе событий. Поэтому Юго-Западный фронт не был своевременно усилен резервами, а продвижение Воронежского фронта нашим руководством было остановлено слишком поздно.

Лишь в конце февраля и начале марта, когда поражение армий правого крыла Юго-Западного фронта уже не вызывало никаких сомнений, а главное — создалась угроза удара крупных танковых сил противника во фланг Воронежскому фронту, Ставка начала исправлять положение и принимать радикальные меры по предотвращению дальнейшего расширения немецкого наступления. Для ликвидации угрозы на юго-западном направлении Ставка выдвинула сюда из своего резерва 1-ю и 2-ю танковые, 66, 24-ю и 62-ю армии, а Воронежскому фронту передала 21-ю и 64-ю армии. Это в конце концов позволило остановить контрнаступление войск вермахта, и они не смогли продолжить свой удар на Курск, в сторону которого с севера, из района Орла, готовилась нанести встречный удар 2-я немецкая танковая армия, чтобы окружить и разгромить советские войска, расположенные на Курском выступе.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ 3-я гвардейская танковая армия: Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии (под редакцией генерал-полковника *Зварцева А.М.*). М.: Воениздат, 1982. С. 30.

² ЦАМО, ф. 203, оп. 2903, д. 8, л. 12.

³ ЦАМО, ф. ЗТА, оп. 4487, д. 70, л. 13.

⁴ Там же.

⁵ *Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1933—1942. Schiffer Military History*, 1996. P. 44.

⁶ *Куличкин С.П. Ватутин: К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина*. М.: Воениздат, 2001. С. 156.

⁷ ЦАМО, ф. ЗТА, оп. 4487, д. 70, л. 38.

⁸ Там же, л. 36.

⁹ *Исаев А. Битва за Харьков: февраль — март 1943 года*. М.: «Стратегия КМ», 2004. С. 7—9.

¹⁰ Там же. С. 10—16.

¹¹ 3-я гвардейская танковая армия: Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии (под редакцией генерал-полковника *Зварцева А.М.*). М.: Воениздат, 1982. С. 47—48.

¹² ЦАМО, ф. ЗТА, оп. 4487, д. 70, л. 59.

¹³ Там же. Л. 60.

¹⁴ *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование*. М.: «Олма-Пресс», 2002. С. 283—284.

¹⁵ *Карель Г. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943—1944*. М., «Изографус», ЭКСМО, 2003. С. 139—140.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ *Манштейн Э. Утерянные победы*. М.: Воениздат, 1957. С. 395.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 3 ТА, оп. 4487, д. 66, л. 56.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, лл. 87—88.

²⁰ Бучин А.Н. 170 000 километров с Г.К. Жуковым. М.: «Молодая гвардия». С. 70.

²¹ Там же. С. 70—71.

²² Там же.

²³ Там же. С. 72.

²⁴ Там же. С. 73.

²⁵ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: «Олма-Пресс», 2002. С. 284—285.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО).

2. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: «Олма-Пресс», 2002. 608 с.

3. 3-я гвардейская танковая армия: Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии (под редакцией генерал-полковника Зварцева А.М.). М.: Воениздат, 1982. 288 с.

4. *Исаев А.* Битва за Харьков: февраль — март 1943 года. М.: «Стратегия КМ», 2004. 80 с.

5. *Куличкин С.П.* Ватутин: К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина. М.: Воениздат, 2001. 319 с.

6. *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957. 340 с.

7. *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. 1941—1943. Книга 1. М.: «Наука», 1973. 382 с.

8. *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. Перевод с английского и составление А.В. Бушуева, И.С. Соколова. Смоленск: «Русич», 1999. 414 с.

9. *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след. Перевод с немецкого и составление Н. Лаврова. Ростов н/Д: «Феникс», 2000. 352 с.

10. *Bender R.J., Taylor H.P.* Uniforms, organization and history of the Waffen — SS. San — Jose, R. James Bender Publishing, 1986. 176 p.

11. *Kurowski F.* Sturmgeschuetz dor! (Assault Guns to the Front!) J.J. Fedorowicz Publishing, 1999. 282 p.

12. *Thomas L. Jentz.* Panzertruppen 1933—1945. Schiffer Military History, 1996. 287 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ВОРОНЕЖА ДО ХАРЬКОВА (13 января — 3 марта 1943 года).....	3
ОСТРОГОЖСКО-РОССОШАНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (13—27 января 1943 года).....	7
ВОРОНЕЖСКО-КАСТОРНЕНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (24 января — 2 февраля 1943 года).....	44
ХАРЬКОВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (2 февраля — 3 марта 1943 года)	60
ХАРЬКОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (4—25 марта 1943 года)	96
ИТОГИ БОЛЬШОГО СРАЖЕНИЯ	152
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ	155
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	157

Научно-популярное издание
Забывшие страницы Второй мировой

Мощанский Илья Борисович

ПРЕВРАТНОСТИ СТРАТЕГИИ

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.08.2009. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 5. Тираж 4000 экз. Заказ № 350.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Эта книга повествует о сложных и драматичных событиях на южном фланге советско-германского фронта в феврале–марте 1943 года. Два фронтовых объединения — Юго-Западный под командованием Ватутина и Воронежский под командованием Голикова — как бы соревновались между собой за освобождение большей площади советской территории. Однако даже после Сталинграда немецкие войска были еще боеспособны, а германское командование, перегруппировав силы, в марте нанесло Красной армии поражение под Харьковом и снова завладело городом.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ISBN 978-5-9533-4190-5

9 785953 341905

